

ВЕСТНИК

Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований



4 (35) журнал выходит четыре раза в год

ВЕСТНИК КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОГО ИНСТИТУТА ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Издается с 1968 г. ISSN 2306-5826

Выпуск 4 (35), 2017 Выходит 4 раза в год

Главный редактор

д.и.н. К.Ф. Дзамихов

Редакционный совет

Акад. РАН В.И. Тишков (председатель); член-корр. РАН Х.И. Амирханов; акад. РАН Н.Н. Казанский; акад. РАН А.Б. Куделин; член-корр. РАН В.В. Наумкин; д.и.н. Ю.А. Петров; д.и.н. В.В. Трепавлов

Редакционная коллегия

д.и.н. Б.Х. Бгажноков, д.ф.н. Б.Ч. Бижоев, д.ф.н. Ж.М. Гузеев, д.ф.н. А.М. Гутов, к.и.н. А.Г. Кажаров, к.и.н. З.М. Кешева, к.ф.н. Д.М. Кумыкова (ответственный секретарь), д.ф.н. Х.Х. Малкондуев, к.ф.н. Л.Х. Махиева, к.и.н. Р.Г. Ошроев, к.и.н. Д.Н. Прасолов, д.ф.н. Х.Т. Тимижев, к.и.н. В.А. Фоменко

Адрес редакции: 360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18 Институт гуманитарных исследований КБНЦ РАН Тел.: 8 (8662) 42-50-94; E-mail: kbigi.red@mail.ru Сайт: www.kbigi.ru

[©] ИГИ КБНЦ РАН, 2017

[©] Редколлегия журнала «Вестник КБИГИ» (составитель), 2017



BULLETIN

of the Kabardian-Balkarian Institute for the Humanities Research



4 (35) the journal comes out four times a year

BULLETIN (VESTNIK) OF THE KABARDIAN-BALKARIAN INSTITUTE FOR THE HUMANITIES RESEARCH

Published since 1968 ISSN 2306-5826

Issue 4 (35), 2017 Published 4 times a year

Editor-in-chief

Doctor of History K.F. Dzamikhov

Editorial council

V.I. Tishkov (chairman), Member of the Russian Academy of Sciences;
H.I. Amirkhanov, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences;
N.N. Kazansky, Member of the Russian Academy of Sciences;
A.B. Kudelin, Member of the Russian Academy of Sciences;
V.V. Naumkin, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences;
U.A. Petrov, Doctor of History; V.V. Trepavlov, Doctor of History

Editorial board

Doctor of History B.H. Bgazhnokov; Doctor of Philology B.Ch. Bizhoyev;
Doctor of Philology Zh.M. Guzeev; Doctor of Philology A.M. Gutov;
Doctor of History A.G. Kazharov; Candidate of History Z.M. Kesheva;
Candidate of Philology D.M. Kumykova (exec. secretary);
Doctor of Philology H.H. Malkonduev; Candidate of Philology L.H. Makhiyeva;
Candidate of History R.G. Oshroev; Candidate of History D.N. Prasolov;
Doctor of Philology H.T. Timizhev; Candidate of History V.A. Fomenko

Address of editorial office: 18 Pushkin Street, Nalchik 360000 Institute for the Humanities Research KBSC RAS Ph.: 8 (8662) 42-50-94; E-mail: kbigi.red@mail.ru Site: www.kbigi.ru

[©] IHR KBSC RAS, 2017

[©] Editorial board of the journal «KBIHR Bulletin» (drafter), 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Кожев З.А. Крымские мотивы в черкесских генеалогических преданиях
и их исторические основания
Прасолов Д.Н. Административный статус мусульманских
священнослужителей в Кабарде и Балкарских обществах во второй
половине XIX – начале XX в.
Хотко С.Х. «Крымский аукцион» и судьба русско-черкесского альянса
в первой половине 60-х гг. XVI в
Кармов А.Х. Кабардино-Балкарская деревня в условиях новой экономи-
ческой политики
Дзуганов Т.А. Предпринимательские практики Нальчикского округа
(конец XIX – начало XX в.)
ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА
Вислова А.Д. Некоторые проблемы социальной адаптации молодежи
в условиях трансформации современного общества
Такова А.Н. Современное состояние сферы малого предпринимательства
в двухсубъектных республиках Северного Кавказа (Кабардино-Балкарии
и Карачаево-Черкесии)
Кочесоков Р.Х. Особенности современной реинтеграции Северного Кав-
каза в российское социальное пространство
ЯЗЫКОЗНАНИЕ. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ
Дзуганова Р.Х. Лексико-грамматические особенности адитивных глаго-
лов в адыгских языках
Аппоев А.К. Соотношение языковой и паремиологической картин мира
карачаевцев и балкарцев
Гутов А.М. Мотив предательства в историко-героическом повествовании
Алхасова С.М. Тенденции развития современного общества и их
отражение в литературе
Баков Х.И. Типология поэтических образов в северокавказской фило-
софской лирике
Болатова (Атабиева) А.Д. Общечеловеческие универсалии
в северокавказской эпической традиции
Бетуганова Е.Н. Эволюция жанра рассказа в кабардино-черкесской
литературе постсоветского периода: тенденции развития
в фольклорном наследии карачаевцев и балкарцев
и карачаево-балкарской литературе
Тхамокова Ж.Г. Отражение русско-адыгских отношений в фольклоре X ьэвжокъуэ Л.Б., Жэмыхъуэ P . A . Тхыдэ къэхъугъэхэр къэбэрдей-
шэрджэс усыгъэм къызэрыхэщыр
Сведения об авторах

CONTENT

HISTORICAL SCIENCE

Kozhev Z.A. Crimean motives in circassian genealogical legends and their	_
historical back-ground	7
and the Balkar societies in the second half of XIX – the beginning of XX century	13
Khotko S.K. «Crimean auction» and the fate of the russian-circassian alliance	13
in the first part of the 60s, the XVI century	22
<i>Karmov A.Kh.</i> Kabardino-Balkarian village in the conditions of new	
economic policy	34
Dzuganov T.A. Entrepreneurial practices of the NALCHIK district (late	
XIX – early XX centuries)	44
PROBLEMS OF MODERN SOCIETY DEVELOPMENT	
Vislova A.D. Some problems of social adaptation of youth in the conditions of transformation of the modern society	50
Takova A.N. The current state of the sphere of small business in the two-	50
subject republics of the North Caucasus (Kabardino-Balkaria and Karachay-	
Cherkessia)	55
Kochesokov R.Kh. On the features of modern reintegration of Northern	
Caucasus into the russian social space	61
LINGUISTICS. LITERARY CRITICISM	
Dzuganova R.H. Lexico-grammatical features editinig verbs in the circassian	
languages	68
Appoev A.K. Language and paremiological picture of the world in	
karachaevo-balkarian language	72
Gutov A.M. The motive of betrayal in the historical – heroic narration	78
reflection in the literature	83
Bakov Kh.I. Typology of national poetic images in the north caucasian	0.0
philosophical lyrics	86
Bolatova (Atabieva) A.D. Human universals in the North Caucasian epic Betuganova E.N. Evolution of the story genre in the Kabardino-Circassian	92
literature of post-soviet time: development trends	96
Gergokova L.S. Some generic features of the joke and its place in the folklore	
heritage of karachaevs and balkars	102
Sabanchieva L.H. Images of parents in modern adyghe and karachaevo-	104
balkar literature	10 0 111
Havzhokova L.B., Zhemuhova R.A. Reflection of historical facts and events	111
in kabardino-circassian poetry	118
The authors of this issue	128

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 94(470.64).04

З.А. Кожев

КРЫМСКИЕ МОТИВЫ В ЧЕРКЕССКИХ ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДАНИЯХ И ИХ ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ

Историческое бытие высшей черкесской аристократии, на протяжении нескольких веков доминировавшей на Северном Кавказе, заставляет всерьез отнестись к ее генеалогическим преданиям. В них отражается не только историческая память о реальном происхождении тех или иных владельческих фамилий, но и особенности процесса политогенеза на Западном Кавказе в широком контексте межэтнических и межгосударственных отношений. Из всей легендарной части генеалогического предания рода Иналовичей, сюжет с пребыванием в Крыму до переселения в Черкесию имеет явную корреляцию с синхронным и весомым черкесским присутствием на полуострове. Характер политических задач, решавшихся Иналом и его наследниками, а также правителями княжества Феодоро, сближает эти политии позднесредневекового Северо-Западного Кавказа и Крыма объективным тождеством социальных реакций на внешние вызовы.

Ключевые слова: генеалогия, Инал, черкесы, крымская Готия.

Генеалогические предания являются важным историческим источником, особенно для тех народов, которые не имели в прошлом собственной устойчивой письменной традиции. Они способны существенно дополнить археологические и скудные письменные источники по истории народов Западного Кавказа XV—XVIII вв. Генеалогические предания черкесской аристократии Средневековья и Нового времени традиционно возникали и сохранялись в устной форме. Как и всякие генеалогические предания они могут содержать явные преувеличения и анахронизмы, особенно в ранней, зачастую полулегендарной части генеалогии. Тем не менее, историческое бытие высшей черкесской аристократии, на протяжении нескольких веков доминировавшнй на Северном Кавказе, заставляет всерьез отнестись к источникам подобного рода. В них отражается не только историческая память о реальном происхождении тех или иных владельческих фамилий, но и особенности процесса политогенеза на Западном Кавказе в широком контексте межэтнических и межгосударственных отношений эпохи формирования исторической Черкесии.

К сожалению, развитие генеалогии как отрасли исторического кавказоведения не позволяет привлечь широкий спектр генеалогических преданий по всем черкесским субэтносам. Кроме того, значительная их часть безвозвратно потеряна в результате последствий Кавказской войны и массового изгнания черкесов. Поэтому в нашей статье будет рассмотрено лишь генеалогическое предание о происхождении черкесской княжеской династии Инала, сохранившееся в наиболее цельной, органичной форме, благодаря как значительности самой фамилии Иналовичей, так и многочисленным письменным фиксациям этого предания отечественными и иностранными писателями и учеными¹. Детальное исследование этого предания с подробным анализом его различных редакций также невозможно в

рамках одной небольшой статьи. Предметом нашего исследования является лишь один частный, но чрезвычайно интересный сюжет о «крымском» периоде истории или лучше сказать предыстории рода Инала.

Первые письменные фиксации генеалогии Иналидов относятся к середине XVII в. Родословные списки рода «кабардинских и черкасских мурз» были составлены в Москве. Очевидно, основными информаторами при составлении этих генеалогических списков выступали сами Иналовичи, многие из которых со второй половины XVI в. посещали Москву и даже выезжали на постоянную службу ко двору русских государей. Наиболее известны редакции родословных, принадлежавшие русским аристократам А.М. Пушкину и А.И. Лобанову-Ростовскому и опубликованные в *Приложениях и комментариях* к первому тому архивных материалов «Кабардино-русские отношения»². Они содержат некоторые разночтения, но в основных характеристиках совпадают, в частности, число поколений от родоначальника до современников – идентично³. Родоначальник в одном случае назван **Иналом** (у А.М. Пушкина), в другом – **Акабгу** (у А.И. Лобанова-Ростовского)⁴. Происхождение родоначальника в генеалогических списках никак не определяется.

Проблема происхождения Инала и время его жизни это отдельная проблема отечественного кавказоведени, которая имеет свю обширную историографию. Ее разбор, а также предложение своих интерпретаций не входит в число задач нашего исследования. Жизнь и деятельность Инала нашли яркое отражение в черкесском фольклоре. Хан-Гирей – первый черкесский историограф, давая оценку личности Инала и отношения к нему в исторической памяти черкесов, оставил весьма характерное описание: «Победы над врагами, благоденствие подвластных и счастливые успехи на всех предприятиях знаменитого этого предводителя ... и родоначальника их князей были причиною, что современники почитали его человеком сверхъестественным, причастным святости, и потомство долгле время с благоговением призывало на помощь «бога счастия Инала» в твердой уверенности что счастие и святость великого предка могут благоприятельствлвать предприятиям потомков»⁵. Время смерти Инала Ш.Б. Ногмов в своей «Истории адыхейского народа» определял 1427 г.⁶ «После покорения Абхазии, – писал Ш.Б. Ногмов – находясь на Дзибе (р. Бзыбь – Ped.) для заключения мира с абхазскими племенами, он, по окончании всех дел, скончался смертью праведника. Тело его похоронено в упомянутой земле, и могила его, извистная и до сих пор, носит название Инал-кубе, т.е. «Иналова могила» (по-абазински). И теперь народ свято чтит прах Иналов; он запрещает пускать скот вблизи его могилы; убить зверя в ее окрестностях считается преступлением»⁷. Существуют и другие датировки смерти Инала, например несколько более поздние, предположительно 1458 г.⁸ Во всяком случае, время его жизни и деятельности должно падать на конец XIV – первую половину XV вв. Хорошо известные русским летописным и архивным источникам кабардинские князья Идаровы, чья политическая деятельность падает на вторую половину XVI в. яволяются пятым поколением Иналовичей – Инал – Табула (Табулду) – Инармес – Идар – Кемиргоко / Биту / Желегот / Канбулат / Кады(р)шука9. Таким образом, дистанция между рождением Инала и князей Идаровых не превышает 120 – время смены четырех поколений.

Более пространные версии генеалогического предания о происхождении рода Иналовичей содержатся в работах отечественных и иностранных историографов XVIII–XIX вв. 10 Судя по всему, к концу XVIII в. генеалогическое предание Иналовичей приобрело законченный вид и имело уже письменную редакцию. Ян Потоцкий упоминает ценный документ с генеалогией кабардинских князей, а Ш.Б.Ногмов делает в своем труде «извлечение ... из Родословной книги, написанной на турецком языке» 11. Привязка исключительно кабардинских князей к родоначальнику Иналу это явно более поздняя историографическая традиция,

возможно появившаяся в связи стем, что остальные линии Иналидов, правившие в Западной Черкесии, политичеки ослабели. Черкесские предания однозначно возводят к общему предку Иналу княжеские династии не только Кабарды, но и других феодальных владений Черкесии – Бесленея, Кемиргоя, Хатукая, Жане, Хегака¹². Пространные версии происхождения черкесских князей содержат все характерные элементы документов подобного рода. Во-первых происхождение Иналовичей увязано с библейской историей. Инал через своих предков вовзводится к Симу – старшему сыну Ноя – прародителя человечества после Великого Потопа¹³. Во-вторых, геналогическое предание пытается увязать историю рода со знаковыми событиями мировой истории. В наиболее развернутом виде эта «легендарная» часть родословной Инала представлена у Ш.Б. Ногмова, а также в переложении геналогического предания в труде Я. Потоцкого. Здесь фигурируют знаковые для традиционалистского сознания народов Кавказа и всей Передней Азии хоронимы – Вавилония, Аравия, Египет¹⁴. Легендарная часть генеалогии Инала представляет собой набор явных анахронизмов и не менее явную попытку облагородить происхождение родоначальника черкесских княжеских династий родством с «ханами и князьями Аравии» 15. В дальнейшем мы преимущественно цитируем ту версию генеалогического предания Иналидов, которую нам оставил Ш.Б. Ногмов. В отличие от иностранных путешественников (П.С. Паллас, Я. Потоцкий, Г.-Ю. Клапрот и др.), пользовавшихся лишь отрывочными данными своих информаторов и возможно беглым знакомством с письменными редакциями предания, Ш.Б. Ногмов как природный черкес был знаком и с устным преданием и с «историографической» ее версией. В генеалогическом предании Иналовичей нашли отголоски мотивы мамлюкско-османской борьбы за обладание Египтом и Сирией, поражения и вынужденного бегства из страны. Спасаясь от преследователей беглецы, во главе с Араб-ханом посещают Константинополь и по милости «Греческого императора» на время поселяются в Крыму «на реке Кабарте» 16. Уже наследник Араб-хана – Абдан-хан решает переселиться на Западный Кавказ. В пути у него рождается сын, получивший имя Кеса. Последний, после смерти отца был признан за свои способности и мужество князем «окрестными туземцами» т.е. черкесами, с которыми переселенцы совершенно слились. Затем следуют два слабых наследника Кеса – Адо и Хурофатлае и, наконец, рождается вполне реальный Инал – родоначальник черкесских княжеских династий¹⁷. Древние развалины его ставки в низовьях Кубани – «города Шанджира между ручьями Непиль и Псиф» недалеко от Кизил-ташского лимана, еще в конце XVIII в. были хорошо известны современным черкесам¹⁸.

Уже первым авторам, фиксировавшим пространную редакцию генеалогического предания Иналидов, оно казалось весьма темным. Ян Потоцкий не без юмора заметил, что генеалогическое древо Иналидов весьма «благородное растение», «...однако оно представляется срубленным, поскольку ряд неясностей не позволяет ... разглядеть основание его почетного пня; впрочем, то же самое имеет место и в отношении всех европейских семейств» 19. Вся «легендарная» часть генеалогии Инала решает несколько типовых задач, характерных для преданий подобного рода. Во-первых, она обосновывает право на власть династии благородством ее происхождения. Хотя реальным основанием на высшую политическую власть Иналидов в Черкесии, по-видимому, были в первую очередь личные качества «отца-основателя», которые были настолько экстраординарны, что потомки и через четыре века после смерти Инала испытывали глубочайшее почтение перед его памятью. Предельно благородное, «египетско-вавилонское», а в контексте поздней (XVII–XVIII вв.), но бесповоротной исламизации черкесов «арабское» происхождение Инала вполне укладывается в логику выстраивания легитимной с точки зрения общественного сознания генеалогии династии. Длинный ряд мало примечательных предков, известных лишь по имени, а не по деяниям, также позволяет генеалогическому преданию удревнить род Инала, отодвинув момент основания династии вглубь веков, уравняв его, таким образом, с наиболее старыми и славными правящими домами. Насколько серьезно относились к этой легендарной части генеалогии сами члены династии еще в XVII в. видно из того, что «Родословные списки кабардинских и черкасских мурз» начинаются лишь с Инала. То есть и информаторы, и составители родословной Иналовичей в середине XVII в. сошлись на том, что история династии до рождения Инала не стоит упоминания.

Явно выбивается из логики построения легендарной генеалогии крымский транзит. Крымский полуостров с середины XIII в. был всего лишь одной из провинций Золотой Орды. Крымские мотивы генеалогического предания не могли хоть служить целям повышения престижа семьи Инала. Даже посещение Константинополя – мировой столицы и при византийских императорах, и при османских султанах, объяснимо с точки зрения утилитарных задач облагораживания происхождения семейства Инала. Но недолгое, согласно преданию, не более жизни одного поколения, пребывание в Крыму выглядит несуразной вставкой. Если только оно не корреллирует с историческим адекватом и не отражает какие-то реальные факты крымско-черкесских региональных или межэтнических связей на уровне социальных элит.

Попытки интерпретировать «крымский период» предыстории Иналовичей предпринимали и ранее. П.С. Паллас, Я. Потоцкий, Г.-Ю. Клапрот, Хан-Гирей, Ш.Б. Ногмов упоминают черкесские по происхождению топонимы в горном Крыму²⁰. Если П.С. Паллас на этом основании делал заключение о крымском происхождении как минимум части кабардинцев, то Г.Ю. Клапрот сразу выдвинул гораздо более логичную версию: «Райнегс и Паллас придерживаются того мнения, что эта нация, первоначально населявшая Крым, была оттуда изгнана в места их теперешнего поселения. На самом деле там находятся руины замка, который называется у татар Черкес-Кермен, а местность между реками Кача и Бельбек, чья верхняя половина, называется еще Кабарда, носит название Черкес-Туз, т.е. Черкесская равнина. Однако я не вижу в этом оснований для того, чтобы считать, что черкесы пришли из Крыма. Мне кажется более вероятным считать, что они одновременно жили как в долтне севернее Кавказа, так и в Крыму, откуда они, вероятно, были изгнаны татарами под предводительством хана Бату»²¹.

Тезис Г.Ю. Клапрота, в первой его части, об одновременном проживании черкесов, в Крыму и на Северном Кавказе, причем гораздо позже правления Батухана в Золотой Орде, подтверждается современными исследованиями. Население горного Крыма — так называемой «Крымской Готии» с центром в городе Феодоро (татарское название — Мангуп или Черкес-кермен) и под властью Золотой Орды продолжало сохранять православное христианство и какие-то формы политического самоуправления. «Готией» правила княжеская династия, которую в силу ее православия традиционно считалась греческой по происхождению²². Однако Х.-Ф. Байер в своей монографии «История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро», написанной на широком круге генуэзских и др. европейских по происхождению письменных источников убедительно доказал ее черкесское происхождение.

«Эта семья – пишет он, – скорее была черкесской ... Мы не знаем ее родовое имя и вообще ничего о ее предках. Члены семьи довольствовались подражанием западной геральдике, как и Палеологи, и наслаждались общей похвалой своего благородства»²³. Генуэзские документы, латинские хроники, греческие надписи и два греческих литературных памятника свидетельствуют о династии правившей в Феодоро и в крымской Готии с начала XV в. до 1475 г. Когда Крым был завоеван османами²⁴. Правители Феодоро (Алексей I, Олубей, Исайко, Александр) соперничали с генуэзцами за пограничные земли и укрепления на побережье, пытались выстраивать союзнические и династические связи с небольшими

православными государствами Причерноморья (Трапезундской империей, Молдавским княжеством) и даже с Великим Московским княжеством²⁵. Княжеская династии Феодоро успела породниться с последним правителем Трапезундской империи Давидом (1459–1463)²⁶. В 1472 г. Софья Палеолог, племянница последнего византийского императора и будущая жена Ивана III Васильевича (1462–1505), отправляясь в Москву, была сопровождаема неким Константином «из Мавнукского града»²⁷. Несколько позднее – 4 сентября 1472 г. ко двору Стефана Великого, воеводы Молдавии (1457–1504) привезли сосватанную для него сестру правителя Феодоро – «княгиню из Мангупа с именем Мария; она была черкешенкой и имела двух дочерей»²⁸.

Междоусобные распри внутри правящей семьи, конфликты с генуэзцами и крымскими татарами послужили поводом для османского вторжения в Крым 1475 г. Огромное османское войско захватило в Крыму все генуэзские колонии, а затем и Феодоро/Мангуп. Последний правитель княжества Александр был убит вместе со своими сыновьями, однако какие-то члены правящего дома, повидимому уцелели. Под 1540 г. крымским источникам в качестве знатных вассалов хана известны некие «мангупские принцы»²⁹.

Прямые свидетельства письменных источников о черкесском происхождении княжеской династии Феодоро, отождествление Феодоро/Мангупа с позднейшими развалинами Черкес-кермена, совпадение локализации черкесских топонимов в горном Крыму с бывшей территорией «Готии» свидетельствуют в пользу того, что «крымский транзит» семьи Инала в его генеалогическом предании, на наш взгляд, далеко не случаен. Для заключений о единстве происхождения Иналидов и династов крымской Готии слишком мало данных. Тем не менее, уже сейчас можно сделать следующие выводы.

Время возвышения правителей Феодоро, а также Инала и его наследников это один хронологический период (конец XIV–XV вв.) – эпоха развала Золотой Орды и вызревания на ее осколках новых этнополитических образований, во главе с династиями «туземного» происхождения.

Из всей легендарной части генеалогического предания рода Иналовичей, лишь сюжет с пребыванием в Крыму до переселения в Черкесию имеет явную корреляцию с синхронным и весомым черкесским присутствием на полуострове.

Характер политических задач, решавшихся Иналом и его наследниками, а также правителями княжества Феодоро (борьба с генуэзцами, противостояние татарскому доминированию, отражение османской угрозы, симпатии к христианам), сближает эти политии позднесредневекового Северо-Западного Кавказа и Крыма объективным тождеством социальных реакций на внешние вызовы. Историческая судьба государства Инала и «Готии» была различной. Изолированное от основного черкесского массива, княжество Феодоро пало в результате османского завоевания, а феодальные владения Иналовичей в качестве жизнеспособных этнополитических единиц Черкесии дожили до эпохи Кавказской войны.

Примечания

- 1. Налоева E.Д. Кабарда в первой половине XVIII века: генезис адыгского феодального социума и проблемы социально-политической истории. Нальчик, 2015; Налоева E.Д. Генеалогия кабардинских князей как исторический источник. Нальчик, 2015.
- 2. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. (Документы и материалы в 2-х томах). Т. 1. КРО. М., 1957. С. 383–387.
 - 3. Там же.
 - 4. Там же. С. 383, 384.
 - Хан-Гирей. О Черкесии. Нальчик, 1978. С. 153.
 - 6. Ногмов Ш.Б. История адыхейского народа. Нальчик, 1994. С. 95.

- 7. Там же. С. 96.
- 8. Адыгская (черкесская) энциклопедия. М., 2006. С. 169.
- 9. KPO. T. 1. C. 383-385.
- 10. Паллас П.С. Заметки о путешествиях в Южные наместничества Российского государства в 1793 и 1794 гг. // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях еропейских авторов XIII-XIX вв., - АБКИЕА. Нальчик, 1974. С. 216-218; Потоцкий Я. Путешествие в Астраханские и Кавказские степи // АБКИЕА. Нальчик, 1974. С. 227–231; Клапрот Г.-Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807–1808 гг. // АБКИЕА. Нальчик, 1974. С 258–260; *Хан-Гирей*. Записки ... С. 152–153; *Ногмов Ш.Б*. История ... С. 91–96. 11. *Потоцкий Я*. Путешествие ... С. 227; *Ногмов Ш.Б*. История ... С. 94.

 - 12. Хан-Гирей. Записки ... С. 154; Ногмов Ш.Б. История ... С. 96–97.
 - 13. Потоцкий Я. Путешествие ... С. 228.
 - 14. Там же. С. 229; Ногмов Ш.Б. История ... С. 92.
 - 15. Потоцкий Я. Путешествие ... С. 229.
 - 16. Ногмов Ш.Б. История ... С. 92-93.
 - 17. Там же. С. 93-94.
 - 18. Паллас П.С. Заметки ... С. 218.
 - Потоцкий Я. Путешествие ... С. 228.
- 20. Паллас П.С. Заметки ... С. 216-218; Потоцкий Я. Путешествие ... С. 229; Клапрот Г-.Ю. Путешествие по Кавказу ... С. 258.
 - 21. *Клапрот Г.-Ю*. Путешествие по Кавказу ... С. 258–259.
- 22. Байер X.- Φ . История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро. Екатеринбург, 2001. С. 200–204.
 - 23. Там же. С. 205.
 - 24. Там же.
 - 25. Там же. С. 211-224.
 - 26. Там же. С. 211.
 - 27. Там же. С. 224.
 - 28. Там же.
 - 29. Там же. С. 228-229, 242.

Z.A. Kozhev

CRIMEAN MOTIVES IN CIRCASSIAN GENEALOGICAL LEGENDS AND THEIR HISTORICAL BACKGROUND

The historical existence of the highest Circassian aristocracy, which for several centuries dominated in the North Caucasus, makes one seriously consider its genealogical legends. They reflect not only the historical memory of the real origin of these or those proprietary family names, but also features of the process of political genesis in the Western Caucasus in the broad context of interethnic and interstate relations. From the entire legendary part of the genealogical tradition of the Inalovichi family, the plot with a stay in the Crimea before its migration to Cherkessia has a clear correlation with the synchronous and weighty Circassian presence on the peninsula. The nature of the political tasks decided by Inal and his heirs, as well as the rulers of the principality of Theodoro, brings these politicians of the late medieval Northwest Caucasus and Crimea closer together by an objective identity of social reactions to external challenges.

Keywords: genealogy, Inal, Circassians, Crimean Gothia.

Д.Н. Прасолов

АДМИНИСТРАТИВНЫЙ СТАТУС МУСУЛЬМАНСКИХ СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЕЙ В КАБАРДЕ И БАЛКАРСКИХ ОБЩЕСТВАХ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

В статье рассматривается положение мусульманских священнослужителей в административной системе Кабардинского (Нальчикского) округа. Раскрывается процесс наделения кадия, эфенди и мулл официальными обязанностями в практиках имперского управления. Определены причины частого несовпадения формальных функций сельских священнослужителей с фактическим состоянием общинной религиозной жизни. Выявлены условия сохранения определенной автономности статуса мусульманских священнослужителей в сельских обществах. Установлено, что несмотря на неоднократные требования царской администрации соблюдать порядок утверждения и аттестации мусульманских священнослужителей, большинство эфенди и квартальных мулл в сельских обществах по многу лет осуществляли свою деятельность без соблюдения этих формальностей, но по договоренности с обществом. Таким образом религиозные общины (джамааты) автономно наделяли мусульманских священнослужителей идеологическими полномочиями, рассматривая этот вопрос, как сугубо внутренний, не требующий обязательного согласования с надобщинными административными структурами.

Ключевые слова: кабардинцы, балкарцы, интеграция, Российская империя, Кабардинский округ, Нальчикский округ, местное самоуправление, мусульманские священнослужители, эфенди, мулла.

В административной политике царской администрации в Кабарде со второй четверти XIX в. важное место занимала проблема обеспечения контроля за религиозной жизнью мусульманского населения. В 1822 г. с учреждением Кабардинского временного суда Главнокомандующий на Кавказе генерал А.П. Ермолов ограничивал административно-судебные функции мулл в Кабарде, установив их зависимость от органов военной администрации, а народному кадию при суде определялось «достойное содержание» 300 руб. в год¹. В условиях продолжавшейся Кавказской войны учреждение Суда было направлено на подрыв власти духовенства и прекращение связей кабардинцев с «отуреченным Закубаньем»². В то же время, осознавая прочность позиций ислама в Кабарде, российские власти пытались максимально использовать мусульманских священнослужителей в своих целях, привлекая их к имперским административным практикам³. Например, «молитва за Царя», составленная в 1820 г. А.П. Ермоловым⁴, положила начало регулярным директивным молениям, которые должны были «обосновывать незыблемость авторитета русской имперской власти среди мусульман Кавказа»⁵. Закреплению подданнических политических ориентаций способствовало проникновение в общественный быт элементов общегосударственной праздничной культуры. Начиная со второй четверти XIX в. в практику входят торжественные мероприятия, к участию в которых привлекали представителей этнических элит, а впоследствии и широкие народные массы.

Дальнейшее наделение мусульманского духовенства в Кабарде административными обязанностями было продолжено начальником Центра Кавказской линии генерал-майором кн. Г. Эристовым. В его предписании от 16 января 1851 г.

устанавливался следующий порядок: «Замечая, что весь народ кабардинский с малым исключением имеет весьма темное и часто превратное понятие о своей религии, предлагаю народному эфендию из каждой фамилии избрать по одному мулле, преданному нашему правительству, которому и подчинить всех прочих мулл фамилии и возложить на них ответственность, чтобы аульные муллы каждую пятницу поучали народ, толковали им обязанности их к Богу, царю, правительству и ближним; наставляли бы их в правилах чести и трудовой жизни, в случае же неисполнения этого, выбранные эфендии (о назначении коих суд имеет мне донести) обязаны сообщить народному эфендию, который вместе с судьями должен подвергнуть виновного наказанию»⁶.

Также была ликвидирована еще одна часть религиозной автономии, связанная с правом феодальных владельцев самим назначать мулл в своих селениях. Как заключал В.Х. Кажаров, это право теперь полностью переходило к российской администрации, равно как и регламентация основных видов деятельности мусульманского духовенства⁷.

На кадия (или, по некоторым документам, Народного эфендия) возлагалась задача «духовного управления» Кабардой для обеспечения в ней общественного спокойствия. Помимо заседания в Кабардинском временном суде и сменившем его в 1858 г. Окружном, он осуществлял надзор за состоянием умов в религиозных общинах, аттестовал сельских мулл не только на знание Корана, но и на предмет политической благонадежности. За выполнение своих обязанностей народный кадий получал от правительства 350 руб., а также по 50 коп. ежегодно с каждого двора с кабардинских селений и балкарских обществ⁸.

С назначением в 1856 г. Кавказским наместником А.И. Барятинского «меры властей сосредоточились на уменьшении политического влияния духовенства в крае» Политическая благонадежность становится одним из главных критериев выдвижения сельских священнослужителей. Прежде всего был ужесточен контроль за отбором мусульманских священнослужителей. Основным средством проверки требуемых качеств кандидатов в «аульные эфенди» стала аттестация их народным эфендием (кадием), утвержденная окружным начальством. 30 декабря 1857 г. начальник штаба войск левого крыла Кавказской линии предписывал начальнику Кабардинского округа: «... потребовать от кабардинского народного эфендия подробные сведения обо всех эфендиях и муллах, находящихся в Кабарде, с означением: 1. Кто из них по каким свидетельствам, с чьего разрешения и в каких аулах занимает должности? В какой степени они по знаниям, преданности правительству и нравственности могут быть полезны на занимаемых ими местах?». Там же предписывалось: если в результате проверки благонадежности аульных эфендиев будут выявлены духовные лица, «не получившие разрешения от начальства, то по вернейшем дознании о них, - оказавшихся полезными и имеющими право на занятие этих должностей по представлению народного эфендия выдать от себя свидетельство; оказавшихся же бесполезными удалить, заменив другими; затем вменить в обязанность с обращением ответственности за неисполнение Народному эфендию: чтобы ни один эфендий или мулла не имел права без ручательства его и без выданного от местного начальства свидетельства занимать вышеозначенные должности»¹⁰.

Также контроль предполагался над перемещениями мусульманских священнослужителей. В инструкции для окружных начальников Левого крыла Кавказской линии командующий Кавказской армией предписывал: «прибывающих в участок из других мест Кавказа мулл и эфендиев допускать к исполнению религиозных обязанностей в аулах только в таких случаях, когда эти лица имеют одобрительные аттестаты от своего местного начальства; в противном же случае о подобных людях доносить мне, немедленно для отправления их к прежним местам жительства»¹¹.

Административный надзор способствовал снижению политической активности мусульманского духовенства и превращению его в демонстративно лояльную

часть социальной элиты. Мусульманское духовенство - серьезная политическая и духовная сила северокавказских обществ, с которой надо считаться и которую надо уметь использовать – таково мнение А.-Г. Кешева, которое он в редакторской колонке «Терских ведомостей» в 1869 г. хотел донести до правительственных органов. «Нам кажется, что ввиду невозможности устранить совершенно влияние духовенства на народ ... благоразумие требует употребить это влияние в пользу власти и народа» - «лучше иметь дело с разумною силой, чем с диким предубеждением и фанатизмом»¹². А. Кешев выражал надежду, что с окончанием Кавказской войны обязательно начнется обновление умонастроений в среде исламского духовного сословия. «Горское духовенство, в настоящем его виде, – писал он, - есть продукт прошлого смутного времени, которое не могло, конечно, не наложить на него своей печати; ...с изменившимися, обстоятельствами должны сгладиться сами собою и те чуждые религии элементы, которые обусловливались ожесточенной борьбою. Доказательство тому можно видеть даже теперь на лучших представителях горского духовенства, а через несколько еще лет крутой поворот в образе мыслей этого сословия не будет уже подлежать сомнению»¹³.

В 1864 г. К. Атажукин, подчеркивая лояльность кабардинского духовенства, отмечал: «Они не отличаются тем мрачным фанатизмом, которым ознаменовали себя чеченцы и дагестанцы... Они на деле не питают особенного пренебрежения к гяурам, не осуждают служащих, и сами они не отказались бы служить правительству, принимать от него подарки, деньги и носить его знаки отличия. Я знаю нескольких мулл, которые носят медали, пожалованные им за усердие, с особенным тщеславием и при всяком удобном случае выставляя их напоказ. Ни один мулла не только не избегает поручений начальств, но особенно рад, если ему начальство что-нибудь поручит, и особенно ревностно старается оправдать доверенность начальства, которой при удобном случае не преминет похвастаться пред служащими кабардинцами»¹⁴.

Однако, несмотря на оптимизм первых представителей адыгской интеллигенции, административный надзор за политической благонадежностью мусульманских священнослужителей в глазах царской администрации не утрачивал актуальности и в дальнейшем.

В сентябре 1911 г. Терское областное правление, апеллируя к статьям «Устава духовных дел иностранных исповеданий», предлагало администрации Нальчикского округа обязательно устанавливать характер образования духовных лиц, подданство, благонадежность «в политическом отношении», а также «не наблюдается ли за ними склонность к мусульманскому движению и религиозно-племенной агитации»¹⁵.

Утверждение окружной администрацией оставалось непременным условием назначения сельских священнослужителей. Однако оно не всегда соблюдалось и поэтому в делопроизводственной документации пореформенных лет появлялись административные предписания, подтверждающие, что это требование остается в силе, хотя, очевидно, плохо соблюдается. 8 января 1893 г. начальник Терской области издал распоряжение «чтобы сельские муллы в магометанских селениях на будущее время назначались не иначе как по выбору окружного кадия и мною утверждались» 16. Разумеется, это не означало, что до тех пор норма утверждения отсутствовала. Появление документа было вызвано неисполнением этого требования в Малой Кабарде. Четыре года спустя уже всем сельским правлениям вновь напомнили, что «все эфенди и муллы утверждаются и увольняются от должности по распоряжению начальника округа; общество же не имеет права увольнять и назначать эфендиев и мулл» 17.

Однако подобные требования нисколько не меняли обычную практику формирования штата сельских священнослужителей. Материалы 1912—1913 гг. по составу мусульманского духовенства Кабарды не оставляют сомнений в том, что при решении этих кадровых вопросов сельские общества очень часто игнорировали

необходимость не только утверждения начальством, но даже и наличия у мулл удостоверений о профессиональной подготовке от Народного Кадия.

Получение этого свидетельства не было пустой формальностью. В зависимости от знаний, которые показывал экзаменуемый, ему присуждалась определенная квалификация. В источниках начала XX в. встречается информация о свидетельствах на право отправления должностей сельского и квартальных эфендиев 1—3-й степеней¹⁸. Известны случаи отстранения сельского эфендия от должности решением Народного кадия на основании жалобы односельчан¹⁹. Таким образом, заключение народного кадия не только определяло уровень подготовки, но и устанавливало некоторую дифференциацию среди мусульманского духовенства, зависящую от профессиональной компетенции. Также необходимо учитывать, что с конца 1850-х гг. религиозный надзор над пятью горскими обществами было определено кадию Балкарского участкового суда²⁰, а с учреждением в 1885 г. Временного отделения Нальчикского горского словесного суда – кадию от балкарских обществ²¹.

Особый порядок устанавливался для сельских эфенди, которых непременно требовалось утверждать не только в окружной, но и в Терской областной администрации. Однако и в их отношении в 1912 г. во многих общинных правлениях свидетельств об утверждении не имелось. В некоторых селениях такая должность даже отсутствовала как отдельная штатная единица: сельским эфенди считался квартальный мулла, руководивший шариатскими разбирательствами в аульном суде²². Старшина селения Кучмазукино уточнял, что квартальные эфендии «заседают в суде попеременно ежегодно»²³. В некоторых селениях сельский эфендий не вел службы в мечети, а только заседал в суде и выполнял соответствующие административные функции²⁴. Т.е. являлся главным образом административным лицом.

Административный регламент и архивные источники второй половины XIX — начала XX в. четко не разграничивают термины «мулла» и «эфенди». В практике управления царские чиновники, равно как и должностные лица в сельских обществах, не видели разницу между ними. В служебной переписке сельских мусульманских священнослужителей называли либо эфенди, либо муллами, что, разумеется, не всегда буквально соответствовало их функциям и субординации между ними в сельской общине. Более укоренившееся в лексиконе прихожан и должностных лиц звание эфенди, в том числе и для квартальных священнослужителей, по существу, правильно отражали их статус религиозного лидерства не в сельской общине, а в общине религиозной.

В период становления системы сельского общественного управления, обязанности сельских мулл и эфенди пополнились целым рядом фискальных функций. В отличие от квартального муллы сельский эфенди являлся прежде всего должностным лицом в административно-судебной системе общины. Его обязанности включали: ведение метрических книг с отметками о родившихся, умерших, бракосочетаниях и разводах; контроль над сбором и распределением закята, соблюдением правил религиозной обрядности в сельском обществе и руководство заседаниями аульного суда при рассмотрении дел, подсудных шариату. Кроме этого, он приводил к присяге должностных лиц аульного правления (клятва произносилась на Коране), скреплял своей подписью общественные приговоры и решения медиаторских судов²⁵.

В проекте правил по управлению аулами в Терской области от 1862 г. статус «аульного муллы» в первую очередь определялся его административными функциями. Помимо «исполнения разных треб по духовной части» ему предполагалось исполнять при старшине (в случае его неграмотности) функции «мирзы», прочитывая и составляя для него делопроизводственную документацию. Согласно проекту, сельского муллу должен был назначать начальник округа из

«людей, наиболее преданных правительству, известных своим умом, честностью и справедливостью», и обязательно обнаруживших «достаточное знание правил шариата»²⁶.

В «Положении об аульном общественном управлении», введенном в действие в Кабардинском округе с 1868 г., устанавливалось, что «аульным эфендием может быть только имеющий от народного кадия свидетельство в том, что он по познаниям своим и по образу жизни может быть эфендием; утверждается аульный эфендий окружным народным судом; содержание эфендию назначается по усмотрению аульного схода с согласия эфендия»²⁷.

Мусульманское духовенство принадлежало к числу наиболее высокооплачиваемых должностей в общине. Помимо основного денежного вознаграждения, традиционно составляющего 1 руб. с каждого двора в год, эфенди и квартальные муллы получали от своих прихожан натуральные продукты. Другим источником их дохода являлись фиксированная доля с благотворительных сборов, а также плата за исполнение религиозных треб при похоронах и заключении брачных договоров²⁸. Однако нелишне заметить, что некоторые с трудом получали причитавшуюся им плату, и нередко оказывались вынуждены в индивидуальном порядке обращаться в суд²⁹. Подавляющее большинство служителей культа существовало исключительно за счет ритуальных доходов, и лишь единицы из них вели собственное хозяйство³⁰. Возможно поэтому многие стремились, как можно дольше сохранять за собой занимаемую должность (до нескольких десятков лет), а каждые новые выборы сопровождались конфликтами претендентов³¹.

Несмотря на строгость многочисленных административных распоряжений должностной, правовой и финансовый статус многих священнослужителей соответствовал положению, описанному старшиной селения Коново: «все эфенди служат по частному найму от своего квартала, в должностях не утверждались, из них сельский эфендий заседает в суде и получает за это жалованье из общественных сумм»³². Циркуляр МВД от 22 декабря 1911 г. в очередной раз предписывал более строго соблюдать порядок аттестации, избрания и утверждения «приходских мулл», руководствуясь статьями 1431–1436 устава Духовных дел иностранного исповедания³³. Окружная проверка в 1912 г. установила, что в селении Ашабово из 12 сельских и квартальных мусульманских священнослужителей не имели документов об утверждении 11³⁴, в селении Атажукино 2-е все 3^{35} , в Атажукинов 3-м – 1 из $2-x^{36}$, в Кучмазукино 1 из $3-x^{37}$, в Докшоково 1 из 4-х³⁸, в Жанхотовском 1 из 4-х³⁹. Не утвержденным по форме оставался полный состав духовенства в Кармово (5 человек)40, в Касаево (3)41, Аргудан $(7)^{42}$, Кайсын-Анзорово $(6)^{43}$, Тамбиево 2-ом $(5)^{44}$, Куденетово 1-м $(5)^{45}$, Астемирово $(4)^{46}$, Хапцево $(4)^{47}$ и др. В Наурузово 4 квартальных эфенди «в должности раньше не утверждались, т.к. жители кварталов без ведома правления договаривали и не заявляли о составлении приговоров»⁴⁸. Причем все они отправляли религиозные требы по многу лет, а некоторые принимали участие в заседаниях аульного суда.

Рассматривая аналогичные явления на материалах горских обществ Нальчикского округа, Е.Г. Муратова приходит к выводу о децентрализованном характере управления духовной жизнью, подчеркивая, что «традиции выборности мусульманских священников у балкарцев не позволяли духовенству превращаться в замкнутое сословие»⁴⁹.

Сельские общества прибегали к санкциям по отношению к нежелательным для них священнослужителям. В частности, это могли быть недопущение в мечеть или отказ в выплате жалованья. Зачастую они применялись вопреки официальным указаниям участковых или окружных властей, что также подтверждало определенную автономность взаимоотношений религиозной общины и мусульманских священнослужителей. Архивные документы свидетельствуют, что если духовное

лицо поддерживало непопулярные в народе решения властей, то оно могло потерять поддержку среди прихожан.

Во второй половине 80-х гг. XIX в. таубии Урусбиевы добились передачи им в собственность лесных и пастбищных угодий Баксанского ущелья, что крайне ущемило интересы рядовых членов сельского общества. После отклонения их прошений о восстановлении общинного порядка пользования лесом, одной из форм социального протеста стало бойкотирование сельского эфендия Зулкарнея Эфендиева, поддержавшего Урусбиевых. В феврале 1897 г. недовольство выразилось в том, что часть общества демонстративно отказывалась молиться под его руководством и подменило Эфендиева «сохтом», т.е. учеником. Согласно заявлению отстраненного мусульманского священнослужителя, нанятый обществом житель чегемского общества Бапинаев «по настоящее время исполняет обязанности эфендия, без какого-либо на то разрешения начальства, который служит в мечети, хоронит людей своей партии и вообще берет на себя все обязанности эфендия в обществе... Все сторонники ведения дела Урусбиевых выдумали противникам своим клички «кепти», что означает язычник, безверный, что крайне раздражает народ, и если этого не пресечь, то можно ожидать драк, поранений и убийств»50. Таким образом, конфликт из-за распределения религиозной власти, оказался следствием острых земельных противоречий в Урусбиевском обществе⁵¹.

Одной из проблем координации деятельности мусульманских священнослужителей стала поквартальная организация религиозной жизни сельских обществ. При формально существующем соподчинении сельским эфенди квартальных мулл, в повседневной практике иерархичность их служебных взаимоотношений зачастую оказывалась довольно условной.

В середине 1860-х гг., определяя задачи и перспективы начинаемых в Кабардинском округе общественных преобразований, Терская сословно-поземельная комиссия рекомендовала: «Необходимой мерой по осуществлению расселения аулов комиссия находит строгое приказание народному кабардинскому эфендию наблюсти под его ответственностью, чтобы в новых аулах было бы по одной прилично выстроенной мечети, расположенной на удобной просторной местности и обнесенной прочной изгородью с запирающимися воротами. Выбранных для мечетей мулл должен народный эфендий обязать заниматься с учениками Кораном и народною грамотою и блюсти за порядком и чистотою мечети и двора, ведением метрики, которая во всех мусульманских селениях существует»⁵². Такой представлялась наиболее приемлемая религиозная организация сельских обществ российским чиновникам. Вместе с тем отмечалось, «что соединяемые ныне мелкие аулы помышляют удержать свою отдельность сохранением отдельных для каждого аула мечетей, старшин, пастухов и всех других принадлежностей аульного быта»⁵³. Нельзя не отметить прозорливость Комиссии, поскольку тенденции обособления, замеченные ими, только начинали сказываться на жизнедеятельности сельских обществ.

В 1865 г. в Кабарде началось т.н. «укрупнение селений». Небольшие населенные пункты были сгруппированы в более крупные и некогда самостоятельные аулы стали кварталами образовавшихся сельских обществ. Их внутренний уклад отличался своеобразной автономией в рамках общинной организации селения, в том числе и в религиозной жизни. Впоследствии стало очевидно, что стремление властей унифицировать религиозную жизнь сельских общин не привело к ликвидации некоторой обособленности квартальных джамаатов. Ошибкой, а впоследствии и проблемой царской администрации стало то, что они изначально пытались бороться с тем, чему сами были причиной. Очевидно, что еще чиновники Терской сословно-поземельной комиссии предполагали «подогнать» сложившуюся за многие десятилетия форму организации религиозных общин, совпадавших с аулами, принадлежавшими отдельным владельцам, под

укрупненные селения. При этом кабардинцам предписывался регламент, который во многом не учитывал ни особенности их традиционной религиозности, ни готовность народа сохранять приверженность этим традициям, в том числе и в пространственной организации религиозных общин.

В источниках, наряду с официальным обозначением «квартал» и его кабардинским синонимом «хьэблэ», упоминается понятие «джамаат». Оно в кабардинской транскрипции пишется как «жэмыхьэт» и переводится в двух значениях: «квартал» и «часть населенного пункта, объединяемая одной мечетью». В кабардинорусском словаре по принципу аналогии дается пояснение, что последнее «соответствует церковному приходу»⁵⁴.

В мусульманском лексиконе «джамаат» является определением религиозной общины. Весьма показательно, что его употребление как обозначения квартальной социальной общности особенно характерно для этнографических материалов, собранных сотрудниками КБНИИ в ходе опросов кабардинских старожилов в 1970-х гг.

Возможно, совмещение этих двух понятий произошло вследствие административно-территориальные преобразования середины 60-х гг. XIX в. Именно с этого времени в результате структурного переустройства традиционной кабардинской деревни «джамаат» становится обозначением социальной общности сельского квартала, которая одновременно являлась религиозной общиной, группирующейся вокруг квартальной мечети. Таким образом, в пореформенную эпоху организационная структура сельского общества включала несколько вполне автономных мусульманских общин.

В начале XX в. в кабардинских сельских обществах редко было менее 3, а в отдельных случаях (например, в селении Ашабово в 1912 г.) насчитывалось до 12 эфенди и квартальных мулл⁵⁵. Таким образом, пространственной унификации религиозной жизни так и не сложилось. Местное население, невзирая на усиление контроля над религиозной сферой, последовательно игнорировало административно установленные формы организации религиозной общины — джамаата, осуществляя свои религиозные практики в формате, сложившемся до укрупнения селений, то есть в рамках приходов квартальных мечетей.

Сложившаяся религиозно-общинная структура противоречила религиозной политике царской администрации, которая в рамках общеимперской политики стремилась установить единообразное совпадение религиозных общин с сельскими обществами⁵⁶. Другие примеры расхождения норм и практики наглядно демонстрировали, насколько формально религиозная жизнь кабардинской деревни контролировалась надобщинными институтами. На практике элементарная координация административной и духовной деятельности квартальных священнослужителей в сельских обществах нередко оказывалась затрудненной.

В рапорте от 3 февраля 1893 г. атаман Сунженского отдела Терской области сообщал: «в бытность мою в Малой Кабарде я дознал, что в тамошних селениях по издавна существующему порядку имеется по несколько так называемых квартальных мулл и отдельных у каждого мечетей, которые самостоятельно исправляют свои обязанности, и старшого между ними, которому бы подчинялись остальные, нет; так что и в ведении метрических книг происходит беспорядок»⁵⁷.

В 1913 г. начальник Нальчикского округа С. Клишбиев наблюдал следующее: «В тех селениях, где имеется несколько кварталов, весьма часто происходят недоразумения между муллами и нередко бывают случаи различного толкования чисто религиозных вопросов, отчего в глазах темной массы народа падает значение самих мулл как духовных наставников, а также и значение религии, и по причине неурядиц между муллами страдают также все разрешаемые на местах в селениях мелкие шариатские дела»⁵⁸.

Таким образом, несмотря на инструкции царских властей, сельские общества в значительной степени самостоятельно формировали штат приходского

мусульманского духовенства. Более того, вопросы эти чаще всего решались не на уровне всего сельского общества, а в рамках религиозной общины-джамаата, социальные пространства которых часто не совпадали. Несмотря на строгие требования царской администрации соблюдать порядок утверждения и аттестации мусульманских священнослужителей, на протяжении всего рассматриваемого периода большинство эфенди и квартальных мулл в сельских обществах по многу лет осуществляли свою деятельность без соблюдения этих формальностей, но по договоренности с обществом. Т.е. сельские общества рассматривали этот вопрос, как сугубо внутренний, не требующий обязательного согласования с надобщинными структурами власти. В этой связи недостаточно обоснованной представляется точка зрения Ж.А. Калмыкова о том, что «мусульманское духовенство в Нальчикском округе полностью зависело от администрации»⁵⁹. При рассмотрении религиозной практики сельских обществ становится очевидным, что на протяжении многих лет, обладая широкими возможностями по регламентации и надзору за религиозной жизнью сельских обществ, царские власти не сумели реализовать их в полной мере.

Примечания

- 1. *Леонтович Ф.И.* Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Одесса, 1882. Вып. І. С. 262–268.
 - 2. См.: *Потто В.А.* Кавказская война. Ставрополь, 1994. Т. 2. С. 376–378.
- 3. *Мукожев А.Х.* Народный эфендий Умар Шеретлоков // Исторический вестник КБИГИ. Нальчик, 2005. Вып. І. С. 349.
 - 4. Записки А.П. Ермолова. 1798–1826 гг. М., 1991. С. 339.
- 5. *Арапов Д.Ю.* Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII начало XX вв.). М., 2004. С. 71–72.
- 6. Управление центрального государственного архива Кабардино-Балкарской республики (далее УЦГА АС КБР). Ф. 23. Оп. 1. Д. 28. Т. 2. Л. 6.
 - 7. *Кажаров В.Х.* Адыгская вотчина. Нальчик, 1993. С. 122–123.
 - 8. УЦГА АС КБР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 438. Л. 10–12.
- 9. *Мачукаева Л.Ш.* Система управления Северным Кавказом в конце XIX начале XX века (На материалах Терской области): дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. С. 152–153.
 - 10. УЦГА АС КБР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 908. Л. 1.–3.
 - 11. Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 467. Л. 8.
 - 12. [Кешев А.-Г.]. Библиография // Терские ведомости.1869. № 46.
 - 13. Там же.
- 14. *Атажукин К.* Мнение о ведении письменности в Кабарде // *Кумыков Т.Х.* Кази Атажукин. Нальчик, 1969. С. 134.
 - 15. УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 841. Л. 22 об.
 - 16. Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 271. Л. 45-45 об.
 - 17. Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 419. Л. 13.
 - 18. Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 841. Л. 44-44 об.
 - 19. Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 841. Л. 38.
 - 20. Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 26. Л. 8 об.
 - 21. Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 841. Л. 9–9 об.
- 22. Там же. Ф. б. Оп. 1. Д. 841. Л. 52, 58, 58 об., 69, 75, 78 об., 98, 106, 115–115об., 121, 126, 128, 136 об.–137, 140.
 - 23. Там же. Л. 58 об.
 - 24. Там же. Л. 60, 63, 50, 54, 47, 102, 104, 94–95.
- 25. *Битова Е.Г.* Модернизирующие реформы на Северном Кавказе и местная политическая традиция: отторжение или адаптация // RES PUBLICA. 2000. Вып. 1. С. 176.
 - 26. УЦГА АС КБР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 656. Л. 2-3.
 - 27. Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 888. Л. 7 об.
 - 28. Там же. Ф. 24. Оп. 1. Д. 363. Л. 57.

- 29. Там же. Ф. 22. Оп. 1. Д. 477. Л. 1.
- 30. Там же. Ф. 22. Оп. 1. Д. 1913. Л. 2; Д. 391. Л. 1-1 об.
- 31. *Калмыков Ж.А.* Установление русской администрации в Кабарде и Балкарии в конце XVIII начале XX вв. Нальчик, 1995. С. 89.
 - 32. УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 841. Л. 77.
 - 33. Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 841. Л. 22-22об.
 - 34. Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 841. Л. 44-44об.
 - 35. Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 841. Л. 50.
 - 36. Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 841. Л. 52.
 - 37. Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 841. Л. 58-58об.
 - 38. Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 841. Л. 100.
 - 39. Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 841. Л. 106.
 - 40. Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 841. Л. 60.
 - 41. Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 841. Л. 63.
 - 42. Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 841. Л. 92-23.
 - 43. Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 841. Л. 94-95.
 - 44. Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 841. Л. 70-71.
 - 45. Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 841. Л. 110.
 - 46. Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 841. Л. 126.
 - 47. Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 841. Л. 140.
 - 48. Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 841. Л. 74-75 об.
- 49. *Муратова Е.Г.* Социально-политическая история Балкарии XVII начала XX в. Нальчик, 2007. С. 276–279.
 - 50. УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 411. Л. 81.
 - 51. Муратова Е.Г. Указ. соч. С. 287.
 - 52. УЦГА АС КБР. Ф. 40. Оп. 1. Д. 4. Л. 209.
 - 53. Там же. Л. 209 об. 210.
- Кабардино-русский словарь. Под общей редакцией Б.М. Карданова. М., 1957.
 89.
 - 55. УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 841. Л. 5–6, 11–20, 44–45.
- 56. *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII начало XX в.). СПб., 2000. Т. І. С. 462.
 - 57. УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 271. Л. 45-45 об.
 - 58. Калмыков Ж.А. Указ. соч. С. 121.
 - 59. Там же. С. 88.

D.N. Prasolov

THE ADMINISTRATIVE STATUS OF MUSLIM PRIESTS IN KABARDA AND THE BALKAR SOCIETIES IN THE SECOND HALF OF XIX - THE BEGINNING OF XX CENTURY

In article position of Muslim priests in a management system of the Kabardian (Nalchik) district is considered. Process of investment of the qadi, an efenda and mullahs with official duties in practicians of imperial management reveals. The reasons of a frequent discrepancy of formal functions of rural priests with actual state of communal religious life are defined. Conditions of maintaining a certain autonomy of the status of Muslim priests in rural societies are revealed. It is established that despite numerous requirements of imperial administration to observe an order of a statement and certification of Muslim priests, the majority of an efenda and quarter mullahs in rural societies on a mnoga of years carried out the activity without respect for these formalities, but by agreement with society. Thus the religious communities independently gave to Muslim priests ideological authority, considering this question as especially internal, not demanding obligatory coordination with the highest administrative structures.

Keywords: Kabardians, Balkars, integration, Russian Empire, Kabardian district, Nalchik district, local government, Muslim priests, efend, mullah.

С.Х. Хотко

«КРЫМСКИЙ АУКЦИОН» И СУДЬБА РУССКО-ЧЕРКЕССКОГО АЛЬЯНСА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 60-х гг. XVI в.

В середине XVI в. феодальная элита адыгов смогла выработать политическую стратегию, направленную на сдерживание османско-крымской агрессии. В основе этой стратегии лежал военный альянс с Русским государством. Так называемое «крымское дело» являлось главным внешнеполитическим проектом Ивана IV и, даже начав борьбу за выход к Балтийскому морю, он продолжал организовывать натиск на Крым. Но в 1561 г. Иван IV пересмотрел характер своей политики в отношении Крыма и, соответственно, Западной Черкесии. Москва стремилась заключить сепаратный мир с Девлет-Гиреем, поскольку столкнулась с большими военными трудностями в Ливонской войне. В марте 1562 г. заканчивалось перемирие с Литвой (фактически, еще и с Польшей, так как обеими странами правил Сигизмунд II Август). Войну с Ливонией, Литвой и Крымом одновременно Москва вести была не в состоянии. И Москва, и Вильнюс были кровно заинтересованы в том, чтобы их могущественный южный сосед в лице Крымского ханства воздерживался от нападений на их рубежи и выбирал бы для ежегодных рейдов территорию противника. Так возникла длительная геополитическая ситуация, названная С.М. Соловьевым «крымским аукционом». Определенная зависимость Москвы от позиции Крыма сделала ее малоэффективным дипломатическим и военным партнером для черкесских княжеств.

Ключевые слова: Черкесия, Русское государство, Крымское ханство, Литва, геополитический треугольник, «крымский аукцион», сепаратный, альянс.

В середине XVI в., сразу после серии разорительных османско-крымских походов в Черкесию¹, начался качественно новый этап в политической истории адыгов. Впервые, испытав сильнейшее давление, феодальная элита смогла организоваться и выработать политическую стратегию, направленную на сдерживание внешней агрессии. В основе этой стратегии лежал поиск военного союзника. К середине этого столетия в качестве естественного союзника адыгов выступило Русское государство, которое проводило активную внешнюю политику и впервые в своей истории оказалось в состоянии не только отражать натиск кочевых армий, но и осуществлять длительные военные кампании далеко за пределами своей территории.

В ноябре 1552 г. в Москву прибыло первое черкесское посольство во главе со старшим князем Бесленея Машуком Кануко². В июле 1553 г. черкесские князья еще находились в Москве и сопровождали царя в его выступлении на Коломну навстречу ожидавшемуся появлению крымского хана³. В августе 1555 г. прибыло второе черкесское посольство. Оно возглавлялось старшим князем Жанея Сибоком: «И били челом князи Черказские ото всей земли Черказские, чтобы государь пожаловал, дал им помочь на Турьского городы и на Азов и на иные городы и на Крымского царя, а они холопи царя и великого князя и з женами и з детми во векы... И царь и великий князь их пожаловал великым своим жалованием, а о Турского городех им велел отмолыть, что Турской салтан в миру со царем и великым князем, а от Крымского их хочет государь беречь, как возможно, а во свои им земли учинил отъезд и приезд доброволной, кормы их удоволил и казенным жалованием»⁴.

Осенью 1555 г. русский посол в Литву Савлук Турлеев получил детальную инструкцию, как отвечать на вопросы об отношениях с черкесами. Эта инструкция описывает очередность событий и объясняет нам причину второго посольства. Оказывается, оно стало результатом некоего большого собрания черкесской знати, а Сибок был направлен как выразитель общих интересов: «А не одна та земля к государю приложилася: яз поехал сюды, а к государю приехали черкаские князи Пятигорские; а наперед сего приезжали к государю князи черкаскые Алклычь князь Езбузлуков сын княжой и иные князи ото всех бити челом, чтоб их государь пожаловал, взял в свое имя. И государь их пожаловал, и посылал к ним посла своего Ондрея Щепотева, и Ондрей у них был и всю землю к правде привел. И прислали, все сгласясь, к государю бити челом Сибока князя, а Цимгука князя и иных князей; и Сибок князь з братьею и с своими лучшими людми, человек их со сто, били челом о том же, чтобы их государь с всею землею взял за себя и дань на них положил имати на всякой год по тысяче аргамаков, да ходити князем на всякые государевы службы, а с ними людем их быти на войну по дватцати тысяч»⁵.



Панцирник пятигорской хоругви http://www.tforum.info/forum/index.php?s=82985a6605aed4e8e2d96ca569300f7f&app=core&module=attach§ion=attach&attach_rel_module=post&attach_id=43556

Основной вопрос, который заботил жанеевских князей — получение военной помощи Москвы против турецких крепостей на Таманском полуострове. В этом им было официально отказано и отмечено, что царь обещает им содействие только против крымского хана. В этот период Москва тщательно избегала конфликта с Турцией. «Московская политика поддержания мира с султаном, — отмечает И.В. Зайцев, — проводившаяся с момента установления дипломатических отношений между двумя государствами, не изменилась в 50-е годы. Турция следовала той же тактике. Две державы не вступали в открытые конфликты»⁶.

Посольства 1552 и 1555 гг. позволили черкесам опереться на русскую военную поддержку и, точно также, русским стало легче сдерживать крымские натиски⁷. В октябре 1556 г. литовский князь Дмитрий Вишневецкий, только что перешедший на службу к Ивану IV, захватил крепость Ислам-Кермен на Днепре «и людей побил и пушки вывез к собе на Днепр во свой город (укрепление на днепровском острове Малая Хортица, *прим. С.Х.*); а з другую сторону Черкасы Пятигорские взяли два города, Темрюк да Томан, а приходил Черкаской Таздруй-князь да Сибок-князь з братьею, которые были у царя и великого князя на Москве»⁸.

В декабре в Москву прибыл гонец Девлет-Гирея с предложением заключить мирный договор. Черкесам, вероятно, не удалось удержать турецкие крепости и в 1557 г. Сибок и Машук были вынуждены отъехать в Москву. Вишневецкий был

осажден на Хортице турецкой флотилией и был вынужден покинуть эту удобную военную базу и отступить в Черкассы. В июне 1557 г. последовало третье посольство, которое, по сути, было группой князей, выехавших на царскую службу⁹. В июле 1557 г. прибыл первый посол из Кабарды Кавклыч (Канклыч) Кануков: «а пришел от братии от Кабартынскых князей Черкаскых от Темрюка да от Тазрюта-князя бити челом, чтоб их государь пожаловал, велел им собе служити и в холопстве их учинил, а на Шавкал бы им государь пожаловал, Астороханьскым воеводам велел помощь учинити. Да говорил Кавклыч-мурза Черкаской: толко их государь пожалует, учинит у себя в холопстве и помочь им учинит на недругов так же, как их братью пожаловал, Черкаскых Жаженьских князей Машука и Себока з братьею с их»¹⁰.

В 1558 г. «черкаские князи новокрещены» Иван Амашик и Василей Сибок «с товарищи» зачислены в царский полк при готовившемся выступлении в Тулу (поход под началом царя не состоялся)¹¹. В 1558 г. князь Иван Амашик «з братьею» числился в Передовом полку, направленном в Ливонию¹². Приставом при черкесах здесь же находился Ф. Вокшерин, который через несколько лет будет послан царем искать ему невесту среди черкесских княжон. В 1558 г. в Вышгороде и у Рынгола, в составе Передового полка, находились «черкаские князи Амашик да князь Василей Сибок»¹³.

В 1558 г. в «памяти», данной послу в Польше Р.В. Олферьеву, говорилось о массовом участии черкесов в ливонском походе: «и Черкасы Пятигорские многие пошли войною в Ливонскую землю»¹⁴. Пребывание сразу двух владетельных князей из Черкесии на русской службе и их готовность исполнить свою часть союзнических обязательств, показывает степень их зависимости от Москвы. Также это может свидетельствовать о крайней степени конфронтации с Крымским ханством. Иван IV давал понять Сигизмунду-Августу, через своего посла Р.М. Пивова, значимость черкесского воинского ресурса: «А вспросят, сколко Черкас Пятигорских у царя и великого князя? И Роману молвити: у государя нашего на Москве живут Абеслинские князи, а Машик с братьею, да Джанские князи Сибок с братьею, а с ними людей их с тысяч пять»¹⁵. Если сведения о численности черкесского войска верны, то это означает, что из Западной Черкесии в Москву переместилась весьма существенная часть воинского сословия.

В январе 1558 г. кабардинский посол К. Кануков еще находится в Москве: «Того же месяца царь и великий князь отпустил на Крымские улусы князя Дмитрея Ивановича Вишневецкого, да с ним Черькаского мурзу Кабартиньского Каньклыча Канукова государь отпустил в Кабарту в Черкасы, а велел им, сбрався, ити всем ко князю Дмитрею же на пособь;... а из Черкас им ити ратью мимо Азов» 16.

В феврале—мае 1558 г. об этих действиях против Крыма русскому послу в Польше Р.В. Олферьеву наказывалось рассказывать в такой форме: «а ныне государь наш послал его (Вишневецкого, *прим. С.Х.*) на свою службу на Днепр, ниже порогов, а с ним послал многих людей, болши тритцати тысяч, и велел ему статив Ислам-Кермене и крымскому недружбу делати, а с ним велел сниматися нагайским мирзам многим со многими людми, да черкаским князем Пятигорским, Ташбузруку з братьею, и со всеми Черкасы, и снявся, вместе велел над крымским промышляти, сколко им Бог помочи подаст» Ташбузрук — по всей видимости, Тапсаруко Таусултанов. Он не упоминается в первом обращении кабардинских князей к Ивану IV, но, надо думать, был одним из его инициаторов.

Летом 1559 г. Вишневецкий осадил Азак, который был разблокирован осенью османской эскадрой под командованием Али Реиса. Наместник Кефе Синан сообщал о морском рейде русских под Керчь, которое также было отбито османской эскадрой. После этих действий «Димитраш» вернулся на Дон, где построил временные укрепления, в которых намеревался провести зиму, чтобы весной вновь атаковать турецкие владения¹⁸. В сентябре 1559 г. «пришел Вишневецкий з Дону,

а с ним прислали Черкасы Ичюрука-мырзу Черкаского. Все Черкасы биют челом, чтобы их государь пожаловал, дал бы им воеводу своего в Черкасы и велел бы их всех крестити»¹⁹.

23-м ноября 1559 г. датировано султанское послание крымскому хану, в котором воспроизводится ханское письмо в султанский совет: в письме упоминается нападение черкесов, союзников московитов, во главе с племенем Жаноглу, на османские владения Таманского «острова» и города Кефе, сопровождавшееся восстанием таманских черкесов. Хан сообщал, что нападение было отбито и что он захватил главных черкесских вождей прежде, чем они смогли укрыться на Кавказе или в Московии²⁰.

Тем не менее, зимой 1559–60 гг. Вишневецкий вместе с черкесами, которыми командовал Кансук, сын правителя племени Жаней, совершил еще одно нападение на Азак. Эта атака также была отбита: Кансук и один из его братьев были убиты, а их головы, как и многих русских командиров, были отправлены в Стамбул²¹. Очевидно, Кансук был сыном Сибока и носил имя своего деда Кансаука (Кансавука).

В феврале 1560 г. «отпустил государь Вишневецкого на государьство в Черкасы. Месяца февраля отпустил царь и велики князь в Черкасы по их челобитью воеводу своего князя Дмитрея Ивановича Вишневецкого, а с ним отпустил вместе князей Черкаских князя Ивана Омашука дя князя Василья Сибока з братьею, и попов с ними крестианскых отпустил, а велел их крестити по их обещанию и по челобитью и промышляти над Крымским царем»²². В памяти послу к Сигизмунду-Августу Н. Сущеву (апрель 1560 г.) давалось указание: «А нечто вспросят про Вишневецкого, где он ныне. И Никите молвите: послал его государь на свое дело со многими людми с русскими и с черкасскими»²³. Е.Н. Кушева отмечает, что «заголовок Никоновской летописи к рассказу о назначении Вишневецкого в Черкесию "Отпустил государь государь Вишневецкого на государство в Черкасы" показывает что Вишневецкий был послан не просто воеводой с военной помощью, а в ином, более высоком ранге»²⁴.

В грамоте своему подданному и союзнику, правителю (бию) Ногайской орды Исмаилу (июнь 1560 г.) Иван IV настаивал, чтобы Исмаил неустанно атаковал Крым и что со своей стороны он отдал такой же приказ: «И мы по твоему слову сее весны послали в Черкасы князя Дмитрея Вишневецкого, да Черкасских князей Амашика, да Сибока, а велели им со всеми Черкасы с Черкасскую сторону Крым воевати»²⁵. Одновременно, со стороны Днепра должен был действовать воевода Д. Ржевский, а со стороны Дона И. Извольский.

В июле 1560 г. Вишневецкий атаковал Азак, но был отброшен прибывшей османской эскадрой под командованием кафинского бея. Затем, вместе с черкесами, он пытался форсировать Таманский пролив с целью атаковать Кефе, но «турецкие власти были проинформированы об их планах либо московскими гонцами, либо шпионами, отправленными в страну черкесов крымским ханом». В итоге, вторая османская эскадра встала в проливе и воспрепятствовала вторжению²⁶. В 1560 г. кафинский наместник Синан был награжден султаном суммой в 30 тысяч акче: «за услуги, оказанные по защите Азака против русских Димитраша и черкесов племени Жаноглу»²⁷. В начале 1561 г. французский посол в Стамбуле сообщал, что русские вместе с черкесами под командованием «Дмитрашки», названного предводителем (chef) черкесов, весьма успешно действуют против турок и татар, захватили несколько крепостей и угрожают самой Каффе²⁸.

В августе 1560 г. умерла первая жена Ивана IV и в этом же месяце были направлены послы для сватовства «в иных землях» – Швеции, Литве и Черкесии. С миссией «в Черкасы у Черкасских князей дочерей смотрити и привести их к Москве» отправился Федор Вокшерин²⁹. В феврале 1561 г. Иван IV, не дождавшись Вокшерина из Кабарды, направил Б.И. Сукина в сопровождении Гаврилы Черкасского

(«Тазрутова сына») «в Пятигорские Черкасы в Оджанские у Черкасских князей дочерей смотрити»³⁰. Депутация эта двигалась от Рязани полем, минуя Азов, под прикрытием сильного отряда из стрельцов и казаков. «Эта попытка сватовства, пропущенная или непонятая историками, — отмечает Е.Н. Кушева, — подчеркивает, какое значение придавали в Москве установившимся связям с Западной Черкесией»³¹. Мы не располагаем сведениями о прямом отказе Сибока выдать свою дочь за своего московского сюзерена. Но последующие события показывают нам, что отношения изменились именно в 1561 г. В этом плане интересно, что Гаврила Тазритов перейдет, вместе с группой западночеркесских князей, на службу в Литву.

Летом 1561 г. происходит переписка Д. Вишневецкого с братом Михаилом, занимавшего пост старосты Черкасского и Каневского, а того – с королем Сигизмундом-Августом о возможности для Дмитрия вернуться на польско-литовскую службу. Охранная грамота («глейтовый лист») Сигизмунда-Августа датирована 5-м сентября 1561 г. Король разрешал Вишневецкому возвратиться в Литву и прощал его самовольную отлучку³².

Интересно, что приглашение черкесских князей на службу предшествовало амнистии Вишневецкого. В августе 1561 г. был выписан «лист королевский на приезд на службу до великого княжества Литовского тем князьям Черкаским, которые того пожелают»³³. В конце 1562 – первой половине 1563 г. Александр Сибокович и еще ряд князей из Жанея, Хытука (Тамани) и Кабарды перешли на польско-литовскую службу.

Возвращение Вишневецкого в Литву и Польшу состоялось в июне—июле 1562 г. — уже после того, как он последний раз побывал в Москве и в апреле 1562 г. получил назначение на Днепр «недружбу делати царю крымскому и королю литовскому». Измена Вишневецкого нанесла значительный политико-дипломатический урон Ивану IV. Направленный в 1563 г. в Крым послом Афанасий Нагой должен был рассказать, что Вишневецкого из Черкесии удалил сам Иван за то, что «учал жити в Черкасех не по наказу»³⁴. По всей видимости, «литовский» аристократ-авантюрист, назначенный воеводой над черкесами, стал чувствовать себя независимым правителем.

О.Ю. Кузнецов приходит к выводу, что «главной причиной прекращения "государьства в Черкасех", а с ним и всей московской службы князя Д.И. Вишневецкого стала личная позиция Ивана IV Васильевича в отношении "южного направления" московской внешней политики в то время. В связи с расширением масштабов Ливонской войны он был вынужден свернуть военную активность в Северном Причерноморье и предгорьях Северного Кавказа»³⁵.

По мнению Н.М. Карамзина, в случае с Д. Вишневецким и А.С. Черкасским это была не измена, а стремление сохранить жизнь³⁶. Послу в Крыму А. Нагому было дано поручению выяснить позицию Сибока и, в целом, положение дел в Черкесии. К наказу была приложена тайная память: «Нечто будет князь Александр Сибоков Черкасский из Литвы проехал в Крым, и Офонасью о том домыслитись, чтобы ему с ним видетися, и где ся с ним увидит, и Офонасью его вспросити, чего для он от царя и великого князя поехал, и звати его ко царю и великому князю накрепко и государево жаловальное слово ему говорити, что государь ему его вину покроет своим милосердием – пожалует его свои великим жалованьем»³⁷. Встреча посла с Александром Сибоковичем не состоялась, так как черкесский князь не приезжал в Крым.

В «памяти», выданной послу в Литву А. Клобукову (июль—сентябрь 1563 г.), вменялось разузнать о положении Вишневецкого и черкесских князей: «Да проведывати Ондрею про князя Дмитрея Вишневецкого: как приехал на королевское имя, и король ему что жалованья дал ли, и живет при короле ли, и в какове версте держит его у себя король. А нечто вспросят Ондрея, чего для от вашего государя

князь Дмитрей Вишневецкой поехал. И Ондрею молвити: притек Вишневецкой ко государю нашему, как собака, и потек от государя нашего, как собака же, и государю нашему и земле убытка никакова не учинил. Да Ондрею проведывати про Олешку (Александр, *прим. С.Х.*) про Черкаского и про Гаврила Черкаского, каков их приезд был к королю, и чем их король пожаловал. А нечто Олешка Черкаской посошлетца с Ондреем, а похочет ехати ко государю, и Ондрею молвити, что с ним ко царю и великому князю прикажет, и он челобитье его до государя донесет»³⁸.

Князья Черкасские, перешедшие на польско-литовскую службу, были известны здесь, в основном, как князья Пятигорские. Наибольшей известностью среди черкесских князей Речи Посполитой пользовался Темрюк Шимкович Пятигорский (Теmruk Szymkowicz Petyhorski). Отчество Шимкович указывает на происхождение из княжеской фамилии таманских черкесов Шамеко, еще существовавшей в первой половине XIX в. 39 Темрюк служил ротмистром при королях Сигизмунде II Августе и Стефане Батории, получил награды за участие в войнах с Москвой, Валахией, Турцией и Крымским ханством. Отличился также в войне с Пруссией под Гданьском, за что король Стефан 26 августа 1578 г. наградил его большими земельными владениями (в Жмуди или Жемайтии, Белоруссии и др. областях Литвы). На сейме 1587 г. пан Темрюк упоминался в списке ротмистров, имевших под своим началом сотню всадников. В 1598 г. король Сигизмунд III Ваза даровал ему еще массу поместий. Его сын Миколай-Михал Шимкович Темрюк также стал королевским ротмистром и в 1632 г. король подтвердил его обладание всеми отцовскими вотчинами⁴⁰.

Итак, почему столь успешно развивавшийся и приносивший непосредственные военные результаты союз между князьями Западной Черкесии и Москвой расстроился?

Казалось бы, появление черкесов в Москве мгновенно увеличило военный потенциал Русского государства, военные силы которого продвинулись под самые стены турецких крепостей на Тамани. Сигизмунд II Август указывал Девлет-Гирею на эту опасность сращивания русских и черкесских армий, а также на то, что в его отношении Иван начал реализовывать ту же стратегию, что и против Казани, т.е. «подсаживать» ему свои города (имея в виду крепость на Псле)⁴¹.

Так называемое «крымское дело» стало главным внешнеполитическим проектом Ивана Грозного и, даже начав борьбу за выход к Балтийскому морю, он продолжал организовывать натиск на Крым. Первые четыре года Ливонской войны «крымское дело» осуществлялось, в том числе, усилиями черкесов. Но в 1561 г. Иван IV пересмотрел характер своей политики в отношении Крыма и соответственно, Западной Черкесии. Москва стремилась заключить сепаратный мир с Девлет-Гиреем, поскольку столкнулась с большими военными трудностями в Ливонской войне⁴². В 1562 г. русские сами ликвидировали свою крепость на Псле и предприняли дипломатические усилия для достижения мира с Крымским ханством. Тогда же Иван IV окончательно убедился в невозможности активного использования против Крыма своего главного союзника — бия Измаила.

С.М. Соловьев отмечал это значительное изменение в позиции царя в отношении Крыма: «Обративши все внимание свое на Ливонию, Иоанн хотел быть спокоен со стороны Крыма»⁴³. А.А. Новосельский также объясняет это коренное изменение московской политики в отношении Крыма именно втягиванием в затяжной ливонский конфликт: «Расчеты польского правительства на содействие татар и опасения московского правительства по поводу их вмешательства в ход Ливонской войны подтвердились... «Из 24 лет Ливонской войны 21 год отмечен татарскими нападениями... Сам Девлет-Гирей совершил шесть нападений (1562, 1564, 1565, 1569, 1571 и 1572 гг.); крымские царевичи совершили также шесть нападений (1558, 1563, 1568, 1570, 1573 и 1581 гг.)»⁴⁴. Как видим, татары не нападали на русские пределы в 1552–1561 гг., время союза Москвы с Западной

Черкесией, за исключением 1558 г., когда поход начался под руководством калги Мухаммад-Гирея, но не завершился нападением⁴⁵. В 1559 г. имели место успешные совместные действия русских и черкесов под началом князя Д. Вишневецкого. Впервые ставилась задача угрожать татарам в пределах Крымского полуострова – «для нападения под Керчь»⁴⁶. Такую задачу ставить без мобилизации таманских черкесов (хытукцев), жанеевцев, других западночеркесских ополчений было просто невозможно. А.В. Виноградов отмечает, что апогей наступательной политики в отношении Крыма пришелся на 1559 г.⁴⁷

В период открытого противостояния Турции в 50-е годы XVI в. черкесы не упоминаются в весьма подробном перечислении подвластных Сулейману стран и народов, которое было предпринято в его послании польскому королю Сигизмунду⁴⁸. В 1559 г. один из сыновей Сулеймана Великолепного Баязид, враждовавший с братом Селимом, бежал в Иран через Черкесию⁴⁹.

Итак, в марте 1562 г. заканчивалось перемирие с Литвой⁵⁰ (фактически, еще и с Польшей, так как обеими странами правил Сигизмунд II Август). Войну с Ливонией (в дела которой вмешались Швеция и Дания), Литвой и Крымом одновременно Москва вести была не в состоянии. И Москва, и Вильнюс были кровно зачитересованы в том, чтобы их могущественный южный сосед в лице Крымского ханства воздерживался от нападений на их рубежи и выбирал бы для ежегодных рейдов территорию противника. Так сложился своего рода геополитический треугольник Москва-Вильно-Бахчисарай, «внутри которого поддерживалось неустойчивое равновесие и именно от Крыма... зависело его сохранение. Нападение татар на Россию развязывало руки для продвижения в Ливонию Литве, и наоборот»⁵¹.

С.М. Соловьев назвал эту ситуацию постоянного шантажа крымским аукционом: «Опять, следовательно, Иоанну нужно было не спускать глаз с южной украйны или тягаться с королем на *крымском аукционе*, наддавать поминки разбойникам»⁵². По наблюдению А.А. Новосельского, «в 1562 г., ввиду приближения конца перемирия с московским правительством, Сигизмунд особенно энергично «подымал» Девлет Гирея на Русь»⁵³.

Летом и осенью 1563 г., после захвата Полоцка (в феврале того же года), русский посол в Крыму Афанасий Нагой чувствовал себя при ханском дворе необыкновенно уверенно. Дело кончилось обещанием мира со стороны Девлет-Гирея (мирная шерть 2 января 1564 г.). Русская сторона апеллировала к периоду прочного мира между двумя странами времени правления Менгли-Гирея. Мнение хана же состояло в том, что возобновление подобного союза невозможно и невыгодно для Крыма. Пользуясь нейтралитетом Крыма, Москва совершила очень большие территориальные приращения, а крымцам достались только «поминки» (дары). Теперь же, Иван IV захватывает литовские земли, «а царю (Девлет Гирею) от него (союза) прибыли не будет» Одновременно в Крым поступали сведения о военной помощи кн. Темрюку со стороны Ивана IV: это означало, что русский царь, предлагая прочный мир, продолжает давить на крымские границы со стороны Черкесии.

В июле 1563 г. в Крым от Сигизмунда II Августа прибыла огромная казна на 33 телегах стоимостью порядка 16 тысяч золотых. Сверх того, Сигизмунд обещал хану 4 тысячи, калге 1 тысячу и второму царевичу 500 золотых⁵⁵. И, тем не менее, хан принес мирную шерть. По всей видимости, он был весьма впечатлен успехами русского оружия в Литве. Но ханская робость была компенсирована решительным настроем татарской знати. Дело в том, что ханская шерть должна была быть подтверждена ведущими мурзами, «всей землей». Татарская «обычная дума» 21 июля 1564 г., на которой присутствовали также два служилых черкесских князя (Мустафа-мурза и князь Аспат Черкасский), приняла решение отклонить мирный договор с Москвой и заключить таковой с Литвой⁵⁶.

Мустафа-мурза упоминается в группе из трех представителей, которые высказывались за возобновление мира с Москвой, но все остальные были категорически

против. Здесь мы должны вспомнить о том, что по поручению царя А. Нагой должен был «отведывати про Черкаских князей: которые Черкаские князи в Крыму, хто именем и сколь давно и сколько с ними людей и в какове жалованье у царя». В августе 1564 г. были посланы грамоты черкесским князьям, жившим в Крыму и проявлявшим интерес к сотрудничеству с Москвой: Ахмет-Аспату князю Черкасскому (ханскому шурину) и Мустафе князю Черкасскому⁵⁷. Ахмет-Аспат, тем не менее, выступил против союза с Москвой. Члены ханского совета подчеркивали, что политика Ивана носит однозначно экспансионистский характер и, как только он разобьет короля, то примется за Крым.

Если Иван IV проявлял надменность в отношении Девлет-Гирея, то Сигизмунд не только давал свои поминки в двойном размере, но еще и обещал в августе 1564 г. уплатить русские поминки в их увеличенном виде (в том, какие в свое время получал Сахиб-Гирей). «Но король не только был щедр на поминки. — Отмечает А.А. Новосельский. — Он энергично и настойчиво разъяснял опасность усиления Московского государства не только для Польши, но и для Крыма». Кроме того, польские дипломаты воздействовали аналогичным образом на Крым через османское правительство⁵⁸.

В итоге, Девлет-Гирей осенью 1564 г. успешно атаковал русские границы. Важно, что его действия были синхронны польскому контрнаступлению под Полоцком. Осенью 1565 г. последовал новый рейд Девлет-Гирея, который вновь был согласован с действиями литовцев: «В результате совместные действия поляков и татар поставили московское правительство перед необходимостью вести борьбу на два фронта и отказаться от всяких активных операций в Ливонии и против Польши»⁵⁹.

В 1563 г. в числе противников Темрюка в Черкесии упоминаются не только кабардинские князья, но и два западночеркесских владетеля — Сибок и Канук. Последний может быть и есть тот самый бесленеевский князь Каноко, по имени которого именовался правящий род Бесленея в последующие века. Кем он приходился Машуку неясно: он мог быть его отцом хотя бы потому, что Машук имел отчество Кануков. В таком случае, весь период союза с Москвой (1552—1561 гг.) отец находился в Бесленее, а его сын, Машук Кануков, представлял интересы княжества в Москве. Точных современных сведений о смерти или гибели Машука не сохранилось. «Синодик по убиенным во брани», составленный во второй половине XVII в., содержит запись: «Благоверному князю Ивану Амашуку Черкасскому, убиенному от нечестивых турков за православную веру, веч(ная) память» 60.

Осенью 1563 г. Сибок и Канук направили к Девлет-Гирею посла, в качестве которого выступил брат Сибока Чюбук: просить царевича «на Черкаское государство». Просьба была уважена и хан направил к ним своего внука Ислам-Гирея, который был сыном калги Мухаммад-Гирея⁶¹.

Очевидная и формально закрепленная переориентация на ханство недавних его кровных врагов и горячих поборников черкесской независимости, могла быть связана с действиями русского отряда в Кабарде. В Москве стало известно о содержании устного донесения хану приехавшего из Черкесии в Крым в июле 1563 г. князя Кулчюка: «прислал (Иван IV, *прим. С.Х.*) в Черкасы к Темрюку князю воевод своих, а имян де им не помнит, а с ними де прислал многих московских людей да стрельцов 1,000 человек. И воеводы де пришед Темрюку князю город поставили; и Темрюк де в городе сел, а хочет де с московскими людьми идти на Сибока да на Канука князя». С.А. Белокуров, который приводит это известие из крымского статейного списка, отмечает, что раз весной 1563 г. Темрюк уже получил русскую поддержку и собирался атаковать Сибока и Канука, то причина этого конфликта обозначилась существенно до того⁶².

Посол в Крыму А. Нагой получил детальные инструкции на сей счет. В том случае, если он будет уверен, что Сибок и Канук не пошли войной на Темрюка и

не собираются этого делать, он должен был ответствовать привычной формулой, что «они и ныне служат государю». Если конфликт стал явным, он должен был заявить следующее: «яз пошел от своего государя, а те князи Черкаские служили государю моему; а того яз ныне не ведаю – которым обычаем ныне у них война будет весчалася». Дополнительный пункт касался бежавших от царя к королю черкесских княжичах – Александре Сибоковиче (в этом документе фигурирует как Олешка) и Гавриле (сын Тазрита, союзника и затем противника Темрюка, прим. (C.X.)). Если послу удалось бы их застать в Крыму, он должен был расспросить их о причинах их измены и всячески убедить в прощении царя в том случае, если они решатся вернуться в Москву. А. Нагой должен был разузнать «нет ли какова подыму от Олешки и от отца его Сибока [и] Крымского царя на Темгрюка князя? Или будет Олешка проехал в Черкасы Черкас подымати на Темгрюка князя, и что Олешкино царю и великому князю и ко всей руской земле измена? О том ему о всем проведати про Олешку и про князя Гаврила Черкаского подлинно»⁶³. В сентябре 1563 г. в Москву доставили донесения (отписка и статейный список) А. Нагово. Из них стало понятно, что Александр и Гаврила находились все это время в Литве, где проживали у брата Сибока. Они, якобы, намеревались выехать в Крым, но король их не отпустил.

В начале 60-х годов XVI в. в переговорах с московскими послами Девлет-Гирей делил западных черкесов на «черкасов турского», где были «турского санчаки», и своих «царевых черкасов» 64. В 1565 г. бейлербей Кафы информировал османское правительство, что черкесский князь желает прибыть в Стамбул с целью принятия ислама, добавляя, что «некоторые черкесские племена подняли знамя султана, выплатили дань и покорились Порте», но при этом «джанейцы пребывают в мятеже и угрожают Азаку» 65.

Несмотря на внешнюю покорность, Черкесия продолжала восприниматься крымской элитой как область войны. Об этом свидетельствует, в частности, послание Девлет-Гирея Ивану IV (1572 г.), продолжающее торг вокруг перспективы мирного соглашения: «Только царь даст мне Астрахань, и я до смерти на его земли ходить не стану; а голоден я не буду: с левой стороны у меня Литовский, а с правой – Черкесы, стану их воевать и от них еще сытей буду; ходу мне в те земли только два месяца взад и вперед"»⁶⁶.

В заключение отметим, что посольства владетельных князей Черкесии ко двору Ивана IV привели к установлению военно-политического союза с Русским государством. Бесспорно, это одно из важнейших политических событий в адыгской истории XVI—XVII вв. Весьма велико его значение и для собственно русской истории этих же веков, так как установление связей с черкесскими княжествами открыло для Москвы важные геополитические преимущества в противостоянии Крыму и Турции. К началу 1562 г. Москва была вынуждена отказаться от военного союза с западночеркесскими князьями, поскольку стремилась заключить сепаратный мир с Крымским ханством. Выражаясь словами Е.Н. Кушевой, «Западная Черкесия оказалась для Москвы потерянной» 67.

Примечания

- 1. *Некрасов А.М.* Международные отношения и народы Западного Кавказа (последняя четверть XV первая половина XVI в.). М.: Наука, 1990. С. 103–113; Tārih-i Ṣāḥib Giray Hān. Histoire de Sahib Giray, khan de Crimée de 1532 à 1551: edition critique, traduction, notes et glossaire. Dr. Özalp Gökbilgin. Ankara: Baylan Matbaası, 1973. S. 178–260.
- 2. Полное собрание русских летописей. Т. 13: 1-я половина. VIII. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью / под ред. С.Ф. Платонова, при участии С.А. Адрианова. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1904. С. 228.
 - 3. Там же. С. 233-234.

- 4. Там же. С. 259.
- 5. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. Т. II. (1533–1560 г.) / Изданы под ред. Г.Ф. Карпова // Сборник императорского Русского Исторического общества. СПб., 1887. Т. 59. С. 480.
 - 6. *Зайцев И.В.* Астраханское ханство. М.: Вост. лит., 2004. С. 172.
- 7. Сношения России с Кавказом. Материалы, извлеченные из Московского Главного архива министерства Иностранных дел С.А. Белокуровым. Вып. 1. 1578—1613 гг. М.: Университетская типография, 1889. С. XLVII; *Милюков П.Н.* Древнейшая разрядная книга официальной редакции. (По 1565 г.). М.: Университетская типография, 1901. С. 191.
 - 8. ПСРЛ. Т. 13: 1-я половина. С. 277.
- 9. Там же. С. 283—284; ПСРЛ. Т. 13: 2-я половина. І. Дополнения из Никоновской летописи. ІІ. Так называемая Царственная книга / под ред. С.Ф. Платонова. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1906. С. 312.
 - 10. ПСРЛ. Т. 13: 1-я половина. С. 284.
- 11. Разрядная книга 1475-1598 гг. / подготовка текста, вводная статья и редакция В.И. Буганова. М.: Наука, 1966. С. 181.
 - 12. Милюков П.Н. Древнейшая... С. 198.
 - 13. Там же. С. 203-204.
 - 14. Памятники... Т. II // СИРИО. Т. 59. С. 542.
 - 15. Там же. С. 584.
 - 16. ПСРЛ. Т. 13: 1-я половина. С. 288.
 - 17. Памятники... Т. II // СИРИО. Т. 59. С. 543.
- 18. Lemercier-Quelquejay Ch. Un condottiere lithuanien du XVIe siècle: Le prince Dimitrij Višneveckij et l'origine de la *Seč* Zaporogue d'après les Archives ottomanes. In: Cahiers du monde russe et soviétique, vol. 10, n°2, Avril-Juin 1969. P. 272.
 - 19. ПСРЛ. Т. 13: 2-я половина. С. 320.
 - 20. Lemercier-Quelquejay Ch. Un condottiere... P. 272.
 - 21. Ibid. P. 273.
 - 22. ПСРЛ. Т. 13: 2-я половина. С. 324.
 - 23. Памятники... Т. II // СИРИО. Т. 59. С. 613.
- 24. *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. Вторая половина XVI 30-е годы XVII века. М.: Издат-во АН СССР, 1963. С. 217.
- 25. Продолжение древней российской вивлиофики. Часть Х. СПб.: Императорская академия наук, 1795. С. 102–103.
 - 26. Lemercier-Quelquejay Ch. Un condottiere... P. 276.
 - 27. Ibid. P. 276-277.
 - 28. Кушева Е.Н. Народы... С. 217.
 - 29. ПСРЛ. Т. 13: 2-я половина. С. 330.
 - 30. Там же. С. 332.
 - 31. Кушева Е.Н. Народы... С. 220.
- 32. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 2: 1599–1637. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1865. С. 155–156.
- 33. *Wolff J.* Kniaziowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku. Warszawa: Drukiem J. Filipowicza, 1895. S. 365.
 - 34. Кушева Е.Н. Народы... С. 221.
- 35. *Кузнецов О.Ю.* Рыцарь Дикого поля. Князь Д.И. Вишневецкий. М.: ФЛИНТА; Наука, 2013. С. 168.
- 36. Карамзин Н. История государства Российского. Т. IX. СПб.: В типографии Н. Греча, 1821. С. 58.
 - 37. Кушева Е.Н. Народы... С. 222.
- 38. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Т. III / Изданы под ред $\Gamma.\Phi$. Карпова // СИРИО. Т. 71. СПб., 1892. С. 156.
- 39. Хан-Гирей. Записки о Черкесии / вступ. статья и подготовка текста к печати В.К. Гарданова и Г.Х. Мамбетова. Нальчик, 1978. С. 197.
 - 40. Wolff J. Kniaziowie... P. 365–366.
 - 41. Кушева Е.Н. Народы... С. 212.

- 42. Гайворонский О. Повелители двух материков. Т. 1: Крымские ханы XV–XVI столетий и борьба за наследство Великой Орды. Киев: Майстэрня кныгы; Бахчисарай: Бахчисарайский историко-культурный заповедник, 2010. С. 263.
- 43. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Книга вторая. Тома VI–X. Второе издание. СПб.: Издание Высочайше утвержденного Товарищества «Общественная Польза», 1896. С. 212.
- 44. *Новосельский А.А*. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.–Л.: Издат-во Академии наук СССР, 1948. С. 17.
 - 45. Там же. С. 427.
 - 46. Там же. С. 427.
- 47. Виноградов А.В. Внешняя политика Ивана IV Грозного // История внешней политики России. Конец XV–XVII век / отв. ред. Г.А. Санин. М., 1999. С. 157–158.
- 48. Зайцев И. Между Москвой и Стамбулом. Джучидские государства, Москва и Османская империя (начало XV первая половина XVI вв.). М.: Изд-во «Рудомино», 2004. С. 134.
 - 49. Кушева Е.Н. Народы... С. 216.
- 50. *Гудавичюс Э*. История Литвы с древнейших времен до 1569 года. М.: Фонд имени И.Д. Сытина, изд-во BALTRUS, 2005. С. 616, 629.
- 51. Филюшкин А.И. Проекты русско-крымского военного союза в годы Ливонской войны // «В кратких словесах многой разум замыкающе...» / отв. ред. А.Ю. Дворниченко. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2008. С. 309.
 - 52. *Соловьев С.М.* История... Кн. 2. С. 216.
 - 53. *Новосельский А.А.* Борьба... С. 18.
 - 54. Там же. С. 19.
 - 55. Там же. С. 19.
 - 56. Там же. С. 20.
 - 57. Сношения России с Кавказом. С. LIX.
 - 58. *Новосельский А.А.* Борьба... С. 21.
 - 59. Там же. С. 21-22.
- 60. *Бычкова М.Е.* Состав класса феодалов России в XVI в. Историко-генеалогическое исследование. М., 1986. С. 178.
 - 61. Кушева Е.Н. Народы... С. 223.
 - 62. Сношения России с Кавказом. С. LVIII.
 - 63. Там же. С. LVIII-LIX.
 - 64. Там же. С. 222.
- 65 Lemercier-Quelquejay Ch. Co-optation of the Elites of Kabarda and Daghestan in the Sixteenth Century // The North Caucasus Barier. The Russian Advance towards the Muslim World. L., 1992. P. 29.
 - 66. Соловьев С.М. История... Кн. 2. С. 227-228.
 - 67. *Кушева Е.Н.* Народы... С. 223.

S.K. Khotko

«CRIMEAN AUCTION» AND THE FATE OF THE RUSSIAN-CIRCASSIAN ALLIANCE IN THE FIRST PART OF THE 60^s, THE XVI CENTURY

In the middle of the XVI century the feudal elite of the Adygs was able to develop a political strategy aimed at containing the Ottoman-Crimean aggression. The central idea of this strategy was the military alliance with the Russian state. The so-called "Crimean case" was the main foreign policy project of Ivan IV and, even having started to struggle for moving to the Baltic Sea, he continued to organize an onslaught against the Crimea. But in 1561 Ivan IV revised the nature of his policy towards the Crimea and, accordingly, Western Circassia. Moscow sought to conclude a separate peace with Devlet Giray, because it faced great military difficulties in the Livonian War. In March 1562, a truce with Lithuania ended (in fact, also with Poland, as both countries were ruled by Sigismund II August). Moscow was not able to wage war against Livonia, Lithuania and the Crimea at the same time. Both Moscow and Vilnius were vitally

interested in ensuring that their powerful southern neighbor, the Crimean Khanate, refrained from attacking their borders and would choose the territory of the enemy for annual raids. So there was a long geopolitical situation, called by S.M. Soloviev «Crimean auction." Moscow's certain dependence on the position of the Crimea made it an ineffective diplomatic and military partner for the Circassian principalities.

Keywords: Circassia, Russian state, Crimean Khanate, Lithuania, geopolitical triangle, «Crimean auction», separate, alliance.

А.Х. Кармов

КАБАРДИНО-БАЛКАРСКАЯ ДЕРЕВНЯ В УСЛОВИЯХ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

В статье анализируется социально-экономическое положение области после революции и Гражданской войны, выявляются особенности восстановления экономики в условиях жесточайшей засухи 1921 г. и недорода 1924 г.

Особое внимание обращается на землеустроительные работы в области, определение границы Кабардино-Балкарии с сопредельными народами ГАССР, а также и на деятельность Крестьянских комитетов общественной взаимопомощи (ККОВ), преобразованных в крестьянские общества взаимопомощи (КОВ).

Ключевые слова: X съезд $PK\Pi(\delta)$, новая экономическая политика, областное земельное совещание, восстановление экономики области, засуха, недород, землеустроительная работа, новые поселки.

После разорительных воин и революций Советская Россия перешла к мирной жизни. Этот переход осуществлялся в условиях системного кризиса, обусловленного невиданной послевоенной разрухой, охватившей всю страну. Продолжала действовать политика военного коммунизма, которая пришла в явное противоречие с требованием времени и представляла реальную угрозу советской власти.

В стране начались волнения крестьян. Восстания охватили Тамбовщину, Украину, Дон, Северный Кавказ, Поволжье и Сибирь. Крестьяне требовали изменения действующей экономической политики, ликвидации диктата РКП(б), созыва Учредительного собрания на основе всеобщего равного избирательного права.

Картину массового выступления крестьян дополнил Кронштадтский мятеж против советской власти. В этих условиях 8–16 марта 1921 г. состоялся X съезд РКП(б). Одним из важнейших решений съезда явилось принятие постановления о переходе к новой экономической политике. В рамках его реализации декретом ВЦИК от 23 марта 1921 года, продразвёрстка была отменена и заменена продналогом. Началось восстановление торговли и товарно-денежных отношений, укрепление финансовой системы и переход к денежной зарплате, отмена бесплатных услуг и т.д. Тем самым в определенной степени была достигнута главная цель снять социальную напряженность, укрепить социальную базу советской власти на основе союза рабочего класса и крестьянства.

В декабре 1921 г. состоялся Всероссийский земельный съезд, который принял, в соответствии с постановлением X съезда РКП(б), ряд важных решений по земельному вопросу, согласно которым крестьянам предоставлялось право свободного выбора формы землепользования, наделения землей по существующей норме, хозяином которой являлся сам. Он был независимым от общества хозяином, и осуществлял хозяйственную деятельность без вмешательства общины. И, что самое главное, государство допускало арендные отношения в землепользовании, и во время сезонных весенне-осенних полевых работ каждому арендатору или крестьянскому хозяйству предоставлялось право нанимать работников, но по истечению срока сезонно-полевых работ работодатель должен был освободить работника по найму. К началу восстановительного периода сложилась такая нормативно-законодательная база. На ее основе Кабарда приступила к восстановительным работам.

Однако необходимо подчеркнуть, что здесь имелись свои особенности, определяемые характером гражданского противостояния. В силу ряда объективных причин Северокавказский край превратился в центр притяжения антисоветских сил и стал ареной ожесточенной борьбы противоборствующих сторон. Здесь дольше продолжалась Гражданская война, и она носила более кровопролитный характер с тяжелейшими последствиями.

В Нальчикском округе, как и во всех округах Северного Кавказа, в чрезвычайно сложных условиях осуществлялось восстановление хозяйственного комплекса, в основе которого лежал сельскохозяйственный сектор экономики. В годы революции и гражданской борьбы в Кабарде резко сократилась посевная площадь. Если в 1913 г. она составила105886 десятин, то к 1921 г. она сократилась до 57330 дес.¹

Лишь только 48 крестьянских хозяйств из 100 имели посев, который не превышал 0,75 десятин, причем 39 из них совершенно не имели рабочего скота. Из 100 крестьянских хозяйств 38 не имели сельскохозяйственного инвентаря². Для обработки земли крестьяне пользовались деревянными плугами и бороной, серпом и косой. С такой отсталой сельскохозяйственной техникой крестьяне не справлялись с поставленной задачей, и часто приходилось им оставлять землю на перелог.

В порядке реализации решения X съезда партии на 1921 г для Кабарды был установлен продналог, который по своим размерам был в три раза меньше продразверстки. Так, если по продразверстке область сдавала государству свыше 660 тыс. пудов хлеба и около 80 тыс. пудов мяса, то по продналогу в 1921 г. хлеба поставлялось всего 220 тыс. пудов и мяса около 30 тыс. пудов. Крестьяне теперь использовали излишки хлеба по своему усмотрению. Это давало возможность оживить сельское хозяйство, расширить производство зерна и технических культур, необходимых для развития промышленности, усилить товарооборот, улучшить снабжение городов, создать хозяйственную основу союзу рабочих и крестьян. Крестьяне-бедняки освобождались от уплаты полностью или частично, а с середняков он взимался в меньшем размере, чем с зажиточных и кулацких хозяйств³.

Новая экономическая политика в области сельского хозяйства и землепользования, закрепленная Всероссийским земельным съездом и IX съездом Советов, раскрепощение крестьянского хозяйства и намеченные меры для его поднятия, — все эти вопросы, а также предстоящие посевы, приковывали внимание земледельцев Кабарды. Обсуждению этих вопросов и принятию соответствующих решений по ним было посвящено Кабардинское областное земельное совещание, которое состоялось 1–2 февраля 1922 г. В его работе принимали участие более 60 представителей почти от всех населенных пунктов Кабарды. В центре внимания участников совещания стояла проблема восстановления сельского хозяйства. Вопрос заключался в том, с помощью каких инструментариев этот план следует реализовать.

Участники совещания были единодушны в том, что первостепенной задачей для решения этого вопроса являлся выбор формы землепользования, наиболее полно соответствовавшей социально-экономическим условиям Кабарды. После всестороннего обсуждения всех форм землепользования, определенных Всероссийским земельным съездом в декабре 1921 г., была признана форма поселкового отрубного хозяйства наиболее приемлемой для всех крестьянских хозяйств Кабарды⁵.

Несмотря на неимоверные трудности восстановления сельскохозяйственного производства в области, крестьянам удалось в 1921 г. засеять 90,5 тыс. десятин, из коих 67 тыс. дес. яровых и 23,5 озимых. В том же году многие регионы страны, в том числе Кабарду, постигло страшное стихийное бедствие — засуха. В области голодало треть населения — около 50 тыс. человек.

За этот год Кабарда потеряла больше скота, чем за три года гражданской войны. Поэтому продовольственный налог был выполнен не в полном объеме: по зерну на 50%, по мясу — на 100% и по сену — на 40% Следует подчеркнуть, что в этот страшный голодный 1921 г. область получила от государства большую помощь в обеспечении сельскохозяйственной техникой и семенным материалом. В результате засухи многие станицы, хутора и деревни остались без урожая. По этой причине в 1921 г. от продовольственного налога полностью были освобождены ст. Пришибская, хут. Матвеевский, Черниговский, сел. Иналово, Лафишево, Хамидие, Неурожайное, Терское 7.

Недостаток семян, голод, падеж скота от бескормицы и практическое отсутствие ветеринарной и агрономической помощи – все это свидетельствовало о плачевном состоянии сельского хозяйства в кабардинской деревне к началу 1922 г. Положение усугублялось слабообеспеченностью населения области сельскохозяйственным инвентарем и отсутствием технической базы для ремонта последних. При таком положении вещей появилась реальная угроза срыва весеннего сева из-за нехватки семенного зерна и рабочего скота. Однако местные и областные органы власти в экстренном режиме предпринимали все возможные меры для успешного проведения очередной посевной компании. В ходе подготовки последней была определена общая посевная площадь на 1922 г. в 90 тыс. десятин. Но из-за нехватки семенных культур из этой площади осенью 1921 г. удалось засеять озимью 21095 дес., а весной 1922г. яровыми — 33885дес. В итоге в 1922 г всего было засеяно 54980 дес. И это стало возможным благодаря помощи государства, выдавшего хозяйствам области 35 тыс. пуд. семенной ссуды9.

В том же году государство оказало большую помощь населению наиболее пострадавшим от голода районов деньгами и промышленными товарами. В целом область получила 15 тыс. аршин мануфактуры, 500 комплектов белья, 200 пудов сахара, 4000 пудов риса 10000 пудов кукурузы. Населению особо пострадавших районов государство оказало денежную помощь в сумме 246766 руб. 10

Следует подчеркнуть, что 1922 г. для крестьянских хозяйств Кабарды был весьма сложным. Озимый урожай практически погиб. Полностью отсутствовал семенной материал для посева озимых культур. В связи с этим начальник земельного управления области 3. Мидов неоднократно обращался к уполномоченному народного комиссара земледелия на Юго-Востоке России с настоятельной просьбой об отпуске семенной ссуды для озимых культур. В 1923 г. государство выделило Кабардино-Балкарской области 69 тыс. пудов семенной ссуды¹¹.

30 октября 1922 г. вышел Земельный кодекс РСФСР, который отменил закон о социализации земли и объявил о её национализации. При этом крестьяне вольны были сами выбирать форму землепользования — общинную, единоличную или коллективную. Также был отменён запрет на использование наёмных работников. Этот закон впервые дал возможность крестьянам организовать работу на единоличной основе с применением наемного труда, что стимулировало рост сельско-хозяйственного производства.

Проведенная работа по претворению в жизнь новой экономической политики в условиях Кабардино-Балкарии и помощь государства по преодолению тяжелых последствий голода способствовали оздоровлению экономической ситуации в Кабарде и Балкарии. Так, по итогам 1922/23 хозяйственного года площадь посевов выросла до 81775,25 десятин. К этому периоду количество сельского населения составило 166571 человек, городского населения — 8746¹².

По другим источникам в 1923 г. посевная площадь КБАО выросла до 93054 десятин¹³. Таким образом, четко обозначилась явная тенденция восстановления сельскохозяйственного производства в области. В селах Кабардино-Балкарии развернулась большая работа по организации производственной кооперации. В этом деле большую роль сыграл «Ювсельсоюз», который открыл свое отделение в Нальчике в 1923 г.

Вместе с сельскохозяйственным производством восстанавливалось животноводство. По данным облземуправления и административно-финансового отдела области с 1922 по 1924 г. поголовье крупного рогатого скота выросло со 100.9 до136.0 тыс., лошадей – с 30.1 до 35.9 тыс., овец и коз – со 196.2. до 317.9 тыс¹⁴.

Однако наступивший в 1924 г. недород урожая резко обострил проблему обеспечения населения сельскохозяйственным продуктом и на корню погубил сельское хозяйство. В том же году было засеяно 76797дес. Однако в результате засухи все посевы на площади 57957 дес. погибли¹⁵.

В докладной записке экспертной группы по определению состояния посева, побывавшей на полях Кабардино-Балкарии, отмечалось, что кабардинские крестьяне очутились в таком положении, как и в 1921 г. Посевная площадь представляла собой «...голую, сухую, растрескавшуюся от жары землю, от которой несло удушливым жаром, как от раскаленной печки. Никакой растительности, даже признаки ее нельзя было заметить». По данным той же группы небольшие посевные площади уцелели лишь только в Нальчикском и Урванском округах. На этих площадях количество ожидаемого валового сбора зерна не превышало 323000 пудов. Если распределить данный объем годового сельскохозяйственного продукта на душу населения, то приходилось на одну душу 1.82 пудов зерна 16*. К тому же у крестьян не было никаких продовольственных резервов. Больше половины населения голодало.

Животноводство оказалось в критическом положении. Практически скот вымирал, сенокосные угодья погибли. В этих условиях участились случаи массовой продажи скота. Такое положение вызвало озабоченность у руководителей области, так как оно могло бы привести к потере рабочего скота. В связи с этим облисполком принял меры к сохранению рабочего скота, и для субсидирования бедняцких хозяйств выделил 170 тыс. руб. 17

Руководство области обратилось в Центральные органы власти с просьбой об оказании помощи в связи с начавшимся голодом. Совет Народных Комиссаров СССР постановлением от 9 августа 1924 г. снизил для Кабардино-Балкарии на 70% единый сельскохозяйственный налог, 21426 бедняцких хозяйств были полностью освобождены от уплаты сельскохозяйственного налога, 6278 середняцких дворов частично (от 25 до 75%) освобождались от налога, 13% зажиточно-кулацких хозяйств не получили скидки¹⁸. Кроме того, в 1924 г область получила от центрального правительства 160 тыс. пудов семян¹⁹.

Большую помощь оказывали области отраслевые комиссариаты. Так, Наркомзем прислал в Кабардино-Балкарию 20 тракторов, а Центросоюз открыл для крестьян Кабардино-Балкарии кредит на сельскохозяйственные машины. В этом же году в селах Кабардино-Балкарии возникло 23 новых кооператива.

Следует подчеркнуть, что благодаря помощи из Центра и самоотверженного труда крестьян удалось быстро ликвидировать последствия неурожая 1924 г. Уже в следующем году посевная площадь составила 109101дес., превысив довоенный уровень на $0.5\%^{20}$. Быстрыми темпами шло восстановление животноводства. К концу 1925 г. поголовье (в тыс.) лошадей достигло 43.3, крупного рогатого скота – 224.9, овец и коз – 403.6^{21} .

Анализ имеющихся материалов показывает, что причин неустойчивого состояния сельского хозяйства было много и среди них важное место занимало землеустройство. После восстановления советской власти в Кабарде в марте 1920 г. началась реализация Основного закона о социализации земли, утвержденного III Всероссийским съездом Советов 27 января 1918 г.

На первом этапе сельским обществам отрезали определенную земельную площадь из земельного фонда области с учетом количества жителей в них. На втором этапе предстояла отрезка земельного участка каждому на основе подушно-равномерного распределения.

^{* 1} пуд – 16.38 кг.

Но этим не ограничивалась землеустроительная работа. Наоборот, речь шла о расширении этой работы в плане расселения крестьянских хозяйств. В Кабарде было признано наилучшей формой трудовой деятельности крестьян поселковое хозяйство. Оно стимулировало процесс размежевания или расселения крупных населенных пунктов с тем, чтобы ликвидировать чересполосицу и приблизить крестьян к своим земельным отрезкам. Тем более Земельный кодекс 1922 г. предоставил и этой форме трудового землепользования равные юридические права, разрешив свободный переход к ней как путем выдела из общин отдельных хозяйств, так и путем полного разверстания ее земель на хутора или отруба. Этот шаг в области землеустроительных работ явился первым переходным этапом от общины к поселково-отрубному хозяйству²².

Процесс размежевания крупных населенных пунктов и появления новых поселков проходил под непосредственным руководством областных и местных органов власти. К 1926 г. таковых было 29. Так, в 1923 г. из немецкой колонии Александровской переселились 37 дворов на реку Золку и назвали свое поселение «Бруненталь», (с 1942 г — Октябрьское). В том же году из селения Кызбурун-I переселились на Золку 80 дворов и образовали поселок «Псынодаха». В 1924 г. из разоренного в годы гражданской войны поселка «Куркужин» (русское население) переселились на Золку 100 дворов и основали новый поселок «Светловодское». В эти годы появились переселенческие поселки: Батех, Шордаково, Залукодес, Озрек, Герменчик, Куба-Тапа, Псынаба, Псыкод, Герпегеж и др.²³ Переселенцам оказывали всемерную помощь, предоставляя им долгосрочные кредиты и строительные материалы на обзаведение жилищем и хозяйственными постройками.

Следует отметить, что при составлении списка переселенцев соблюдался принцип добровольности, после чего шла работа по подготовке к переселению. Главным элементом этого процесса являлся отвод земли для вновь образующихся поселков из областного земельного фонда и наделение новосельцев земельными участками из расчета существующего норматива.

С официальным оформлением переселенческого поселка переселенец терял право на земельный участок, находившийся по старому месту жительства, и возвращение в село, откуда он переселился, жестко пресекалось властями. И все же, часто допускалось принудительное переселение на новое место жительства. Так, в январе 1924 г. областное земельное управление сообщило исполкому сел. Псынодаха о том, что оно возбудило вопрос перед ОблЦИКом о принудительном доселении пос. Псынодаха гражданами сел. Кызбурун- I^{24} . Таких примеров было много.

Одной из существенных причин, задерживавших проведение землеустроительных работ в области, являлось неоднократное постановление ВЦИКа о пересмотре границ Кабардинской области, что повлекло за собой индифферентное отношение населения к землеустроительным работам. Это объяснялось тем, что многочисленные местные (ГАССР) и Центральные комиссии создавали у кабардинского населения чувство неуверенности в том, что их селения останутся в Кабардинской области, а не перейдут к соседним областям.

Сложившаяся неопределенность в границах тормозила землеустройство вследствие неопределенности того фонда, которым ОблЗУ располагал при землеустроительных работах. В то же время крестьяне понимали, как соседние народы блокируют Кабарду в землеустроительном отношении и находятся под постоянным прессом с их стороны. Поэтому крестьяне не понимали «...смысл действительного землеустройства, заявляя, что они исторически видят одни отрезки их трудовой территории, незаслуженно отбираемой у крестьянства. В силу этого население Кабарды совершенно не верит в задачи землеустройства, заявляя открыто о том что, с появлением реформ в России, Кабарда в первую очередь теряет свою территорию; хозяйство Кабарды этим самым коренным образом ломается и нужны

десятки лет, чтобы оно вновь пришло к первоначальному виду, да и вряд ли придет время, когда территория, урезана настолько, что 1/3 скота, который был до 1917 г. кабардинская ныне территория сможет прокормить»²⁵.

В результате земельных реформ, проведенных до революции и после нее, Кабарда потеряла 135.937 десятин земли. Только с 1918 по 1921 г. ее земельные угодья сократились на $30\%^{26}$.

После того, как кабардинский земельный фонд был настолько социализирован, и появилась реальная угроза восстания кабардинских крестьян²⁷, 21 июля 1924 г. Президиум ВЦИК вынес постановление, отменяющее предыдущие постановления Президиума Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета об установлении административных границ землепользования между Горской республикой, Кабардино-Балкарской автономной областью, Карачаево-Черкесской автономной областью и Терской губернией

В принятом постановлении давалось доскональное описание административных границ перечисленных национальных образований. Исполнение постановления в натуре возлагалось на административную комиссию ВЦИК. В постановлении особо подчеркивалось, что «оно является окончательным в отношении всех вышеуказанных областей и губерний и пересмотру не подлежит»²⁸.

Таким образом, определение внешних границ области дало возможность более быстрыми темпами произвести землеустроительные работы, начавшиеся в области с 1923 г.

Здесь следует подчеркнуть, что землеустроительные работы в балкарских деревнях начались значительно позже. Это объяснялось затянувшимися процедурами объединения Кабарды и Балкарии в Кабардино-Балкарскую АО, а также неопределенностью границы Балкарии с соседней ГАССР. На этот процесс также повлияли климатические особенности горных и высокогорных районов. Однако общими усилиями всей области были проведены землеустроительные работы, и к 1928 г. хозяйства Балкарии были восстановлены.

Важную роль в восстановлении аграрного сектора экономики Кабардино-Бал-карской области сыграли комитеты крестьянской взаимопомощи (ККОВ).

Институт взаимопомощи имеет давнюю историю, уходящую вглубь веков. Будучи универсальным, он появлялся у каждого народа на определенном историческом этапе развития и играл роль стабилизирующего фактора. В то же время он обладал большим адаптационным потенциалом, обеспечивал социальное равенство и порядок в деревне. Именно поэтому после Гражданской войны новая власть обратила свои взоры на этот традиционный общественный институт, который был учрежден декретом СНК РСФСР 14 мая 1921 г.

Следует подчеркнуть, что вследствие затяжного характера Гражданской войны на Северном Кавказе, а также засухи 1921 г. Кабарда несколько позже приступила к реализации данного декрета.

Руководители Кабарды и Балкарии понимали, что в конкретных условиях горской действительности создание комитетов крестьянской общественной взаимопомощи имело исключительно большое значение. Поэтому было признано «<...> безусловно, необходимым скорейшую организацию комитетов взаимопомощи, вызванных к жизни новым курсом экономической политики, и имеющих целью создания взаимообщественной помощи среди крестьянства на основе его самодеятельности и самоуправления»²⁹.

Кроме всего прочего созданию крестьянских комитетов придавали огромное значение, поскольку государственная политика в Кабардино-Балкарской области, равно как и в других регионах страны, была направлена на приобщение местного населения к мероприятиям советской власти и включение крестьянства в общественно-политическую работу. В этом контексте важно понять, и помнить, что эти процессы проходили в условиях острейшей борьбы двух идеологии, отстаивавших совершенно противоположные социально-политические, экономические

и культурно-идеологические ценности. И власть рассчитывала на поддержку крестьянских масс в виде организованных комитетов взаимопомощи. И, как только появилась организационная возможность, местные органы власти спешно приступили к созданию крестьянских комитетов взаимопомощи, которые должны были, опираясь на укоренившиеся в сознании народа религиозные и иные традиции, перенести на самих крестьян решение проблем их социального обеспечения. Было принято решение о создании во всех городах, селениях, станицах Кабарды и Балкарии комитетов крестьянской общественной взаимопомощи под эгидой областного собеса. Последний приложил максимум усилий для скорейшей их организации. Однако оно не нашло широкой поддержки, поскольку аналогичная работа проводилась здесь задолго до установления советской власти в традиционном ключе без идеологического клише, соблюдая нормы адата и шариата. Тем не менее, работникам областного отдела социального обеспечения, при самой широкой поддержке партийных и государственных органов, удалось создать в феврале 1922 областной комитет крестьянской взаимопомощи (ККОВ). В его основу был положен один из пяти столпов ислама – закят (сэджыт) – положение по шариату, согласно которому верующие должны отчислять в пользу бедных, больных, вдов, сирот и т.д. 1/10 часть всего зернового сбора сельскохозяйственных культур и 1/40 часть денежного дохода. Распределением пожертвований в соответствии с нормами шариата занималось духовенство. Поэтому первоначально в создании комитетов было привлечено духовенство, которое в то время оказывало огромное влияние на мусульманское население Кабарды и Балкарии. Большевики реально не могли обойти этот факт. В связи с этим коммунисты вынуждены были предложить избрать председателем комитета крестьянской общественной взаимопомощи из числа наиболее авторитетных мулл.

Первым председателем областного ККОВ стал эфенди Али Абуков, который в годы коллективизации стал одним из духовных лидеров антиколхозного движения в Кабардино-Балкарии. За антибольшевистскую деятельность он был расстрелян в 1931 г. Председателями сельских и окружных комитетов крестьянской взаимо-помощи были избраны представители духовенства.

Роль председателей крестьянских комитетов предельно была ограничена и включала в себя рассмотрение бракоразводных и наследственных дел исключительно между мусульманами, а также слежение за правильным поступлением с населения десятиного сбора в фонд комитета взаимопомощи, а распределением пожертвований в виде закята (сэджыт) занимался общественный контроль, возглавляемый коммунистами.

В августе 1921, когда Кабарда формально еще находилась в составе Горской АССР, состоялось совещание работников социального обеспечения Горской республики во Владикавказе, на котором было признано, что Кабарда с точки зрения закята (сэджыт) является самой благоприятной почвой, на которой можно построчть работу комитетов крестьянской общественной взаимопомощи. Такой взгляд на эту проблему был связан с тем, что каждый взрослый человек рассматривал уплату закята (сэджыт) как свой обязательный долг. Вопрос заключался в том, чтобы этот закят (сэджыт), равный по своим масштабам сельхозналогу и предназначенный для оказания помощи беднейшим крестьянам через духовенство, изъять у последнего и передать кресткомам, контролируемым коммунистами. Для власти это имело большое экономическое и политическое значение. Целью этого совещания являлась распространение данной «инновации» кабардино-балкарских большевиков среди мусульманского населения Северного Кавказа.

25 сентября 1924 г. ВЦИК и СНК утвердили новое «Положение о крестьянских обществах взаимопомощи (КОВ)». Из старого названия выпало слово «комитет». Это означало, что система комитетов крестьянской общественной взаимопомощи, действовавшая на основе выполнения собесовских функций, изжила себя. Надо

отдать должное крестьянским комитетам, которые помогли беднейшим крестьянам подняться до определенного уровня обеспеченности и, благодаря им, встать на ноги. Этот период деятельность ККОВов характеризуется активной, целенаправленной работой по оказанию адресной гуманитарной помощи наиболее обездоленной части населения.

С утверждением нового Положения о крестьянских обществах взаимопомощи в Кабардино-Балкарии резко изменился характер и сущность работы данного института. Областная партийная организация развернула небывалую антирелигиозную пропаганду среди населения. В результате на состоявшихся выборов во второй половине 1924 г. в окружные и сельские правления крестьянских обществах взаимопомощи представители духовенства не были переизбраны. Их места заняли коммунисты, комсомольцы и т. н. выдвиженцы. По существу КОВы превратились в инструмент для реализации политики партии в деревне.

В 1924 г. сборы по закяту (сэджыт) в Кабардино-Балкарии составили 286 тыс. пудов хлеба. Кроме того, с 1 марта 1924 г. по 1 апреля 1925 г. в пользу КОВ от населения области поступило 500 пудов мяса, 2612 пудов картофеля и большое количество денег. Только в 1925 г. для приобретения сельхозинвентаря КОВ Кабардино-Балкарии выделили 282 тыс. рублей, на проведение мелиоративных и землеустроительных работ — около 400 тыс. рублей. Всего в 1925 г. КОВ вложили на укрепление крестьянского хозяйства области 1060 тыс. рублей. За счет КОВ было приобретено 13 тракторов, 4 молотилки, 6 триеров, 6 сноповязалок и другие сельскохозяйственные орудия на сумму 182 тыс. рублей³⁰. В том же году в области насчитывалось 86 крестьянских обществ взаимопомощи. В них участвовало около 140000 человек. К этому времени они имели 73 трактора, 15 сеялок, 10 сноповязалок, 14 молотилок, 20 триеров, 157 орудий и сельхозинвентаря³¹.

Если до 1924/25 хозяйственного года КОВы Кабардино-Балкарии приобрели 13 тракторов, то в 1926/27 хозяйственном году их было 80 , т.е. за два года КОВы области приобрели 67 тракторов. По тем же источникам на 1 марта 1926 г. в области имелось 153 трактора. Однако нет сведения о том, сколько из них было приобретено за счет государства, и сколько — за счет единоличных хозяйств. Можно только с большой долей уверенности предположить, что, учитывая львиную долю из этого количества тракторов, принадлежавшую ККОВ и КОВ, а также наличие у многих единоличников сельскохозяйственной техники, то вряд ли на этом этапе государство принимало активное участие в приобретении сельскохозяйственной техники для нужд доколхозной деревни Кабардино-Балкарии. По всей вероятности оно подключилась к этой работе в марте 1926 г., когда был отпущен области долгосрочный кредит в объеме 1200000 рублей для машинизации области. В том же году область приобрела сельскохозяйственную технику на сумму 650000 рублей³².

Следует отметить, что к этому времени использование закята (сэджыт) для нужд кооперации крестьянских хозяйств области достигло своего апогея. Однако, видимо, опыт Кабардино-Балкарии в использовании закята (сэджыт) как один из главных элементов ККОВ и КОВ, обобщенный еще в августе 1921 г и рекомендованный для практического применения в национальных округах Северного Кавказа, не нашел широкой поддержки у населения. Очевидно, с этим был связан тот факт, что по инициативе секретаря крайкома партии А.И. Микояна на заседании Национальной комиссии Северокавказского крайкома партии в феврале 1926 г. рассматривался вопрос об опыте Кабардино-Балкарской области в деле использования закята (сэджыт) для организации кооперативных хозяйств в Кабарде и Балкарии и возможность использования этого опыта в других автономиях края³³.

К концу 1926 г. в Кабарде и Балкарии насчитывалось 120 объединений, в том числе две сельскохозяйственные артели, 34 товарищества по совместной обработке земли (ТОЗы), 38 машинных товариществ, 25 кредитных, 4 мелиоративных,

7 маслосыроваренных, 4 пчеловодческих, 2 животноводческих товарищества и 1 товарищество табаководов. На 1 октября 1926 г. членами сельхозкооперации состояло 10942 хозяйства, или 29% всех крестьянских дворов области³⁴.

В эти годы произошли серьезные сдвиги в социальной структуре крестьянства Кабардино-Балкарии. Произошло сближение трех социальных групп крестьянства: бедняцкая, середняцкая и кулацкая. Обозначилась тенденция увеличения доли середняцких хозяйств за счет сокращения первой группы. За счет перехода части середняцких хозяйств в категорию кулацких также увеличилась доля последних. Поэтому говорить о дифференциации крестьянства и резкое обострение противоречий между основной массой крестьянства и кулаками не приходится. Наоборот, при благоприятных условиях развития аграрных преобразований в условиях новой экономической политики в целом крестьянство превратилось бы в зажиточный класс, что отчасти произошло. Однако необходимо отметить, что зажиточные крестьяне облагались налогом по повышенным ставкам, что приводило к падению интереса состоятельных крестьянских хозяйств к росту сельскохозяйственного производства и лишало их смысла слишком разворачиваться. В итоге это приводило к «осереднячиванию» деревни.

Тем не менее, благосостояние крестьян в целом по сравнению с довоенным уровнем повысилось, число бедных уменьшилось, доля середняков возросла. В этом процессе руководство области увидело реставрацию старых порядков, а арендные отношения в рамках новой экономической политики — как вторичное закабаление беднейших крестьян кулаками — мироедами. Поэтому Б. Калмыков в мае 1926 г. на V съезде Советов Кабардино-Балкарской автономной области заявил: «Наш враг не обязательно тот, кто носит белогвардейские погоны. Нет, наш враг может быть и в халате, и без оружия. Он может быть даже опаснее того, кто носит погоны деникинца. Есть у нас такая ошибка. Белогвардейца мы справедливо считаем нехорошим человеком, а вот того, кто в деревне имеет 5—6 тыс. пудов хлеба, кто засевает 50—100 десятин земли, имеет тысячи голов скота, эксплуатирует батраков, того мы считаем иногда мирным, хорошим человеком…»³⁵.

После XVII съезда ВКП(б) в декабре 1927г.,взявшего курс на коллективизацию крестьянских хозяйств внимание к крестьянской общественной взаимопомощи стало ослабевать, а функции этих обществ, проделавших огромную, но неоднозначную работу, перешли к местным собесам и кассам взаимопомощи по месту работы.

В целом анализ архивных и письменных источников по исследуемой теме показывает, что после революции и Гражданской войны кабардино-балкарская деревня оказалась в тяжелейших условиях. Она переживала самые трудные годы разрухи и разорения, отягощенные небывалой засухой 1921г., совпавшего по времени с принятием НЭПа и недородом 1924 г.

В 1925 г в Кабарде, а в 1928 г. в Балкарии при активном участии ККОВов и КОВов завершилось восстановление народного хозяйства области, проведены землеустроительные работы, определены границы КБАО, которые имели огромное значение для сохранения земельного фонда Кабарды и Балкарии.

Примечания

- 1. Управление центрального государственного архива АС КБР (далее УЦГА АС КБР). Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 109. Л. 3.
 - 2. УЦГА АС КБР. Ф. Р-2. Оп. 3. Д. 48. Л. 34.
- 3. *Бербеков Х.М.* Переход к социализму народов Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1963. С. 139.
 - 4. УЦГА АС КБР. Ф. Р-6. Оп. 1. Д. 136. Т. 1. Л. 56–85.
 - 5. УЦГА АС КБР. Ф. Р-6. Оп. 1. Д. 136. Т. 1. Л. 51–51об.

- 6. Бербеков Х.М. Указ. соч. С. 140.
- 7. УЦГА АС КБР. Ф. Р-6. Оп. 1. Д. 136. Т. 1. Л. 51–51об.
- 8. Там же. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 109. Л. 3.
- 9. Там же.
- 10. Бербеков Х.М. Указ. соч. С. 140.
- 11. УЦГА АС КБР. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 109. Л. 3.
- 12. УЦГА АС КБР. Р-6. Оп. 1. Д. 197. Л. 22.
- 13. УЦГА АС КБР. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 109. Л. 3.
- 14. Там же. Л. 5.
- 15. УЦГА АС КБР. Ф. Р-2 Оп. 1 Д. 125. Л. 8.
- 16. Там же. Л. 2-2об.
- 17. УЦГА. АС КБР. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 124. Л. 4.
- 18. Там же. Д. 119. Л. 145-146.
- 19. Жакомыхов Т.А. История народного хозяйства Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1967. С. 22.
 - 20. УЦГА АС КБР. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 109. Л. 3.
 - 21. Жакомихов Т.А. Указ. соч. С. 23.
 - 22. УЦГА АС КБР. Ф. Р-6. Оп. 1. Д. 197. Л. 65.
- 23. Административно-территориальные преобразования в Кабардино-Балкарии: история и современность. Нальчик, 2000. С. 118, 124, 141, 153, 164–165.
 - 24. УЦГА АС КБР. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 150. Т. 2. Л. 359.
 - 25. УЦГА АС КБР. Ф. Р-6. Оп. 1. Д. 197. Л. 65 об.
- 26. Улигов У.А. Социалистическая революция и гражданская война в Кабарде и Балкарии и создание национальной государственности кабардинского и балкарского народов (1917—1937 гг.). Нальчик, 1979. С. 292.
- 27. Управление центра документации новейшей истории АС КБР (УЦДНИ АС КБР) Ф. 1. Оп. 1. Д. 12. Л. 4–9.
- 28. Территория и расселение кабардинцев и балкарцев в XVIII начале XX веков / сост. Думанов X.М. Нальчик, 1992.
 - 29. УЦГА АС КБР. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 7. Л. 9.
 - 30. История Кабардино-Балкарской АССР. Т. 2. М., 1967. С. 134.
 - 31. Бербеков Х.М. Указ. соч. С. 146.
- 32. *Текуев А*. Борьба кабардино-балкарской парторганизации за социалистическое преобразование сельского хозяйства. Нальчик, 1960. С. 40.
 - 33. УЦДНИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 12. Л. 97.
 - 34. Бербеков Х.М. Указ. соч. С. 148.
 - 35 Калмыков Б.Э. Статьи и речи. Нальчик, 1983. С. 143–144.

A.Kh. Karmov

KABARDINO-BALKARIAN VILLAGE IN THE CONDITIONS OF NEW ECONOMIC POLICY

The article analyzes the socio-economic situation of the region after the revolution and Civil war, reveals the features of economic recovery in the conditions of the most severe drought in 1921 and the poor harvest of 1924.

Particular attention is paid to land management in the area, the definition of the border of Kabardino-Balkaria with the neighboring peoples of the GASSR. And also on the activities of the Peasants' Committees for Mutual Assistance (CCOV), transformed into peasant mutual assistance societies (COV).

Keywords: Tenth Congress of the RCP (B.), New Economic Policy, Regional Land Meeting, Regional Economic Recovery, Drought, poor harvest. Land Management, New Settlements.

Т.А. Дзуганов

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИЕ ПРАКТИКИ НАЛЬЧИКСКОГО ОКРУГА (конец XIX – начало XX в.)

В статье исследуются основные моменты, связанные с возникновением и развитием предпринимательских практик Кабарды в конце XIX – начале XX в. Предпринимается попытка определения характера и вектора их развития в условиях интеграции в экономическую систему России. Устанавливается, что наряду с традиционными в Кабарде возникают новые виды предпринимательской деятельности. Отмечается, что наиболее быстрыми темпами развивался бизнес, связанный с услугами общепита. Делается вывод, что рынок сферы услуг в округе, в силу своей не освоенности и динамичного развития, привлекал не только местных торговцев, но и коммерсантов и из центральной России.

Ключевые слова: Кабарда, Нальчикский округ, торговые отношения, товарность, предпринимательские практики, рынок сферы услуг.

Толчком к трансформации старых и появлению новых предпринимательских практик Нальчикского округа, как и по всей стране, стали социально-экономические реформы второй половины шестидесятых годов XIX в. Именно в этот период отмечается начало интенсификации процессов модернизации традиционного хозяйства горского населения, поиск наиболее оптимальных путей для его интеграции в общероссийское экономическое пространство. Вместе с тем, нельзя не отметить ключевую особенность этих процессов, заключавшуюся в том, что все вышеуказанные события и явления хронологически совпали с завершением Кавказской войны и переходом к мирному этапу колонизации Кавказа.

Как известно, во второй половине XIX в. Россия приступает к проведения административного и территориальных преобразований на Северном Кавказе. Сутью реформы являлось желание ответственных представители царской администрации, наладить такую систему административно-территориального деления, при которой будет возможен наиболее эффективный военный надзор и контроль над покоренными народами. Именно ввиду этих задач на Кавказе вводится военно-народное управление, а административно-территориальное размежевание ни в коей мере не учитывало «национальные особенности, экономические интересы региона» руководствуясь исключительно военными интересами и соображениями политической целесообразности. Введение так называемого военно-народного управления происходило постепенно и просуществовало до 1858 г.

Оформление военно-административной системы завершилось принятием «Положения о Кавказской армии» 1858 г. В ходе реформы в Кабарде и Пяти горских обществах упразднялось управление начальника центра Кавказской линии. Взамен было создано управление Кабардинского округа в составе двух участков, то есть территории Большой Кабарды и Балкарских обществ². Малая Кабарда отходила в состав Осетинского округа и оставалась в нем вплоть до 1862 г.

Однако такая схема административно-территориального деления оказалась нежизнеспособной «в национальном, экономическом и политическом отношениях»³. Это стало очевидным уже к 1862 г., когда было принято решение вернуть

Малую Кабарду в состав Кабардинского округа. Теперь вся территория была разделена на четыре участка.

Ошибки и просчеты в административно-территориальном районировании, злоупотребления местной администрации и другие факторы, негативно влияли на становление и развитие экономики края, вместе с тем, сам процесс был необратим.

Как уже отмечалось выше, толчком к развитию старых и появлению новых предпринимательских практик в регионе послужили социально-экономические реформы второй половины XIX в. Под «старыми», иначе говоря, традиционными, подразумевается занятие земледелием, скотоводством, а также связанными с ними народными промыслами. Этот «традиционный» сегмент экономики населения, в описываемый период переживал не лучшие времена и поступательно сдавал свои позиции под давлением рыночных отношений. Народные промыслы и ремесла, не выдержав конкурентной борьбы с промышленными товарами, отходили в прошлое. В этих условиях, локомотивом экономического развития региона становится торговля. Бурный рост которой, помимо прочего, способствовал специализации некоторых отраслей народного хозяйства, повышению товарности их продукции, их рыночной ориентированности. Рост частной предпринимательской инициативы обусловил развитие рынка услуг Северного Кавказа в целом. Разбогатевшие на торговле купцы, стремясь сохранить и приумножить свои капиталы, достаточно легко шли на диверсификацию своего основного предприятия. Не остались в стороне и торговцы Нальчикского округа, которые помимо торговли, старались вкладывать свои капиталы и в другие прибыльные предприятия, открывая мелкие промысловые производства, постоялые дома, духаны и кабаки.

Поражает разнообразие частных предпринимательских инициатив и коммерческих предложений коммерсантов округа, сформировавшихся уже к началу 90-х годов XIX в. И хотя по-прежнему ведущее место продолжает занимать торговля, тем не менее, как это видно из документов, удельный вес рынка сферы услуг в экономике края неуклонно растет.

В Нальчике уже с мая 1894 г. открылось фотоателье. Заведение принадлежало Ефиму Лукьянову. Но просуществовало оно недолго, т. к. владелец по неизвестным причинам не озаботился приобретением разрешительных документов. Поэтому, когда через несколько месяцев администрация округа обратила внимание на его нелицензированную деятельность, старшина слободы докладывал, что проверить «документ, на основании коего разрешено ему производить фотографическую работу, не представляется возможности, так как он до получения предписания из Нальчика выбыл»⁴.

Рынок сферы услуг в округе, в силу своей не освоенности и динамичного развития, привлекает и коммерсантов и из центральной России. Наряду с традиционными формами предпринимательства, в Кабарде возникают новые формы предпринимательской деятельности. В начале 1896 г. к услугам местного населения и туристов открывается стереоскопический кабинет, где желающие, за весьма умеренную плату, могли любоваться видами европейских столиц и постановочными фотографиями фривольного характера. По-видимому, предприятие не оправдало надежд своего хозяина и оказалось малорентабельным, т.к. уже через два месяца после открытия хозяин заведения начинает устраивать после сеансов незаконные лотереи. Этот факт вызвал негативную реакцию слободского правления. 13 апреля 1896 г. старшина слободы Нальчик доносил окружному начальнику, что содержатель кабинета производил розыгрыш вещей «по билетам за 50 к. и больше» и требовал провести расследование. Как выяснилось, устроитель незаконной лотереи Климентий Гаврилович Хрусталев, не дожидаясь расследования, «закрыл кабинет и скрылся в сторону Моздока»⁵.

В начале XX в. в Нальчике в верхней части Романовского сада находился кегельбан, упоминание о котором мы находим в документах за 1916 г. Точных данных о

том, когда он был открыт и сколько просуществовал выявить не удалось. Известно только, что к этому времени здание пришло в запустение и продавалось с торгов на строй материалы.

Вместе с тем, к началу XX в. рынок услуг в Нальчике продолжает демонстрировать устойчивые темпы роста. В 1913 г. в слободе к услугам отдыхающих имелись: кинематограф; 7 трактирных заведений; 2 клуба «с буфетами»; 2 дома с меблированными комнатами; 4 постоялых и 17 «заезжих» дома⁷. Специфика складывающегося рынка услуг свидетельствует о его ориентации, в первую очередь, на курортный бизнес. Именно на заезжую богатую публику рассчитывали хозяева этих предприятий. Стоит отметить, что окружное правление, со своей стороны, предприняло ряд шагов, направленных на превращение слободы Нальчик в популярный курорт. К сожалению, из-за начавшейся Мировой войны, эти планы пришлось отложить.

Такие заведения как фотоателье, стереоскопический кабинет, кинематограф, кегельбан и прочие, требовали от своих учредителей хотя бы минимальных технических знаний, навыков менеджмента, сопряженных с особенностями данного вида предпринимательства. Расчет строился, как правило, на состоятельную публику из числа отдыхающих, представители же местной элиты, в силу своей малочисленности, не могли обеспечить их высокую доходность. Этот вывод наглядно подтверждается данными статистических отчетов. Достаточно упомянуть, что из 4768 человек, постоянно проживающих в 1900 г. в Нальчике, дворян насчитывалось только 37 (8 мужчин и 28 женщин)⁸. Число постоянных и временных торговцев округа в целом, даже в совокупности с местным чиновничеством, не превышало 300 человек. И это при том, что далеко не все из них, по разным причинам, становились потребителями услуг данной сферы рынка.

Гораздо предпочтительнее, в глазах потенциального предпринимателя, как из числа русского, так и горского населения, выглядел бизнес, связанный с услугами общепита. Это вид предпринимательства находился в сфере традиционных занятий — животноводство, земледелие, и вполне укладывался в общепринятый этикет гостеприимства. Вместе с тем именно на этом поприще столкнулись интересы слободского купечества и горцев, стремившихся освоить рынок Нальчика. Реакция слобожан, препятствовавших любым предпринимательским инициативам «туземцев» «на своей территории», вполне объясняется их нежеланием терпеть конкурентов. Горцы же, в своей борьбе за место на этом рынке услуг, проявляли завидное упорство, выдвигая из своей среды наиболее предприимчивых и целеустремленных.

7 мая 1896 г. житель Балкарского общества Мисир Артасаов обратился к начальнику округа с просьбой о разрешении ему открыть в слободе Нальчик кумысное заведение. «Кумыс я обязуюсь приготовлять хорошего качества, посуду, комнаты буду держать в хорошем виде, продавать же кумыс буду по 10 к. Одинарную бутылку, а двойную – по 20 к. Кефир же, одинарную бутылку по 5 к., а двойную – по10 к»⁹.

4 января 1907 г. начальнику Нальчикского округа поступило прошение от проживающих Нальчик горцев Нальчикского округа: Бекира и Караби Мокаевых, Аслантоко Залиханова и Гагой Шаваева, на разрешение открыть в слободе харчевню. «Мы желаем в слободе Нальчик открыть харчевни с приготовлением горячей пищи, но слободское общество противится и хочет последние отдать с торгов, тогда как они открываются без торгов, только с выбором торгового свидетельства» 10.

В обоснование приводились веские доводы: «Харчевни эти необходимы и кабардинскому народу, бывающему в Нальчике по несколько дней, в которых он пользуется горячей пищей мусульманского приготовления; так как Кораном запрещено потреблять пищу, приготовленную не мусульманами, то последние удобны и с этой стороны, да и в отношении народного здравия, а потому просим Ваше Высокоблагородие приказать названному обществу не препятствовать нам к открытию харчевен»¹¹.

Противостояние проходило на уровне окружной администрации, прочно и давно сросшейся со слободскими торговыми кругами. Некоторые представители нальчикского купечества занимали ответственные посты в правлении и могли оказывать серьезное влияние на принятие тех или иных решений в своих интересах. Гильдейский купец Василий Зипалов, например, исправлявший до 1893 г. должность нальчикского слободского казначея¹², параллельно являлся хозяином ряда промыслов предприятий, а также из наиболее доходных питейных заведений округа. В этой связи, неудивительно, что частные предпринимательские инициативы горцев встречали многочисленные препятствия со стороны слободской администрации.

Предприятия и мелкие промыслы горцев, которым удалось закрепиться в Нальчике, постоянно находились под административным давлением и вынуждены были вести борьбу за выживание не только с конкурентами, но и с произволом окружных чиновников. Особенно наглядно это демонстрируется на примере вышеупомянутой харчевни, содержатели которой, не найдя справедливости и понимания в окружном правлении, обратились за помощью к Доверенным Большой и Малой Кабарды и пяти горских обществ Нальчикского округа, хотя формально и не относились к их юрисдикции.

В поданном от имени «Проживающих в Нальчике Бекербия Мокаева, Аслантоко Залиханова и Гогом Шаваева» заявлении, датированном 5 января 1907 г., говорилось: «До сего 1907 г. мы содержали в слободе Нальчик азиатские харчевни, но в текущем году нас слобожане не допускают, заявляя, что мы должны платить в пользу слободы особую плату и на открытие таковых не выдают нам промысловых свидетельств. При этом мы имеем честь заявить всему кабардинскому народу, что мы резали и будем принуждены (если сойдемся со слобожанами) убой скота и баранов производить на общей бойне вместе с русскими мясниками, что очень неудобно, тем, что противорелигиозно. Кровь и мясо часто смешиваются и загрязняются. Слобожане, требуя с нас особую плату, тем самым обременяют не нас, а все магометанское население округа, так как уплатив расход будем принуждены продавать гораздо дороже, чем теперь. Поэтому мы, харчевники, просим в интересах всего кабардинского и горского народов уполномоченных от сельских обществ доверенных обсудить этот вопрос и вывести заключение, выгодное для туземного населения округа»¹³.

С конца 80-х годов XIX в. в округе наблюдается рост питейных заведений. Здесь, как это явствует из документов, производился более строгий контроль за деятельностью предпринимателей. Получить разрешительные документы на право содержания увеселительных и питейных заведений представляло определенные трудности, все решения о выдаче таких документов утверждался непосредственно в Ставрополе. Лицензирование и учет велся исключительно чиновниками Ставропольской Казенной Палаты, что и обусловило относительный порядок в этом виде предпринимательства. Питейных патентов на Нальчикский округ было выдано 14. Документ давал право владельцу в течении трех лет содержать одно и более питейных заведений, при условии соблюдения правил Устава Торговли и своевременной оплате налогов.

Владельцы питейных заведений с адресами¹⁴.

Имя	Количество	Адрес	Имя	Количество	Адрес
1. Афанасий Семенов	1	Нальчик	8. Хай-Мурза Аминев	3	На торговлю в сел. Хасав- Урт
2. Егор Ходжаев	1	Ново- Павловское	9. Василий Дробышев	1	Нальчик

3. Алексей Шуйский	1	Кол. Алек- сандровская	10. Савелий Балахурбетов	2	Аул Бабу- ковский	
4. Илья Шуйский	1	Нальчик	11. Израиль Ифраимов	1	Аул Бабу- ковский	
5. Михаил Ананьев	1	Нальчик	12. Тамбот Калмыков	2	Аул Абукова	
6. Василий Зипалов	1	пост Баксанский	13. Варлам Сеферов	2	Аул Атажу- кина	
7. Вольф Лидский	1	Нальчик	14. Мухамед Хакимов	1	Аул Хасаут	

Доходность питейных заведений и ограничение на их общее количество, (право на патент разыгрывалось на открытых аукционах по месту нахождения заведения) со стороны царской администрации, неизбежно вызвали рост конкурентной борьбы на этом рынке. И, несмотря на то, что патент выдавался сроком всего на один год, между местными и пришлыми предпринимателями шла нешуточная борьба за право аренды.

На торгах, состоявшихся в управе колонии Александровской 30 октября 1896 г., право на открытие в колонии в 1897 г. духана выиграл проживающий в Александровской «поселянин, собственник Самарской губернии» Егор Буц, предложивший на аукционе «в закрытом конверте» самую большую сумму — 685 р. 25 к¹⁵. На следующий день Буц «право это передал проживающему здесь же дворянину А.И. Сухачеву, взяв залог в 202 рубля» 16. По видимому, была проведена некая не совсем законная махинация, по крайней мере так считал местный гильдейский купец — Алексей Шуйский, который безуспешно пытался оспорить результаты аукциона.

В этом же году подобный аукцион за право аренды 3-х духанов прошел и в слободе Нальчик. Здесь так же развернулась борьба между «нальчанами» и приезжими коммерсантами. По результатам торгов, один достался жителю слободы Михаилу Ананьеву за 3250 р. 50 к., другой – Владикавказскому мещанину Андрею Перову за 2906 р., третий – Кизлярскому купцу Лазарю Свешникову за 1900 р¹⁷.

О доходности питейных заведений говорят цифры ежегодных отчетов. В 1899 г. в Нальчике доход с базаров и ярмарок составил 1302 р., а за разрешение питейной торговли и промыслов – $6000 \, \mathrm{p}^{18}$. В 1901 г. в Нальчикском округе доходы с базаров и ярмарок составили 2863 р., а разрешения питейной торговли принесли в казну – $13592 \, \mathrm{p}$.

Подводя общие итоги исследования необходимо отметить, что рост экономической активности населения нальчикского округа на рубеже XIX–XX вв. является следствием социально-экономических и политических преобразований в российской империи во второй половине 60-х годов XIX столетия. Развитие рыночных отношений в крае обусловило трансформацию традиционных занятий горцев, способствовало увеличению товарности производства.

С конца XIX в. в округе наблюдается увеличение объемов торговли, доходность которой на порядок превышала совокупный показатель кустарных и мелких промышленных предприятий Кабарды. Именно торговля стала основным видом предпринимательской деятельности и послужила экономической основой для появления новых предпринимательских практик.

Столкнувшись с необходимостью диверсификации основного вида деятельности, местные купцы и коммерсанты были вынуждены искать новые возможности для приложения своих сил и накопленных средств. Это вполне закономерное стремление торговых элит края, а также рост частной коммерческой инициативы населения, выразилось в появлении ряда новых, неизвестных ранее в округе, предпринимательских практик. Наиболее перспективным объектом приложения

коммерческого потенциала стал бурно развивающийся рынок сферы услуг, особенно его сегмент, связанный с общепитом. В Кабарде ширится сеть трактиров и духанов, открываются харчевни, ориентированные не только на заезжих туристов, но уже и на местное мусульманское население – по сути, явление уникальное. Появляются первые гостиницы и заезжие дома, увеселительные заведения для приезжих туристов.

Сохранившиеся источники и документы свидетельствуют, что к началу XX в., в экономике Нальчикского округа прослеживаются устойчивые темпы развития. Проникновение рыночных отношений в традиционное хозяйство горцев, помимо прочего, способствовало повышению экономической культуры местного населения, выразившееся, прежде всего, в многообразии форм предпринимательской инициативы.

Примечания

- 1. *Саблиров М.3.* Культура народов Кабарды и Балкарии в конце XIX начале XX вв. Нальчик, 2001. С. 22.
- 2. *Калмыков Ж.А*. Установление русской администрации в Кабарде и Балкарии. Нальчик, 1995. С. 12.
- 3. *Саблиров М.*3. Культура народов Кабарды и Балкарии в конце XIX начале XX вв. Нальчик, 2001. С. 22.
 - 4. УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 298. Т. 1. Л. 25 об. Л. 114.
 - 5. УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 2. Ед. хр. 14. Т. 2. Л. 35.
 - 6. УЦГА АС КБР. Ф. И-40. Оп. 1. Ед. хр. 909. Л. 62.
 - 7. УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Ед. хр. 864. Л. 76.
 - 8. УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Ед. хр. 514. Л. 52.
 - 9. УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 2. Ед. хр. 14. Т. 2. Л. 64.
 - 10. УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Ед. хр. 699. Т. 2. Л. 24.
 - 11. УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Ед. хр. 699. Т. 2. Л. 24.
 - 12. УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Ед. хр. 290. Л.12-12 об.
 - 13. ЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Ед. хр. 699. Т. 2. Л. 25.
 - 14. УЦГА АС КБР. Ф. И-40. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 9.
 - 15. УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Ед. хр. 359. Л. 33.
 - 16. УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Ед. хр. 359. Л. 33-33об.
 - 17. УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Ед. хр. 359. Л. 43.
 - 18. УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Ед. хр. 455. Л. 14.
 - 19. УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Ед. хр. 538. Л. 41 об.

T.A. Dzuganov

ENTREPRENEURIAL PRACTICES OF THE NALCHIK DISTRICT (late XIX – early XX centuries)

The article explores the main points associated with the emergence and development of entrepreneurial practices in Kabarda in the late XIX – early XX centuries. An attempt is made to determine the nature and the vector of their development in the context of integration into the economic system of Russia. It is established that along with traditional in Kabarda new types of entrepreneurial activity arise. It is noted that the fastest growing business was business related to catering services. It is concluded that the service market in the district, due to its lack of development and dynamic development, attracted not only local traders, but also merchants and from central Russia.

Keywords: Kabarda, Nalchik District, trade relations, marketability, entrepreneurial practices, service market.

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

УДК 304.2

А.Д. Вислова

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

В статье анализируются проблемы адаптации, связанные с социальными преобразованиями; обосновывается актуальность изучения особенностей социальной адаптации молодежи; делается вывод о перспективности междисциплинарного подхода в изучении феномена.

Ключевые слова: адаптация, социальная адаптация, молодежь, социальная среда, риск.

Современный социум претерпевает радикальные изменения, обусловливающие увеличение нагрузки на ресурсные возможности адаптации человека к новым условиям среды. Стратегии адаптации, которые ранее соответствовали условиям социальной жизни, мало отвечают нынешним требованиям. Конструирование новых моделей адаптации, способствующих оптимальной интеграции в социум является актуальной проблемой и в теоретическом и практическом плане.

Социально-экономический кризис отрицательно сказывается на уровне и качестве жизни населения России, негативно отражается на социальном самочувствии и уверенности в собственной безопасности граждан.

Согласно данным ВЦИОМ лишь четверть населения (24%) уверено в том, что полиция защищает каждого гражданина в равной степени и треть населения (76%) не чувствует себя в безопасности. Почти четверть населения (45%) испытывает страх, связанный с экономическими проблемами, состоянием здоровья, неопределенностью будущего¹. Тенденция к понижательному тренду заметна в оценках материального положения: те, кто ещё недавно оценивал своё благосостояние как «среднее», сегодня всё чаще оценивают его как «плохое». Это снижает уровень социального оптимизма людей².

Адаптация молодежи происходит в условиях повышенного социального риска. Здесь важно иметь в виду, что в ситуации риска, навязываемого средой, различия стратегий адаптации к нему определяются потенциалом ресурсов, которыми располагают различные категории населения; причем имеет место неравенство в распределении ресурсов, составляющих адаптационный потенциал, а одним из способов адаптации к риску, определяемым в том числе ограниченностью ресурсов, выступает протестная активность³.

В настоящее время существует множество исследований, посвященных проблеме адаптации. Однако возрастает необходимость исследования современных тенденций адаптации молодежи в условиях социальных трансформаций.

«Адаптация» как научная категория является одной из основных дефиниций, определяющей исследовательские подходы ученых различных направлений в философии, психологии, социологии, этнологии, медицине, педагогике и других наук⁴.

Адаптация понимается как связь с культурно-историческими обстоятельствами жизни человека (Л.С. Выготский); как процесс гомеостатического уравновешивания (А.В. Петровский); как включение психологических защитных механизмов, которые ограждают сознание человека от травмирующих переживаний (З. Фрейд); как совокупность защитных реакций человека на затруднительные ситуации (Г. Селье); как механизм социализации (И.А. Милославова) и т.д.

Рассмотрим некоторые термины, которыми апеллируют исследователи, которые обращаются к проблеме адаптации. Л.Д. Столяренко считает, что «адаптация – это процесс включения личности в деятельность и интернализации ею общественных отношений, реализующихся в этой деятельности». При этом под «адаптированностью» подразумевается мера включенности личности в новую или изменяющуюся социальную среду, уровень фактического приспособления человека, уровень его социального статуса и самоощущения, удовлетворенности или неудовлетворенности собой и своей жизнью. «Адаптивность» означает совокупность адаптивных качеств; фактор, характеризующий потенциальные возможности личности как субъекта адаптационного взаимодействия со средой. К врожденным основам адаптивности относятся инстинкты, темперамент, конституция тела, эмоции, задатки интеллекта и способностей, внешние данные и физическое состояние организма⁵.

Тем не менее, в науке не сложилось четкое определение понятия адаптации, что свидетельствует о противоречивости данного феномена. В наиболее распространенных дефинициях обращается внимание на структурно-функциональную организацию человека, а также на ключевые аспекты феномена — процесс и результат приспособления функций организма и их органов к условиям среды. В настоящее время сформировалась традиция изучения разных видов адаптации в рамках теории социальной адаптации. И в этом есть своя логика. Ведь человек имеет свою собственную социальную среду обитания, которая соответствует его особенностям как биосоциального существа. Следовательно, его приспособление к изменяющимся условиям среды и есть социальная адаптация.

Будет справедливо, если отметим, что наиболее интенсивные исследования социальной адаптации проводились в социологии (Э. Дюркгейм, Т. Парсонс, Э. Тоффлер, Э. Гидденс, П. Штомпка, Р. Мертон, В. Корель, М.В. Ромм, Э.С. Маркарян, Д.В. Ольшанский и др.). Значительное место в этих исследованиях занимают вопросы, связанные с действием механизмов социальной адаптации в условиях как стабильного, так и изменяющегося социума.

Интерес исследователей различных областей знания к проблеме социальной адаптации не утихает, всё больше становится работ, выполненных на стыке философии, психологии, социологии и этнологии в рамках междисциплинарного подхода.

С трудностями адаптации человек встречается на любом этапе своего развития. Это адаптация к межличностным отношениям, детскому саду, учебной и профессиональной деятельности, трудовому процессу и т.п. Эффективная адаптация в одной сфере жизнедеятельности не гарантирует столь же успешного протекания данного процесса в другой области. В равной степени справедливо и то, что на разных этапах онтогенеза адаптация может носить гетерохронный характер. И здесь трудно не согласиться с известным социологом, футурологом, лауреатом Нобелевской премии Э. Тоффлер: «...жизнь есть адаптация, приспособляемость»⁶.

Проблема адаптации является наиболее актуальной в молодом возрасте. В условиях глобальной трансформации всех сфер жизни молодой человек нередко оказывается в ситуации смены социального положения и вынужден осваивать иные социальные роли, выполнять функции, не вполне соответствующие его потребностям и возможностям. Из этого следует, что на том или ином этапе развития человека, в тех или иных жизненных обстоятельствах, возникают риски дезадаптации. Можно допустить, что все модели поведения человек конструирует именно с тем, чтобы избежать проблем дезадаптации и достичь соответствия

собственных установок тем нормам, которые являются социально-одобряемыми. Почему эту задачу сложнее решать молодым? Сошлемся на авторитетное мнение Э. Эриксона, который обращает внимание на возрастные особенности юности, когда происходит сложный процесс синтеза представлений о своем Я, усвоенных норм и правил поведения, системы ценностей. А успешность проектирования перспектив жизни базируется на сформированной идентичности личности. Адаптивные стратегии должны коррелировать с идентичностью личности, а ее формирование — очень сложная сама по себе проблема. В силу этого, возрастно-психологические особенности могут выступать в качестве условий, определяющих риски возникновения нарушений процесса адаптации (И.С. Кон, А.Н. Леонтьев, А.А. Реан и др.).

Феноменология подросткового, юношеского возраста хорошо изучена в психологии (Л.И. Божович, Л.С. Выготский, Л.Ф. Обухова, И.С. Кон, А.М. Прихожан, Д.И. Фельдштейн, Д.Б. Эльконин и др.). В них подчеркивается, что данный возрастной период становления личности является сложным в плане социальной адаптации.

Несмотря на то, что исследователи рассматривают данный феномен как многофакторный процесс согласования актуального уровня развития человека, его потенциальных возможностей и новых требований среды, крайне недостаточно концептуальных разработок социальной адаптации молодежи в современных реалиях, выполненных с позиции междисциплинарного подхода.

Молодежь вынуждена принимать угрозы изменяющейся социальной реальности и совладать с повышенными требованиями, предъявляемыми к ней как особой социально-возрастной группе.

Характерные для российского социума социальная дифференциация и поляризация населения обусловливают неравные возможности для самореализации молодежи. Это оказывает негативное влияние на ресурсные возможности адаптации молодежи и процесс ее интеграции в постоянно меняющейся среде.

Способы, позволяющие относить людей к молодёжи, различаются в зависимости от критериев анализа. Возрастной фактор — один из существенных критериев выделения молодежи из основного населения. Чаще всего, нижняя возрастная граница молодёжи устанавливается между 14 и 16, верхняя — между 30 и 35 годами. По состоянию на конец 2016года доля молодежи в общем населении России составила 21,5%, т.е. 31,5 млн. человек. Возрастная структура молодёжи выглядит следующим образом: от 14 до17лет —17,1%; от 18до 22 года — 23,2%; от 23 до 27 лет — 35,1%: от 28 до 30 лет — 24,6%7. В некоторых исследованиях упоминаются слои молодежи: «поколение перестройки» (29–34 года) —14,8 млн., «поколение девяностых» (21—28 лет) — 16,8 млн. и «поколение нулевых» (17—20 лет) — 4,2 млн. Они резко отличаются друг от друга, потому что формировались в совершенно разных условиях — одни вошли в жизнь одновременно с независимой Россией, другие — с кризисом конца 1990-х годов, третьи — с «сытыми и спокойными» нулевыми⁸. Безусловно, стратегии адаптации этих групп молодежи не могут совпадать.

Приведем некоторые статистические данные, свидетельствующие о рисках нарушения процесса адаптации молодых людей в нашем обществе.

Тревожным сигналом дезадаптации среди молодежи является проблема безработицы. К концу 2016года в РФ насчитывалось 4243тыс. чел., не занятых в сфере экономики, но находящихся в активном поиске работы. Среднестатистический безработный находится в возрасте 35–36 лет. В структуре безработных по возрастным группам наибольшая доля приходится на молодежь: 20–24 и 25–29 лет (19,1 и 16,6%, соответственно). Более половины безработных — это лица со средним образованием, профессиональным и общим. На долю лиц со средним профессиональным образованием в 2016 году приходилось 40,4%, со средним общим — 29,8%. В процессе поиска работы более половины молодых людей обращаются к знакомым, родственникам и друзьям. К концу 2016 года их доля возросла с 57,5 до 68%. Как правило, наиболее высокие показатели безработицы регистрируются

в Северо-Кавказском Φ О. Вместе с тем, по состоянию на август 2017 года число безработных в стране снизилось на 15% по сравнению с прошлым годом, и составил 1% от численности экономически активного населения 1%.

Другая не менее тревожная статистика свидетельствует о том, что в России самоубийство занимает пятое место в ряду причин смерти. По уровню завершенных самоубийств, страна находится на втором месте после Литвы. Каждый двенадцатый подросток в возрасте 13—17лет предпринимает попытку самоубийства. Законченные суициды наиболее характерны для юношей, чем для девушек. Данный показатель среди них выше в три раза. Однако попытки самоубийства девушками предпринимаются в четыре раза чаще, чем юношами. В 2017 году было зафиксировано около 2300 тысяч самоубийств. По мнению экспертов, реальная цифра в два, а то и три раза больше. Основными причинами самоубийства среди подростков являются: проблемы в личной жизни (24,3), в отношениях с родителями (17,5%), неудачи в учебе и школьной жизни (14,9%), финансовые затруднения (10,8) и др.

В текущем году «Центр интернет-технологий» провел исследование «Хештеги групп смерти» в социальных проектах». Его результаты свидетельствуют о том, что предпринимаемые попытки социальных проектов уменьшить число подобных хештегов, не дают значительных результатов, и число игроков возрастает. В этом году найдены около 41 601 возможных участников «групп смерти»¹¹. Заметим, что с противоправными действиями, связанными с сотовой связью и интернет-сервисами сталкивались около 72% молодых людей¹².

Изложенные особенности адаптации молодежи в современных условиях социальных потрясений требуют глубокой научной рефлексии, переосмысления роли новых вызовов и рисков в этом процессе. Представляется, что решение этой актуальной проблемы наиболее целесообразно проводить с позиции междисциплинарного подхода.

Примечания

- 1. Социальное самочувствие россиян в 2017 г. ВЦИОМ. URL: https://pt.slideshare.net/wciom/2017-71144302 (дата доступа: 29.09.17).
- 2. Социальное самочувствие россиян: мониторинг. URL: https://wciom.ru/index.php?id =236&uid =116346 (дата доступа: 29.09.17).
- 3. *Мозговая А.В.* Социальные ресурсы и адаптация к риску: выбор стратегии (на примере социальной общности в ситуации конкретного риска) / А.В. Мозговая, Е.В. Шлыкова // Социологическая наука и социальная практика. 2014. № 4. С. 25–49.
- 4. *Вислова А.Д.* Вариативность понимания «адаптации» как научной категории//Вестник Владимирского госуниверситета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых. Серия: Педагогические и психологические науки». 2017. № 29 (48). С. 119.
 - 5. Столяренко Л.Д. Основы психологии. Ростов-на-Дону, 2010. С. 364.
 - 6. *Тоффлер* Э. Шок будущего. М., 2008. С. 370.
- 7. Статистика-Росмолодежь. URL: https://fadm.gov.ru/activity/statistic (дата доступа: 14.09.17).
- 8. Аналитика. URL: https://wciom.ru/index.php?id=238&uid=116286 (дата доступа: 18.09.17).
- 9. Безработица в России: динамика, характерные черты. URL: http://moneymakerfactory.ru/biznes-plan/bezrabotitsa-sovremennoy-rossii/URL:https://fadm.gov.ru/activity/statistic (дата доступа: 14.09.17).
- 10. Число безработных в России снизилось на 15%. URL: https://fadm.gov.ru/activity/statistic (дата доступа: 14.09.17).
- 11. Статистика суицида 2017. URL: https://aae.su/statistika-suitsida-2017-po-stranam. html. URL: https://fadm.gov.ru/activity/statistic (дата доступа: 14.09.17).
- 12. Безопасность в информационном обществе: вызовы нового века URL: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116024 (дата доступа: 09.06.17).

A.D. Vislova

SOME PROBLEMS OF SOCIAL ADAPTATION OF YOUTH IN THE CONDITIONS OF TRANSFORMATION OF THE MODERN SOCIETY

The article analyzes the problems of adaptation related to social change; the urgency of studying the peculiarities of social adaptation of youth; the conclusion about the prospects of an interdisciplinary approach to the study of the phenomenon.

Keywords: adaptation, social adaptation, youth, social environment, risk.

А.Н. Такова

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ СФЕРЫ МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В ДВУХСУБЪЕКТНЫХ РЕСПУБЛИКАХ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА (КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ И КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕСИИ)*

В статье рассматривается современное состояние сферы малого предпринимательства в двухсубъектных республиках Северного Кавказа (Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии). Затрагиваются вопросы взаимодействия бизнес-структур с органами государственной власти. Анализируются основные направления государственной политики в данной сфере. Выявляются факторы, сдерживающие развитие сферы малого предпринимательства.

Ключевые слова: малое предпринимательство, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, экономика, государственная политика, коррупция, «неформальный» бизнес

Малое предпринимательство — один из важнейших сегментов рыночной экономической системы. Его интенсивное развитие на современном этапе входит в число ключевых задач, без решения которой невозможно повышение экономического потенциала как страны в целом, так и ее субрегионов в частности. Для республик Северо-Кавказа, экономика которых отличается достаточно низкими базовыми показателями, ее решение особенно актуально. Во многом в связи с этим в «Стратегии социально-экономического развития Северо-Кавказского Федерального округа до 2025 г.» активизация процесса создания структур малого предпринимательства и увеличения их доли в экономике определяется в качестве одного из ключевых направлений развития региона¹. Предметом настоящего исследования является сфера малого предпринимательства в двухсубъектных республиках Северного Кавказа (Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии) на современном этапе.

Стоит оговорить, что современное состояние сферы малого предпринимательства в изучаемых субрегионах Северного Кавказа относится к числу научно слабоизученных тем. В связи с этим большая часть фактического материала, используемого в настоящем исследовании, почерпнуто из открытых официальных данных государственных структур, а также Интернет-источников. В силу отсутствия специальных научных работ, касаемых данной темы, многие проблемы, поднимаемые в статье носят преимущественно постановочный характер.

По состоянию на 1 января 2017 г. в Кабардино-Балкарии была зарегистрирована деятельность 23815 индивидуальных предпринимателей. Количество малых (включая микро) и средних предприятий составляло 5386 единиц². Число занятых в сфере малого и среднего предпринимательства по отношению к общему числу занятых в экономике составляло порядка 34,5%³. В свою очередь, в Карачаево-Черкесии по состоянию на 1 января 2017 г. осуществляли деятельность 12484 индивидуальных предпринимателей, 4665 малых (в том числе микро) и

^{*} Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Этнокультурные и этнополитические процессы на Северном Кавказе в период системной трансформации российского общества: особенности и основные тенденции» № 16-01-00126.

средних предприятий. Сфера малого предпринимательства поглощала 33,5 % занятых в экономике⁴.

Структурное распределение субъектов малого предпринимательства по сферам в обоих республиках выглядит следующим образом:

Структурное распределение субъектов малого предпринимательства КБР и КЧР по отраслям экономики (по состоянию на 1 января 2017 г.)⁵

Отрасль	КБР	КЧР
Сельское и лесное хозяйство, охота, рыболовство	14,6	7,3
Добыча полезных ископаемых	0,0	2,2
Обрабатывающие производства	15,4	12,2
Производство и распределение электроэнергии, газа, воды	0,0	2,2
Строительство	10,8	16,6
Оптовая и розничная торговля, бытовое обслуживание населения	28,4	30,5
Гостиницы и рестораны	3,7	4,4
Транспорт и связь	5,1	3,6
Финансовая деятельность	0,0	1,1
Операции с недвижимостью, аренда		14,1
Образование		0,0
Здравоохранение и социальные услуги		2,5
Коммунальные, социальные и персональные услуги	6,6	3,3
Итого	100,0	100,0

Таким образом, в отраслевом разрезе в структуре субъектов малого предпринимательства обоих республик превалирует непроизводственная сфера. Подобное положение связано прежде всего с низкими затратами на создание данных структур и высокой скоростью оборачиваемости капитала.

В Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии на протяжении последних лет со стороны органов государственной власти была проделана значительная работа по созданию благоприятных условий для развития структур, ведущих предпринимательскую деятельность. В комплексном виде их реализация осуществляется посредством выполнения целевых программ (как федеральных, так и республиканских), направленных на поддержку малого бизнеса. Так, в КЧР с 2014 г. действует подпрограмма «Поддержка и развитие малого и среднего предпринимательства в Карачаево-Черкесской Республике на 2014–2017 гг.», программы «Стимулирование экономического развития Карачаево-Черкесской Республики на 2014–2017 гг.». В КБР подпрограмма «Развитие и поддержка малого и среднего предпринимательства» в рамках республиканской программы «Экономическое развитие и инновационная экономика» на 2014–2020 гг.».

На сегодняшний день в обоих республиках создана разветвленная сеть бизнес-инкубаторов — офисно-производственных помещений, предназначенных для субъектов малого предпринимательства. По состоянию на 1 января 2017 г. в КБР действует 5 офисно-производственных бизнес-инкубаторов и 1 агропромышленный бизнес-инкубатор с учебным полигоном, в КЧР — 4 офисно-производственных бизнес-инкубаторов. Однако, реальный вклад данных структур в дело поддержки субъектов малого предпринимательства изучаемых субрегионов пока довольно скромный. Так, в КБР, по словам председателя Комиссии по развитию реального сектора экономики, предпринимательству и ЖКХ при Общественной палате КБР В. Павленко «...возможности имеющихся в республике бизнес-инкубаторов используются недостаточно эффективно...Так, например, в бизнес-инкубаторе, расположенном в Нальчике, пустуют 45 % офисно-производственных площадей; по 36 % — в городских округах Баксан и Прохладный, 50% — в Зольском бизнес-инкубаторе, 81 % — в бизнес-инкубаторе Баксанского района» 6. Аналогичная ситуация и в КЧР, где, по словам Уполномоченного по

защите прав предпринимателей С. Рощенко, «...бизнес-инкубаторы в Малокарачаевском, Урупском и Адыге-Хабльском муниципальных районах существуют только на бумаге»⁷.

В обоих субрегионах действуют специальные структуры при органах государственной власти, курирующие сферу малого предпринимательства. Так, на сегодняшний день в КБР при Главе республики действует Совет по инвестициям и предпринимательству, в рамках Парламента – Комитет по экономике, инвестициям и предпринимательству, в рамках Министерства экономического развития — Департамент поддержки малого и среднего предпринимательства и конкуренции, при Общественной палате – Комиссия по развитию реального сектора экономики, предпринимательству и ЖКХ. В КЧР при Министерстве экономического развития действует отдел развития и государственной поддержки предпринимательства, при Народном собрании – Комитет по экономической политике, бюджету, финансам, налогам и предпринимательству, при Общественной палате - Комиссия по вопросам экономического развития и поддержки предпринимательства. В каждом районе обоих республик функционируют муниципальные фонды поддержки малого предпринимательства. В 2017 г. в КЧР началось создание Центра поддержки предпринимательства, работа которого должна способствовать улучшению условий для развития предпринимательства в республике, увеличению количества субъектов малого предпринимательства и доли производимых ими товаров (работ, услуг) в объеме внутреннего регионального продукта, обеспечению занятости населения и самозанятости⁸.

Также в обоих субрегионах функционирует ряд общественных организаций, деятельность которых направленна на поддержку и защиту прав предпринимателей. Это региональные отделения общественных организаций «Опора России», «Деловая Россия», «Ассоциации женщин-предпринимателей России», Союза промышленников и предпринимателей и др. Для поддержания эффективных контактов между субъектами малого бизнеса и органами государственной власти в обоих субрегионах функционируют аппараты Уполномоченного по защите прав предпринимателей. Однако, стоит отметить, что все перечисленные выше государственные и общественные структуры выполняют преимущественно экспертно-наблюдательные, реже информационно-консультативные функции и не оказывают сколько-нибудь существенного воздействия на развитие курируемой сферы. Целенаправленная работа по развитию сферы малого бизнеса, увеличения доли ее вклада в экономику субрегионов не входит в круг прямых задач ни одной из них. Так, по словам руководителя регионального отделения «Опоры России» в КЧР А. Пилярова «...сейчас нет ни одной структуры в республике, которая при государственной поддержке вплотную занималась бы развитием предпринимательства»⁹.

Значительное внимание власти изучаемых субрегионов на сегодняшний день уделяют системе информирования субъектов малого бизнеса о реализуемых в их отношении мерах государственной поддержки. На официальных сайтах профильных министерств размещается разнообразная актуальная информация о проводимых конкурсах, грантах, изменениях в законодательстве и т.п. Однако, несмотря на наличие широкого спектра направлений поддержки малого предпринимательства со стороны государственных структур, порядок и алгоритм их оказания на сегодняшний день не является открытым и прозрачным. Например, действующие в обоих субрегионах нормативно-правовые акты, касающиеся распределения субсидий и грантов, не содержат конкретных критериев оценки заявок, что формирует потенциально широкий диапазон для разного рода действий со стороны распределяющих и оценивающих органов, которые могут содержать коррупционную составляющую.

В изучаемых субрегионах достаточно весомое сдерживающее влияние на развитие рассматриваемой сферы оказывает ряд факторов. Одним из главных

является недоступность кредитных ресурсов, что актуализирует проблему недостаточности стартового капитала для создания бизнес-структур. Наличием этой проблемы во много объясняется выраженный крен в структуре малого бизнеса изучаемых субрегионов в сторону наиболее быстроокупаемых сфер – торговля, общественное питание, мелкое бытовое обслуживание населения и т.п. Стоит отметить, что в обоих субрегионах для нивелирования этого отрицательного фактора со стороны органов государственной власти в последние годы была проделана определенная работа. Главным ее результатом стало учреждение «Фондов микрокредитования субъектов малого и среднего предпринимательства» и «Гарантийных фондов», целью которых является помощь в получении кредитов, в случаях, когда у субъектов малого бизнеса не хватает для этого залогового имущества. Однако, реальный вклад данных структур в развитие изучаемой сферы пока довольно скромен. Так, например, за весь 2016 г. «Гарантийный фонд КБР», выдал лишь 12 поручительств, а «Фонд микрокредитования субъектов малого и среднего предпринимательства» – только 21 микрозайм¹⁰. В КЧР с 2016 г. в качестве дополнительной меры поддержки субъектов малого бизнеса стартовала программа «Регионоустойчивое развитие». В данной программе участвует ряд банков, которые предоставляют кредиты субъектам малого предпринимательства на конкурсной основе. Выгодным условием программы является то, что в зависимости от бизнес-плана предприниматели могут обратиться за отсрочкой по кредитному платежу в первые месяцы. Правда, за весь 2016 г. участниками программы стали лишь два субъекта малого предпринимательства Карачаево-Черкесии 11.

Ограниченный доступ к кредитным ресурсам, с точки зрения руководства банковской сферы, обусловлен, главным образом, высоким риском невозврата кредитных средств. Так, по словам президента Ассоциации банков и страховщиков КБР Б. Эндреева «...удовлетворение запроса на кредитование получают лишь 30% заявителей» 12. Также по его словам «...на сегодняшний день реальный сектор экономики республики настолько закредитован, что не в состоянии обслуживать новые кредиты, а качество заемщиков... находится на недостаточном уровне для более активного роста их кредитования. Принцип осмотрительности при предоставлении кредитов усугубляет этот дисбаланс, ограничивает рост кредитования» 13.

Другим важным фактором, сдерживающим развитие сферы малого предпринимательства в изучаемых субрегионах, является отсутствие строгого законодательно закрепленного порядка, регламентирующего количество проверок контролирующих органов. Данная проблема является болевой точкой сферы малого предпринимательства в масштабах всей страны. Так, по словам Уполномоченного по защите прав предпринимателей в КЧР С. Рощенко количество проверок надзорных органов в отношении субъектов малого бизнеса «...никак не урегулировано, что дает широкие полномочия ...назначать проверку любому хозяйствующему субъекту любое количество раз в течение года»¹⁴.

Еще одним сдерживающим фактором, тормозящим развитие малого предпринимательства в изучаемых субрегионах, является высокая степень коррумпированности данной сферы, проявляющаяся, главным образом, во взаимоотношениях между субъектами малого бизнеса и чиновниками надзорно-контролирующих органов. Основными проявлениями коррупции является «...ускорение рассмотрения документов, оставление без внимания выявленных нарушений, обеспечение победы в тендерах и конкурсах, содействие в конкурентной борьбе и т.п.»¹⁵. Стоит отметить, что при этом нередко предприниматели видят в коррупции даже определенную пользу, так как с ее помощью возможно обойти многочисленные «неудобные» для ведения бизнеса формальности. Чаще всего она воспринимается как одна из составляющих вынужденных затрат, необходимых для эффективного ведения бизнеса.

Характеристика современного состояния сферы малого предпринимательства Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии не была бы полной без упоминания о так называемом «неформальном» бизнесе. Под данным термином понимается деятельность разного рода микрокомпаний и индивидуальных предпринимателей, ведущих свой бизнес без официальной регистрации, преимущественно собственными силами или силами членов семьи, иногда с привлечением наемных работников. Изучение феномена «неформального» бизнеса пока не стало предметом специального исследования. Однако, судя по некоторым данным, его объем, например в КЧР, составляет от 40 % до 2/3 от общего числа легально действующих субъектов малого бизнеса с «Неформальный» бизнес распространен преимущественно в сфере оптовой и розничной торговли, оказании мелких бытовых услуг населению, сельском хозяйстве. При этом, как правило, это «…стабильный и растущий бизнес» 17.

Феномен «неформального» бизнеса влечет за собой прочие сопутствующие явления, характерные для обоих республик — широкое распространение «скрытой» занятости, высокая востребованность труда нелегальных мигрантов (особенно в сфере сельского хозяйства), неучтенность налогов и др., без изучения которых вряд ли возможно дать объективную оценку экономической ситуации в изучаемых субрегионах в целом. Он также свидетельствует с одной стороны об отсутствии в рассматриваемых республиках Северного Кавказа комфортных условий для ведения легального бизнеса а, с другой, о выгодности ведения неофициальной предпринимательской деятельности ввиду того, что подобный ее формат позволяет нивелировать все отрицательные издержки ведения зарегистрированной предпринимательской деятельности — многочисленные неупорядоченные проверки контролирующих органов, обязанности по уплате налогов, сложности в получении документов и т.д.

Таким образом, на современном этапе сфера малого предпринимательства в двухсубъектных республиках Северного Кавказа (Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии) развивается довольно сдержанно. Ярко выражен крен в сторону наиболее быстро окупаемых отраслей (торговля, общественное питание, мелкое бытовое обслуживание населения). Меры государственной поддержки изучаемой сферы, реализуемые в последние годы, имели в целом половинчатый характер, не изменив ее сути. В экономике субрегионов устойчиво присутствует ряд факторов, оказывающих сдерживающее влияние на развитие малого предпринимательства — недоступность кредитных ресурсов и неупорядоченность действий надзорно-контролирующих органов, широкое распространение коррупции и так называемого «неформального» бизнеса. В целом, на сегодняшний день сфера малого предпринимательства Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии не стала динамично развивающимся сегментом экономической системы несмотря на объективно существующих комплекс благоприятных условий для этого.

Примечания

- 1. Стратегия социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа до 2025 г. // Электронный ресурс: www.rb.ru/ inform/148307.html (дата обращения: 17.10.2017).
- 2. В КБР сосчитаны малые и средние предприниматели // Электронный ресурс: www. kbrria.ru>ekonomika/v-kbr-soschitany...i-srednie... (дата обращения: 11.10.2017).
- 3. Официальный сайт Главы и Правительства Кабардино-Балкарской республики. Экономика. Малое и среднее предпринимательство // Электронный ресурс: www. pravitelstvo.kbr.ru (дата обращения: 01.11.2017).
- 4. Ежегодный доклад Уполномоченного по защите прав предпринимателей в Карача-ево-Черкесской Республике за 2016 г. // Электронный ресурс: www. parlament09.ru>sites... pdf (дата обращения: 08.11.2017).

- 5. Таблица составлена на основе данных сборника Малое и среднее предпринимательство в России // Федеральная служба государственной статистики // Электронный ресурс: www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc 1139841601359 (дата обращения: 09.11.2017).
- 6. Состояние, меры поддержки и проблемы малого и среднего предпринимательства в Кабардино-Балкарии // Электронный ресурс:www.oprf.ru> 2445/newsitem/41157 (дата обращения: 09.11.2017).
- 7. Ежегодный доклад Уполномоченного по защите прав предпринимателей в Карачаево-Черкесской Республике за 2016 г. // Электронный ресурс: www.parlament09.ru>sites... pdf (дата обращения: 08.11.2017).
- 8. Официальный сайт Главы и Правительства Карачаево-Черкесской республики. Экономика. Малое и среднее предпринимательство // Электронный ресурс: www. kchr. ru›left menu/social sphere/religion/ (дата обращения: 01.11.2017).
- 9. В КЧР отсутствует взаимодействие между властью и бизнесом // Электронный ресурс: www. politika09.com>vlast-i-obshhestvo/v-kchr...biznesom/ (дата обращения: 18.11.2017).
- 10. Состояние, меры поддержки и проблемы малого и среднего предпринимательства в Кабардино-Балкарии // Электронный ресурс: www.oprf.ru>2445/newsitem/41157 (дата обращения: 09.11.2017).
- 11. Эффективные инструменты поддержки малого и среднего бизнеса введены в КЧР // Электронный ресурс: www.riaKCHR.ru>effektivnyie-instrumentyi...malogo...kchr/ (дата обращения: 19.11.2017).
- 12. Состояние, меры поддержки и проблемы малого и среднего предпринимательства в Кабардино-Балкарии // Электронный ресурс: www.oprf.ru>2445/newsitem/41157 (дата обращения: 09.11.2017).
 - 13. Там же.
- 14. Ежегодный доклад Уполномоченного по защите прав предпринимателей в Карачаево-Черкесской Республике за 2016 г. // Электронный ресурс: www.parlament09.ru/sites... pdf (дата обращения: 08.11.2017).
- 15. Иванова А.А. Коррупция в сфере российского предпринимательства // Актуальные проблемы экономики и права. 2013. № 3. С. 205.
- 16. Изучение и анализ факторов деловой среды, сдерживающих создание и развитие малых предприятий в СКФО (в рамках проекта поддержки микрофинансирования на Северном Кавказе). М.: Российский Микрофинансовый центр, 2012. С. 27.
 - 17. Там же.

A.N. Takova

THE CURRENT STATE OF THE SPHERE OF SMALL BUSINESS IN THE TWO-SUBJECT REPUBLICS OF THE NORTH CAUCASUS (KABARDINO-BALKARIA AND KARACHAY-CHERKESSIA)

In article the current state of the sphere of small business in the two-subject republics of the North Caucasus is considered (Kabardino-Balkaria and Karachay-Cherkessia). The questions of interaction of business structures with public authorities are raised. The main directions of state policy in this sphere are analyzed. The factors constraining development of the sphere of small business come to light.

Keywords: small business, economy, state policy, corruption, «informal» business.

Р.Х. Кочесоков

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ РЕИНТЕГРАЦИИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В РОССИЙСКОЕ СОЦИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО

В статье доказывается, что в настоящее время в России сложились некоторые объективные обстоятельства, которые могут благоприятствовать выработке оптимальной модели реинтеграции российского общества. Дается краткая характеристика этих обстоятельств, выявлены условия реализации новой модели, подчеркивается особая роль идеологии в реинтеграционном процессе.

Ключевые слова: реинтеграция, российское социальное пространство, модель интеграции, российская идентичность, идеология.

Северный Кавказ уже несколько веков как интегрирован в российское социальное пространство. Однако социальные процессы динамичны, раз и навсегда интегрированных обществ не бывает, на каждом историческом этапе развития общества появляются вызовы, ставящие под угрозу существующее единство. В этом смысле проблема реинтеграции Северного Кавказа в Россию встает отнюдь не впервые. Прежде чем перейти к анализу современной ситуации, правомерно совершить небольшой исторический экскурс.

Многовековое дружное сосуществование народов России доказывает, что в различные исторические эпохи вырабатывались достаточно эффективные и соответствующие духу времени модели интеграции Северного Кавказа в российское социальное пространство.

Первую модель можно условно обозначить как «царскую модель» интеграции Северного Кавказа в российское социальное пространство. Геополитические тренды исторического процесса в Новое время детерминировали попытки великих держав распространить свое влияние на Северный Кавказ. В сложившихся условиях народам Северного Кавказа пришлось сделать «исторический выбор». Выбор делался в пользу более эффективного и оптимального для выживания и развития народов Северного Кавказа варианта. Конечно, этот выбор дался нелегко, однако постфактум можно констатировать, что он был исторически правильным. В «царской модели» преобладала военно-политическая интеграция. Иными словами, стороны объединяли главным образом интересы военно-политического характера. Россия была заинтересована в расширении своего геополитического пространства, а народы Северного Кавказа – в защите своей самобытности. Не случайно некоторые историки определяют такой тип отношений как военно-политический союз1. Хотя экономические и культурные отношения развивались, говорить о глубокой интеграции народов Северного Кавказа по этим направлениям в российское социальное пространство нельзя. Поэтому крушение царского самодержавия вновь актуализировала проблему интеграции.

В этих условиях наиболее оптимальной стала «советская модель» интеграции. Несмотря на противоречивые и болезненные процессы, советская модель в гораздо большей степени интегрировала народы Северного Кавказа в российское социальное пространство. Несомненными преимуществами советской модели перед царской являются всесторонность и глубина раинтеграционных процессов. Они коснулись всех сфер социальной жизни. В идеологической сфере важным фактором реинтеграции стало выдвижение привлекательной для всех сторон идеологии — строительство более справедливого коммунистического общества. Экономическая интеграция заключалась в создании на местах отраслей экономики и их включение в единый народно-хозяйственный комплекс. Культурная интеграция основывалась на лозунге «культура национальная по форме, социалистическая по содержанию». Политическая интеграция основывалась на предоставлении народам Северного Кавказа собственной государственности, ставшей составной частью единого советского государства. Принцип федерализма, хотя во многом и был декоративным, несомненно, стал эффективной формой политического объединения. Наиболее уязвимыми аспектами советской модели были политический режим, все более сковывавший регионы, и идеология, которая по мере ее «не реализации» все больше теряла свой интегративный потенциал. Крушение СССР потребовало пересмотреть формы и механизмы интеграции.

Говорить о том, что «постсоветская модель» реинтеграции сложилась, пока явно преждевременно. В ее становлении можно выделить два этапа, которые кардинально различаются по своему вектору развития.

На первом этапе (первое постсоветское десятилетие) российские политические элиты, увлеченные наивно понимаемым либерализмом, опирались на положение о том, что «рынок все расставить по своим местам». Считалось, что экономические интересы сами по себе объединят народы. Одновременно предполагалось через новую децентрализацию прийти к новому типу объединения (так называемый «парад суверенитетов»). Следует заметить, что предложенные идеи сами по себе были позитивными, но они фундировались на упрощенном, наивнорелистическом видении сложных процессов развития социального бытия. В любом случае, стремясь преодолеть наиболее негативные стороны советской модели – идеологическую диктатуру и авторитарный тип отношений между центром и регионами – политическая элита на самом деле ослабила единство².

На втором этапе (с начала нулевых) обозначился постепенный отход от прежних видений проблемы реинтеграции. Наряду с субъективным фактором в лице нового политического руководства, немаловажное значение имели и некоторые объективные обстоятельства, благоприятствовавшие этим изменениям. В этом плане можно отметить, что они могут способствовать выработке и становлению новой модели интеграции.

Следует признать, что в позднесоветские и первые постсоветские годы не только политическая элита, но и большинство населения были ориентированы на наивно понимаемую модель либерализма. Поэтому многие искренне ратовали за скорейший переход на западную модель общества. В этих условиях разработка какой-то новой модели общества считалось чем-то излишним и даже бессмысленным. Теория «конца истории» прямо или опосредованно повлияла на общественное сознание: мол, зачем создавать новую идеологию, когда и так понятно, какая идеология является наиболее оптимальной.

Позитивным следствием динамики общественного сознания россиян в последние десятилетия можно признать понимание того обстоятельства, что либеральная (западная) модель отнюдь не оптимальная для нас и далеко не такая совершенная, как казалось раньше. Можно сказать, что общество «прозрело» и стало более трезво смотреть на социальную реальность. Но вместе с тем обозначилась и вызывающие определенную тревогу и озабоченность тенденции. В общественном сознании начинает происходить крен в противоположном направлении. Об этом говорить то обстоятельство, что слишком большое внимание стало уделяться проблеме самобытности нашего общества, российской цивилизации. А на уровне региона — самобытности Северного Кавказа. Проблема эта диалектическая, противоречивая. С одной стороны, в подчеркивании своей самобытности

ничего предосудительного нет. Более того, оно необходимо, чтобы подчеркнуть, что механический перенос чужих социальных порядков, какими бы хорошими они ни были, недопустим и не эффективен. Но уяснение своей самобытности является всего лишь предварительным условием выработки оптимальной модели социального развития. Если же общество зацикливается на своей самобытности, она превращается в самоцель, и это не только не позволяет решить назревшие проблемы, но и усугубляет ситуацию.

В первые постсоветские годы большая часть общества (как руководства, так и народа), можно сказать, не готова была признать и принять факт «окончательного» распада СССР, думая, что происходящие процессы — это своеобразные «болезни роста». Многие, если не большинство, видимо, все же верили, что после определенных шараханий республики бывшего СССР в той или иной форме вновь воссоединятся. Сейчас эти иллюзии улетучились, и для большинства стало очевидным, что нам надо самоопределиться. Не случайно поэтому вновь актуализировался вопрос о том, кто такие россияне, т.е. проблема российской идентичности. Эта проблема активно дискутировалась и в 1990-е гг. Но тогда становление российской нации рассматривалась через призму формирования гражданской нации³. Однако сейчас стало очевидно, что «российское гражданство» и «российская идентичность» отнюдь не одно и то же, и что формирование российской идентичности — сложный, многоаспектный и длительный процесс⁴.

На первом этапе преобладала ошибочная точка зрения относительно роли идеологии в жизни общества. В частности, подчеркивалось, что, мол, заранее нельзя создавать абстрактную идеологию и навязать ее обществу, что новая идеология должна сама постепенно вызреваться в недрах общества. Хотя ошибочность этой точки зрения специалистам и тогда было ясно, но сейчас это очевидно уже практически для всех. Но, правда, и к этому вопросу надо подходить диалектически. Если речь идет о том, что невозможно обществу навязать какую угодно идеологию, то это, конечно же, верно. Но если идеологию понимать как набор ключевых принципов и ценностей устройства общества, которые предлагаются как некий ориентир, то она обязательно нужна. Более того, такая идеология обязательно должна наличествовать. В этом смысле идеология не вторична, а, напротив, первична. И К. Маркс совершенно справедливо подчеркивал, что теория становится материальной силой, если она овладевает массами⁵.

Представляется, что реинтеграция в России должна начинаться с идеологического пространства⁶. Иными словами, сначала нам необходимо предложить хотя бы в общих чертах новую идеологическую доктрину. Конечно же, она не может начинаться с «чистого листа». В идеологической доктрине важно не допускать разрыва времен. Опора на прошлое есть важное, необходимое условие дальнейшего развития, однако единство должно быть и по отношению к настоящему, и по отношению к будущему. В этой цепочке времен первоначально наименее значимо настоящее. Настоящее это место пересечения прошлого и будущего. Настоящее всегда оценивается через призму прошлого и будущего. Человек гордится таким настоящим, которое превосходит прошлое и одновременно содержит основу для лучшего будущего. Значение настоящего в большей степени как раз заключается в том, чтобы связать прошлое и будущее. В этом плане можно отметить опыт советской эпохи. Первоначально, как известно, в настоящем в разрушенной гражданской войной стране нечем было особенно гордиться. Однако идеология, направленная на будущее, сумела, что бы сейчас ни говорили, сплотить различные народы. Сначала люди больше жили будущим, чем прошлым и настоящим. Впоследствии хватило здравого смысла вернуть прошлое, т.е. опереться на достижения и ценности прошлого, которые могли бы способствовать консолидации общества. Вовремя подоспели и определенные достижения и настоящего, которые уже стали прошлым и своеобразным фундаментом единства. Но и негативный опыт

советской модели очевиден – если настоящее становится серым, а будущее не становится настоящим, то социальное время как бы приостанавливается, застывает.

В этом плане встает вопрос о том, можно ли связать прошлое, настоящее и будущее России, и как это сделать. К позитивным достижениям последних лет можно отнести «реабилитацию» прошлого. Если для первых постсоветских лет было характерно полное отрицание всего советского прошлого, то сейчас возобладал здравый смысл, происходит новая «переоценка ценностей», в которой заметное место занимают ценности из советского прошлого. Вместе с тем можно заметить, что это скорее эклектичное соединение ценностей различных эпох, нежели логически выстроенная, продуманная и обоснованная система.

В настоящем в нынешней России тоже мало что может стать базой для консолидации, кроме как проблемы восстановления порядка, борьба с экстремизмом, и т.п. Но еще раз можно подчеркнуть, что настоящее важно не само по себе, а как «мостик» в будущее. Поэтому отсутствие в нашем настоящем крупных достижений хотя и плохо, но, как говорится, не смертельно. Важнее обозначение ориентиров и ценностей, способных консолидировать общество. А это и есть суть идеологии. Только идеология, гармонично связывающая различные времена жизнеспособна. Такой идеологией может стать только идеология, опирающаяся на наши достижения, и ставящая целью построения более справедливого общества. Подробное описание такой идеологии не входит в нашу задачу, поэтому не будем вникать в детали. Тем не менее, целесообразно обозначить круг проблем, которые должны быть освещены в такой идеологической доктрине.

Одна из ключевых идей, которая во все времена сплачивала людей, это идея создание социально справедливого общества. Заметный рост ностальгии по советским временам убедительно показывает, что нынешняя социальная система многими россиянами, если не большинством, рассматривается как менее справедливая, чем советская. Понять людей не трудно. За истекший период социальная поляризация в нашей стране достигла беспрецедентных масштабов: с каждым годом увеличивается количество миллиардеров, а дистанция между сверхбогатым меньшинством и беднеющим большинством становится все больше. Еще хуже обстоит дело с региональным измерением социальной поляризации. В таких условиях ни о какой консолидации, интеграции общества не может быть и речи.

Представляется, что отсутствие каких-либо позитивных сдвигов в этом направлении в нашей стране в значительной мере вызывается ошибочной интерпретацией сущности социальной справедливости. Необходимо различать два измерения социальной справедливости⁷. Первое измерение — это способ распределения социальных благ, а второе — соотношение количества получаемых различными социальными группами и индивидами социальных благ. Поскольку в советское время господствовало понимание социальной справедливости как справедливого распределения социальных благ, что неизбежно вело к социальной уравниловке, постольку возврат к ней рассматривается как «большее зло», чем нынешняя социальная поляризация. Поэтому вопрос ставится некорректно: либо уравниловка, либо поляризация. А неприятие российским обществом такой постановки вопроса объясняется его отсталостью, традиционалистским менталитетом, склонностью к уравниловке и т.п. С этим никак нельзя согласиться. На самом деле людей отвращает способ распределения социальных благ.

Конечно, нельзя сказать, что уже имеются готовые социально-философские теории, которые можно было бы взять за основу. Но есть и такие теории, которые могли бы быть эффективно использованы. В частности, теория справедливости Дж. Роулза⁸. Теория Роулза опирается на два основных принципа: принцип равных свобод и принцип дифференциации. Неравенство, по его мнению, оправданно только в том случае, если оно способствует социальному развитию. Причем, согласно первому принципу – принципу равенства свобод – существуют

так называемые первичные блага (свобода, благосостояние, и т.п.), которых никто не может быть лишен ни по каким причинам. А второй принцип — принцип дифференциации — гласит, что неравенство в остальном допустимо только в том случае, если оно выгодно и для наименее преуспевающих. Иначе говоря, каждый человек может преуспевать сколько угодно, но при этом его успешная деятельность должна одновременно способствовать улучшению жизни и остальных. Не трудно предположить, что социальная система, в которой применялись бы подобные принципы, была бы гораздо более привлекательной, чем нынешняя.

Социальная справедливость предполагает достаточно высокого уровня материального благосостояния общества, следовательно, наличия эффективной экономической системы. Вместе с тем нельзя игнорировать то обстоятельство, что эффективность отнюдь не является единственным и даже самым главным измерением экономической системы. Конечно, неэффективная экономическая система неизбежно подорвет единство общества. Однако и эффективная экономическая система вовсе не детерминирует единства общества. Экономика является инструментом, а не самоцелью. Поэтому экономическая система должна способствовать интеграции общества.

Чрезвычайно сложной в поликультурном обществе является проблема культурной интеграции. Советский принцип «культура национальная по форме, социалистическая по содержанию» в свое время позволил найти некоторые точки соприкосновения. В рассматриваемом плане нас интересует то обстоятельство, что он как раз предполагал в определенной мере оптимальное сочетание культурных достижений различных эпох (в вертикальном измерении) и различных народов (в горизонтальном измерении). Прежде всего, этот принцип отнюдь не требовал полностью отречься от своего культурного прошлого (конечно, если не считать первые годы советской власти). Он, конечно, основывался на выборочном подходе к культурным ценностям прошлого. При этом, к сожалению, под влиянием примитивно понятого классового, идеологического подхода были допущены грубейшие ошибки, нанесен большой вред культурному достоянию. Но никакие перекосы и трагические по своим последствиям ошибки не снимают вопроса о выборочном подходе к культурному достоянию. Ведь всем прекрасно известно, что далеко не все культурные ценности и традиции способствуют социальному развитию. Для социального развития обществу, как политическому руководству, так и населению необходимо решить вопрос о том, на какие культурные ценности оно должно опираться. Уклоняться от решения этого вопроса ничем не лучше, чем совершать ошибки в выборе. Складывается впечатление, что сейчас в нашей стране в целом и в регионах в частности возрождение любых традиций стало чуть ли не самоцелью. Такая политика зачастую вместо развития приводит к архаизации социальных отношений. По крайней мере, на Северном Кавказе это очевидно.

Кроме того этот принцип предполагал через развитие национальных культур прийти к их сближению. Обратим внимание на то обстоятельство, что исходным является развитие национальных культур. На примере Северного Кавказа можно однозначно сказать о больших достижениях в национальных культурах в советский период. Государство проводило политику стимулирования развития национальных культур. Тем самым создавалось единое культурное пространство. Сейчас специалисты справедливо отмечают, что если бы в постсоветский период жили и творили бы Р. Гамзатов, К.Кулиев, Д. Кугультинов и А. Кешоков, о них в России, вероятно, никто не знал бы⁹.

Важнейшую роль в реинтеграционном процессе играет сфера образования. В первые постсоветские годы широкое распространение получила парадигма образования как процесса предоставления услуг. Сейчас стало очевидно, что роль образования вовсе не может сводиться к простой трансляции научных знаний. Именно в образовательном процессе закладываются духовные ценности, объединяющие людей. Если образовательное пространство разрывается, разрушается и

духовное единство. Это касается не только школьного образования, но системы высшего образования.

Немаловажную роль в этом плане играют науки, особенно социально-гуманитарные. Сейчас государство как бы забыло, что наука это не только вид познавательной деятельности, дающий новые и полезные знания, но и социальный институт, и сфера культуры. Иными словами, наука оказывает большое влияние и на развитие культуры, и на социальную консолидацию. Однако это не может быть стихийным процессом.

И здесь уместно еще раз вернуться к опыту советской модели. Разберем это на примере исторической науки, играющей особенно важную роль в формировании исторического сознания. Как известно, советская модель стимулировала развитие региональных исследований в области истории. При этом региональные истории должны были быть вписаны в общенациональную историю. Конечно, это имело множество негативных следствий. К примеру, имеющие неоднозначную оценку события трактовались однозначно, односторонне. А другие события, которые не вписывались в общую схему, просто замалчивались. Но эти перекосы отнюдь не суть доказательство ошибочности этой стратегии. Консолидация невозможна без координации усилий. Конечно, координацию нельзя подменивать диктатом, как это было раньше.

В постсоветское время диктат ушел в небытие, но и координацией никто не занимается. В результате «историки на местах замкнулись в «этнических квартирах», отдавшись без оглядки изучению истории «своих» народов, а в итоге оказавшись в зоне конфронтации с ближайшими соседями и в новом плену мелкотемья исторических исследований» 10. Реальностью научной жизни региона стали «вульгарная политизация и безудержная идеологизация сферы исторического знания, откровенное манипуляторство историко-политическими стереотипами массового сознания, прямое и широкое включение историков в политическую борьбу» 11. Тем самым влияние региональной истории на общественное сознание становится если не негативным, то неоднозначным.

Опять же заметим, что это следствие поверхностно понятого либерального подхода к данной проблеме. В частности, предполагается, что гражданское общество в лице ученых без диктата государства само должно прийти к определенному консенсусу по этим вопросам. Это верно в том смысле, что гражданское общество, в данном случае, ученые должны быть более активными. Конечно, и учеными немало делается для этого¹². Но это не снимает необходимость государственных координаций подобных усилий.

Таким образом, можно констатировать, что в настоящее время в нашей стране сложились определенные объективные обстоятельства, которые могут благоприятствовать реинтеграции российского общества. Однако для этого необходимы политическая воля, с одной стороны, и идеология, в которой однозначно и привлекательно изложены основные направления и цели реинтеграции.

Примечания

- 1. Дзамихов К.Ф. Адыги и Россия: формы исторического взаимодействия. М., 2000.
- 2. *Тхагапсоев Х.Г.*, *Черноус В.В.* Реинтеграция постсоветской России: преграды и пути преодоления // Научная мысль Кавказа. 2013. № 4. С. 9.
- 3. *Тишков В.А.* Что есть Россия и российский народ // Pro et Contra. 2007. Май—июнь. С. 21-41.
- 4. *Авксентьев В.А., Аксюмов Б.В.* Россияне: от гражданской к цивилизационной идентичности // Научная мысль Кавказа. 2013. № 4. С. 31–37.
- 5. *Маркс К*. К критике гегелевской философии права. Введение // *Маркс К., Энгельс Ф*. Соч. Т. 1. С. 422.

- 6. Волков Ю.Г., Кочесоков Р.Х. Реинтеграция России как методологическая проблема // Научная мысль Кавказа. 2013. № 4. С. 17–21.
 - 7. Кочесоков Р.Х. Пределы демократии. Нальчик: Кааб.-Балк. ун-т, 2007. С. 207-215.
 - 8. Rawles J. Theory of Justice. London: Oxford University Press, 1971.
- 9. *Тхагапсоев Х.Г.*, *Черноус В.В.* Реинтеграция постсоветской России: преграды и пути преодоления // Научная мысль Кавказа. 2013. № 4. С. 10.
- 10. *Кузьминов П.А., Кумыков А.М., Дзамихов К.Ф.* Региональная историография в системе вузовской науки // Высшее образование в России. 2013. № 6. С. 77.
- 11. *Боров А.Х.* Историческая наука Кабардино-Балкарии: к постановке теоретикометодологических проблем // Вестник КБГУ. Сер. «Гуманитарные науки». Вып. 2. 1996. С. 83.
- 12. *Кузьминов П.А.*, *Кумыков А.М.*, *Дзамихов К.Ф*. Региональная историография в системе вузовской науки // Высшее образование в России. 2013. № 6. С. 76–81.

R.Kh. Kochesokov

ON THE FEATURES OF MODERN REINTEGRATION OF NORTHERN CAUCASUS INTO THE RUSSIAN SOCIAL SPACE

This article argues that in the Russia now there are some objective circumstances, which favor the development of optimal model of reintegration of Russian society. These circumstances are briefly characterized, conditions for the implementation of new model are revealed, the special role of ideology is underlined.

Keywords: reintegration, Russian social space, model of integration, Russian identity, ideology.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 811.352.3

Р.Х. Дзуганова

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АДИТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ В АДЫГСКИХ ЯЗЫКАХ

В статье анализируются словообразовательные модели в адыгских языках, строящиеся посредством аффикса -nI, при этом указывается на взаимообусловленность лексических и грамматических факторов при передаче смыслового содержания производных основ. Демонстрируется своеобразие словоизменительной парадигмы адитивных глаголов, прослеживается история формирования исследуемого аффикса.

Ключевые слова: адыгские языки, словообразовательная модель, адитивные глаголы, локальный преверб, направительный суффикс, сложные модели.

Изучение словообразовательных моделей глаголов в адыгских языках не теряет своей актуальности в связи с самой особенностью глагольной системы, обусловленной исключительной сложностью ее структуры и высокой степенью полисинтетизма. В предыдущих исследованиях были рассмотрены словообразовательные модели глаголов кабардино-черкесского языка с различными направительными суффиксами¹, установлены особенности словоизменительной парадигмы сложных глаголов, содержащих направительный суффикс $-\kappa I^2$.

Цель настоящей статьи — проанализировать адыгские словообразовательные модели с аффиксом -nI для уточнения их сочетаемостных особенностей и выполняемых функций.

Адитивные словообразовательные модели, строящиеся посредством направительного суффикса $-\pi I$, выражают действия, происходящие «вплотную к чему-л., вблизи, около кого-чего-л.». Такую семантическую направленность суффиксальная морфема $-\pi I$ сохраняет в переходных и непереходных глаголах. С помощью указанного суффикса образуются исключительно динамические глаголы, остающиеся связанными с косвенным объектом, показателем которого является префикс $(\tilde{u} \circ -)e$ -. Таким образом, включение аффикса $-\pi I$ в состав глагольных основ способствует увеличению числа лиц в глаголе. Ср., например: $ap \ mo-nbamo$ «он летает» (одноличный непереходный глагол) и $ap \ aбы \ \tilde{u} \circ -nbo min-nI$ «он подлетает к кому-чему-л. близко» (двухличный непереходный глагол).

Однако встречается группа двухличных непереходных глаголов, где включение суффикса -nI не приводит к расширению полиперсональности глагола³. В подобных производных образованиях с косвенным объектом морфема -nI влияет на изменение исходной огласовки э:ы, тогда как, сохраняя лексическое значение основы, суффикс способствует образованию синонимических пар. Ср., например: ар абы йо-псалъэ и ар абы йо-псэльы-nIэ «он разговаривает с ним» Mурадин и жагъуэтэкым мы щIалэм дыщысын, епсэльыI1н, I1 зригъэцI1ыхун... I4. «Мурадину хотелось посидеть, поговорить, познакомиться с этим парнем».

С двухличными переходными глаголами дело обстоят несколько иначе. При включении суффикса -nI в состав последних двухличные преобразовываются в трехличные переходные. Ср.: абы ар ешэ «он везет его» и абы ар абы ире-ша-nIэ

«он подводит, подвозит кого-чего-л. к кому-чему-л.». $HamI \Rightarrow xy$ занщ $I \Rightarrow y$ си $I \Rightarrow m \Rightarrow y$ щытам есшэл $I \Rightarrow u$ «Я подвел корову (Hatox) сразу к моему бывшему стогу».

При анализе сложных моделей с суффиксом -лІ обнаруживается группа глаголов, которые потеряли направительное (адитивное) значение и выступает с самыми разнообразными непространственными функциями. Ср., например: е-кІуэды-лІэ-н «пропасть, погибнуть из-за кого-чего-л.». Хъымышь лІы хафэ шътыгъ, исп лъэпкъри нэгучІыцэ лъэпкъышь итІумэ ахэчІыгъэр къэхъучІэ нартыжьмэ алъэпкъ екІодылІэн⁶. «Хымыш был храбрец, а испы происходят от рода Нагучицы. Если родиться тот, кто произошел от этих двух родов, изведет род нартов».

Суффикс -nI часто включается в состав отыменных основ. При этом отсутствие семантической направленности в них очевидна. Иначе говоря, суффикс -nI никогда не вносит пространственную характеристику в отыменные глаголы. Ср., например: e-xy = 6i - nI «согреваться от чего-л.» (от xy = 6i - nI).

В состав производных моделей с суффиксом –лІ могут быть включены и другие словообразовательные суффиксы. Ср.: А куор Шэбатныкъо зызэхехым, унэм къичІыжьи, ипчэу чІисагъэм къекІолІэжыгъ¹⁰. «Шабатуко услышал этот крик, вышел из дому и подошел к пике, которую воткнул в землю».

Для словообразовательных моделей исследуемого ряда характерна каузация. Такие глаголы, как правило, все переходные, а количество лиц при каузации увеличивается еще на одно лицо. Ср., например: *e-кlyэ-лlэ-н* «подойти близко к кому-чему-л.» (двухличный непереходный глагол) и *e-гъэ-кlyэ-лlэ-н* «заставить его подойти близко к кому-чему-л.» (трехличный переходный глагол).

Довольно часто наблюдается также утрата аффиксом гъэ-каузативности. Ср., например: *е-гъэ-быды-лІэ-н* «прикрепить, приделать что-л. к чему-л.». Следует заметить, что косвенный объект в этой модели связан с суффиксом -лІ, поскольку исключение суффиксальной морфемы сопровождается потерей одного – лица

косвенного объекта. Ср.: абы ар егъэбыдэ «он укрепляет что-л.» и абы ар абы ирегъэбыдылІэ «он прикрепляет что-л. к чему-л.» и др. Таким образом, аффикс гъэ-, теряя каузативное значение, не влияет на количество лиц в глаголе.

Процесс создания словообразовательных моделей, содержащих суффикс —лІ с пространственной характеристикой взаимного действия, сопровождается определенными особенностями. Переходные и непереходные глаголы с суффиксом —лІ могут выступать в форме взаимности, включив в свой состав префикс зэ- или зэры-. В непереходных глаголах с суффиксом -лІ, где происходит взаимодействие между субъектом и косвенным объектом, присоединение префикса взаимности сопровождается уменьшением количества лиц в глаголе — теряется лицо косвенного объекта, и глагол становится одноличным. Ср., например: ар абы йоувалІэ «он становится близко, вплотную к кому-чему-л.» и ахэр зоувалІэ «они становятся близко друг к другу»; ар абы йо-сы-лІэ «он подплывает к нему» и ахэр зосылІэ «они подплывают друг к другу» и т.д. Такие образования по логике могут иметь только форму множественного числа. Колпашево десылІ эным километр зытиущ нэхь имыІэжу, зы пирэдджыжь гуэрым, мо къэякъым ижеихьар сыкъызэщыужащі. «Однажды утром я проснулся в лодке, когда доплыть до Колпашево оставалось два-три километра».

Большая группа переходных глаголов движения исследуемой группы могут образовать две формы взаимного действия лиц: а) первая форма — это взаимодействие между субъектом и косвенным объектом. Здесь трехличный переходный глагол теряет одно лицо прямого объекта и становится двухличным непереходным. Ср., например: абы ар абы ирельэфалІэ «он его к нему подтаскивает близко» и ахэр абы зэрольэфалІэ «они к нему подтаскивают друг друга». Как заметно, субъект при этом представлен только во множественном числе; б) вторая форма — это взаимодействие между субъектом и прямым объектом. Данная форма взаимности образуется также с помощью префикса зэры-, при этом глагол теряет лицо косвенного объекта, но глагол остается переходным. Здесь также субъект может выступить только во множественном числе, тогда как объект может иметь оба числа. Ср., например: абы ар абы ирекъузылІэ «он его к нему прижимает» и абыхэм ар зэракъузылІэ «они его прижимают к себе вплотную», также абыхэм ахэр зэракъузылІэ «они их прижимают к себе вплотную» и т.д.

От трехличных глаголов переходного значения можно образовать формы субъектной версии при помощи префикса зы-. Трехличный глагол при этом становится двухличным, теряя лицо либо косвенного объекта, либо прямого объекта. Переходность глагола при этом сохраняется, например: абы ар абы ире-къузы-лІэ «он его к нему прижимает» (трехличный глагол) и абы (абы) зрекъузылІэ «он к нему прижимается» (двухличный глагол). В данном случае исключается лицо прямого объекта. Къэхъуар зыхуэдэр къызгурымыГуэу, си гур къимыхьэжауэ, си адэм нэхъри зескъузылГауэ сольэГур: — Папэ, дэнэ укГуэрэ? 12. «Не понимая, что происходит я еще крепче прижимался к отцу».

Таким образом, анализируемый материал демонстрирует расширение семантического диапазона рассматриваемой суффиксальной морфемы. Глагольные основы с $-\pi I$, включая в свой состав префикс взаимности 39-, 39-ры-, образуют формы взаимного действия лиц. Переходные глаголы, содержащие суффикс $-\pi I$, при помощи префикса 36- образуют формы субъектной версии.

Относительно этимологии исследуемого аффикса существуют мнения, что производные (адитивные) глаголы исторически были сложными. При этом считается, что диахронически существовали глаголы с основами e-nIэ 13 . В этой связи представляет интерес утверждение Б.М. Берсирова о том, что элементы \ddot{u} э-(e-)и -nI, несомненно, являются рефлексами каких-то самостоятельных основ, вышедших из употребления в языке в результате десемантизации или каких-либо фонетических изменений 14 .

Реконструкция подобных глаголов наталкивается на трудности из-за отсутствия каких-либо следов их самостоятельного употребления в диалектах и родственных

языках. Наличие суффикса $-\pi I$ с той же функцией в убыхском языке говорит в пользу того, что данная суффиксальная морфема давно потеряла этимологическую связь с самостоятельной основой. Ср.: убых. сыкІвалІан «я подхожу к чему-л.», азуылІан «я их соединяю» Более того, если суффикс $-\pi I$ в убыхском не считать адыгизмом (а для объяснения его наличия в убыхском влиянием адыгских языков нет достаточных оснований), его можно отнести хронологически к эпохе адыгско-убыхского единства.

Примечания

- 1. Дзуганова Р.Х., Кумыкова Д.М. Принципы описания морфонологических явлений в глаголе кабардино-черкесского языка // Фундаментальные исследования. 2015. № 2–7. С. 1542–1545.
- 2. Дзуганова Р.Х. Словоизменительная парадигма беспревербных моделей с суффиксом –кІ в кабардино-черкесском языке // Вестник Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. 2017. 1 (32). С. 59–63.
- 3. Дзуганова Р.Х. Морфонологические процессы в кабардино-черкесском словообразовании. Нальчик, 2005. 216 с.
 - 4. Хьэх С. Махуэм дунейр и кІыхьагъщ: Повестхэмрэ рассказхэмрэ. Налшык, 1992. 304 н.
 - Брат Хь. Гугъэр адэжь щ Гэинш. Черкесск, 1988. Н. 93–211.
 - 6. Нарты. Адыгский героический эпос. М.: Наука, 1974. 416 с.
 - 7. Кумахов М.А. Морфология адыгских языков. М.-Нальчик, 1964. 272 с.
 - 8. *КІэрэф М.Ж*. Лъэужь е лІэужь. Налшык, 2009. 265 н.
 - 9. *Къашыргъэ Хь.Хь*. ПшэкІухь. Налшык, 1976. 378 н.
 - 10. Нартхэр. Къэбэрдей эпос. Налшык, 1995. 559 н.
 - 11. *АбытІ* Э. КІуакІужь. Черкесск, 2012. 192 н.
 - 12 Брат Хь. Ди жьэгуми маф Э щыблэжынщ. Черкесск, 1988. Н. 4-92.
- 13. Рогава Г.В., Керашева З.И. Грамматика адыгейского языка. Краснодар–Майкоп, 1966. 462 с.
- 14. *Берсиров Б.М.* О некоторых случаях десемантизации компонентов сложных глаголов в адыгейском языке // Ежегодник иберийско-кавказского языкознания. Т. 1. Тбилиси, 1974. С. 251–254.
 - 15. Vogt H. Dictionnaire de la langue oubykh. Oslo, 1963. 264 p.

R.H. Dzuganova

LEXICO-GRAMMATICAL FEATURES EDITINIG VERBS IN THE CIRCASSIAN LANGUAGES

On the basis of the actual material analyzed derivational model, constructed by the affix L1 indicating the interdependence of lexical and grammatical factors in the transmission of the semantic content of the derived basics. The paper demonstrates the originality of the inflectional paradigm of verbs editinig, and traces the history of the formation of the particle.

Keywords: circassian languages, derivational model, local proverb, transitive and intransitive verbs, aditivnye verbs, directional suffix, complex models.

А.К. Аппоев

СООТНОШЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ И ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИН МИРА КАРАЧАЕВЦЕВ И БАЛКАРЦЕВ

В статье рассматривается соотношение языковой (ЯКМ) и паремиологической картин мира (ПКМ), которые формировались в рамках соответствующего этносознания, имея своей особенностью отражать определенный способ восприятия и организации мира носителями языка. В ней обращается внимание на то, что пословичным концептом считаются все знания об объекте, которые можно получить на основе анализа содержательного плана пословиц и, что ЯКМ отражает когнитивные, культурные, социальные особенности народа – носителей языка.

Ключевые слова: паремиологическая картина мира, концепт, карачаево-балкарский язык, языковая картина мира, лингвокультурная специфика.

Тема языка и культуры в их неразрывной связи разрабатывалась многими исследователями. На современном этапе развития языкознания в свете выдвижения на передний план антропоцентрической парадигмы обострился интерес исследователей, прежде всего на материале лексики, фразеологии и паремиологии, к речевой деятельности.

Язык не только отражает культуру народа, его социальное устройство, мировоззрение, но и хранит накопленный им социокультурный пласт, необходимый для формирования следующих поколений, то есть служит инструментом культуры. Реконструкция языковой картины мира составляет одну из важнейших задач современной лингвистической семантики.

Исследователи отмечают, что понятие картины мира строится на изучении представлений человека о мире. По мнению представителей когнитивного направления в лингвистике, наша концептуальная система, отображенная в виде языковой картины мира, зависит от материального и культурного опыта и непосредственно связана с ним. Картины мира у разных людей могут быть различными у представителей разных эпох, этносов, разных социальных, возрастных групп и т.д. В концептуальной картине мира взаимодействуют общечеловеческое (универсальное), национальное и личностное. Человеческая деятельность, включающая в качестве составной части и символическую, одновременно универсальна и национально-специфична. Эти её свойства определяют как своеобразие языковой картины мира, так и её универсальность. Для лингвистического анализа интересным представляется исследование способов отражения в различных языках этнического и индивидуального самопознания, способов восприятия и концептуализации мира, формирования национальных символов и стереотипов, определяющихся спецификой культур.

Языковая картина мира, как и концептуальная, не существует непосредственно и нуждается в реконструкции. Ее реконструкция предполагает опору исключительно на факты языка¹. Для воссоздания фрагмента картины мира необходим анализ языковых данных, а также интерпретация социально-исторических и культурных факторов, причем приоритет языковых данных над социально-историческим фоном при реконструкции языковой картины мира исследователи считают определяющим.

При изучении языковой картины мира важны: осознание морфологии и структуры форм народной культуры, разложимость сложных культурных образований на простые элементы и повторяемость отдельных элементов или целых блоков в разных фрагментах культурной традиции².

Паремиологическая картина мира понимается в данном исследовании как фрагмент языковой картины мира, представленный паремиологическим фондом этноса. Языковая картина мира в целом совпадает с отражением мира в сознании людей и представляет собой наиболее широкое понятие, отражая «наивное» мировидение народа. Отмечая яркость проявления народного менталитета в паремиях, многие исследователи рассматривают их в качестве объекта своих исследований. Данные для реконструкции и исследования паремиологических картин мира берутся в основном из анализа внутренней формы паремий, их лексического состава, средств метафоризации.

Паремии, являясь произведениями устного народного творчества, представляют собой часть духовной культуры того или иного народа. Они интерпретируются как пословицы и поговорки, которые в течение длительного времени вбирали в себя все знания, умения, способности социума. Вместе с тем, паремии отображают все многообразие жизни, являются частью духовной культуры народа, содержат основные правила поведения, представляют собой историческую норму культуры. По этой причине они являются объектом исследования таких наук, как лингвистика, культурология, этнология, этнография и др.³

Пословичный фонд карачаевцев и балкарцев представляет собой не однородное явление. В нем выделяются три типа: 1) пословицы с образной мотивировкой общего значения; 2) пословицы с прямой мотивировкой общего значения; 3) афоризмы — паремии, соотносимые отчасти с так называемыми «крылатыми выражениями»⁴.

Пословичную картину мира иногда представляют как набор типизированных ситуаций двух видов (соотнесенных с внутренней формой и значением паремий). С другой стороны, в качестве «опознавательных знаков» различных ситуаций в когнитивном пространстве выступают концепты и прототипы. «Поэтому для описания пословичной картины мира важно не только выделение когнитивных структур, соотнесенных с различными по тематике группами пословиц, но и реконструкция пословичных концептов и прототипов, таких как «работа», «любовь», «власть», «дом» и пр.»⁵.

Карачаево-балкарская паремиологическая картина мира формировалась в рамках соответствующего этносознания, имея своей особенностью отражать определенный способ восприятия и организации мира носителями языка. В паремиологической картине мира дается оценка означаемым ситуациям, рекомендации к действию в соответствии с менталитетом народа.

В ней возможно деление пословичного материала по отношению к тем или иным объектам, явлениям, проблемам, действиям, разрешение которых они несут в себе. Так, например, исследователь синтаксиса карачаево-балкарского языка, М.Б. Кетенчиев, рассматривая паремии типа Ашынг къалса да, ишинг къалмасын «Если даже еда останется, пусть работа не остается», имеющие отношение к трудовой деятельности человека, приходит к правомерному выводу о том, что они являются «одним из ключевых элементов карачаево-балкарской языковой картины мира»⁶.

Таким образом, паремиологическая картина мира понимается как фрагмент наивно-языковой картины мира. Языковая картина мира в целом совпадает с отражением мира в сознании людей и представляет собой наиболее широкое понятие, она отражает «наивное» мировидение народа.

С позиции культурологически ориентированной лингвистики сделан ряд попыток осмыслить специфическую фиксацию культурно значимых явлений и характеристик бытия в форме языковых знаков. В этом смысле особую значимость имеют исследования по лингвострановедению, прежде всего известная книга

Е.М. Верещагина и В. Г. Костомарова «Лингвистическая теория слова». Рассматривая языковые единицы как органическую часть естественного бытия человека в его социальной и природной среде, лингвисты исходят из тезиса о том, что лингвокультурное освещение языка есть сопоставительное изучение этого языка в сравнении с другим. Лакуны, обнаруженные в результате подобного процесса характеризуют национальную специфику народа.

Небезынтересна и этнокультурная семантика пословиц и поговорок. Ср. паремию *Биреуню бёркюн алсанг, кесинги бёркюнге сакъ бол* «Если снимешь (сорвешь) чью-либо шапку, береги свою». В этнокультурном плане она понимается следующим образом: «если будешь играть с честью кого-либо, береги свою честь»⁷.

Более информативным для моделирования лингвокультурной специфики того или иного сообщества представляется понятие картины мира, в том числе и языковой.

Основной единицей лингвокультурологии является «культурный концепт – многомерное смысловое образование, в котором выделяется ценностная, образная и понятийная сторона»⁸.

О наличии концептов можно говорить в том случае, если концептуализируемая область осмыслена в языковом сознании и получает однословное обозначение. Концептуализация действительности осуществляется как обозначение, выражение и описание.

По В.И. Карасику, обозначение — выделение того, что актуально для данной лингвокультуры, и присвоение этому фрагменту осмысливаемой действительности специального знака. В предметном мире обозначение выделяет предмет, устанавливая его место в окружающей действительности. Обозначение в сфере непредметных сущностей — это выделение качеств и процессов и присвоение им имен. Выражение концепта — это вся совокупность языковых и неязыковых средств, прямо или косвенно иллюстрирующих, уточняющих и развивающих его содержание. Описание концепта — это специальные исследовательские процедуры толкования значения его имени и ближайших обозначений⁹.

Концепт как лингвокогнитивное явление — это единица «ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знания и опыт человека; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы языка и языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике». Часть концептов имеет языковую «привязку», другие концепты представлены в психике особыми ментальными репрезентациями — образами, картинами, схемами и т.п. 10

Лингвокультурный подход к пониманию концепта состоит в том, что концепт признается базовой единицей культуры, ее концентратом. Ю.С. Степанов пишет, что в структуру концепта входит все то, что и делает его фактом культуры – исходная форма (этимология); сжатая до основных признаков содержания история; современные ассоциации; оценки и т.д. 11

Концепты в сознании человека возникают в результате деятельности, опытного постижения мира, социализации, а точнее, складываются из его непосредственного чувственного опыта восприятия мира органами чувств, предметной деятельности человека, мыслительных операций с уже существующими в его сознании концептами, из языкового знания (концепт может быть сообщен, разъяснен человеку в языковой форме) и путем сознательного познания языковых единиц. Любой концепт вбирает в себя обобщенное содержание множества форм выражения в естественном языке, а также в тех сферах человеческой жизни, которые предопределены языком и немыслимы без него; что результат соединения словарного значения слова с личным и этническим опытом человека.

В последнее время встал вопрос о количестве концептов. Если А. Вежбицкая фундаментальными для русской культуры считала всего три концепта («Судьба», «Тоска» и «Воля»), то Ю.С. Степанов полагает, что их число достигает

четырех-пяти десятков. Это «Вечность», «Закон», «Беззаконие», «Слово», «Любовь», «Вера» и др. Концептуальная система опирается на существование этих первичных концептов, из которых развиваются все остальные. Духовная культура каждого народа также складывается из операций с этими концептами.

Национальный концепт «самая общая, максимально абстрагированная, но конкретно репрезентируемая идея «предмета» в совокупности всех валентных связей, отмеченных национально-культурной маркированностью» ¹².

Концепты могут классифицироваться по различным основаниям. С точки зрения тематики концепты образуют, например, эмоциональную, образовательную, текстовую и др. концептосферы. Классифицированные по своим носителям концепты образуют индивидуальные, микрогрупповые, макрогрупповые, национальные, цивилизационные, общечеловеческие концептосферы. Могут выделяться концепты, функционирующие в том или ином виде дискурса: например, педагогическом, религиозном, политическом, медицинском и др.

Для образования концептуальной системы необходимо предположить существование некоторых исходных, или первичных концептов, из которых затем развиваются все остальные¹³. Концепты как интерпретаторы смыслов все время поддаются дальнейшему уточнению и модификациям. Они представляют собой реализуемые сущности только в начале своего появления, но затем, оказываясь частью системы, попадают под влияние других концептов и сами видоизменяются.

После анализа выше приведённых пониманий, примем рабочее определение концепта — это семантическое образование, отмеченное лингвокультурной спецификой и тем или иным образом характеризующее носителей определенной этнокультуры. Концепт, отражая этническое мировидение, маркирует этническую языковую картину мира и является кирпичиком для строительства «дома бытия» (по М. Хайдеггеру). Но в то же время — это некий квант знания, отражающий содержание всей человеческой деятельности. Концепт не непосредственно возникает из значения слова, а является результатом столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека (по Д.С. Лихачеву). Он окружен эмоциональным, экспрессивным, оценочным ореолом. Следовательно, концепт многомерен, и в нем можно выделить как рациональное составляющее, так и эмоциональное, как абстрактное, так и конкретное, как универсальное, так и этническое, как общенациональное, так и индивидуально-личностное.

Основной задачей построения картины мира на материале пословиц и поговорок становится выделение инвентаря основных значимых элементов культуры, т. е. базовых концептов. В основе данного вычленения концепта лежит критерий значимости, поскольку далеко не все факторы реальной действительности и человеческого существования получают культурную отмеченность, т.е. приобретают знаковую функцию в культурных текстах¹⁴.

Одинаковые с точки зрения повседневной, бытовой практики реалии внешнего мира получают в языке культуры разную символическую значимость.

Например, в карачаево-балкарском языке употребляется несколько десятков пословиц и поговорок связанных со словом волк: Бёрю насыбы аякъларындады «Счастье волка в его ногах»; Бёрюден къоркъгъан мал ёсдюрмез «Волка бояться – скот не содержать». Значительно больше пословиц встречается со словом конь: Сёзюн айта билмеген, башын ат берип алыр «Кто не умеет правильно говорить, станет откупаться конём»; Тил ат кибикди – тыймасанг, жыгъар «Язык словно конь – если не остановишь, то свалит»; Жан – татлы, заман – атлы «Жизнь сладка, но время на коне едет»; Ат муратха жетдирир «Лошадь способствует достижению цели»; Атны къуйругъундан тутхан суудан ётер «Ухватившийся за хвост лошади может переправиться через реку»; Бир атны бойну бла минг ат суу ичер «Благодаря одной лошади целый табун может утолить жажду»; Ат атагъан атха миндирир «Нарекающий именем посадит на лошадь» и другие 15.

В нашем исследовании встает вопрос о том, что понимать под пословичным концептом. В связи с тем, что концепт рассматривается в аспекте реконструкции пословичной картины мира (представлений людей об устройстве мира), хочется немного остановиться на этом вопросе. Вслед за Е.В. Ивановой, опирающейся на мнение В.Н. Телия, будем считать пословичным концептом все знания об объекте, которые можно получить на основе анализа содержательного плана пословиц. «Пословичный концепт это совокупность когнитем, имеющих отношение к объекту» 16. Можно описать пословичный концепт на основе анализа когнитивных уровней значения и внутренней формы.

В научной литературе разграничиваются концепт-минимум и концепт-максимум. Концепт-минимум включает набор признаков, необходимых для опознавания сущности и понимания значения слова, ее обозначающего. Концепт-максимум — это все знание о сущности, доступное рядовому носителю языка, полное владение значением слова. Соответственно, когда мы говорим об описании концепта всеми пословицами, мы говорим о пословичном концепте-максимуме, когда рассматриваем одну пословицу и входящие в ее когнитивную модель концепты, говорим о пословичных концептах-минимумах.

Для реконструкции пословичного концепта необходимо установить весь набор образующих его когнитем. Определение пословичного концепта — это извлечение из когнитивного пространства признаков и функций, характеризующих объект. Концепт представляет собой совокупность когнитем, образующих определенную схему репрезентации знания. «Любой концепт это когнитивная структура, но далеко не каждая когнитивная структура является концептом»¹⁷.

Реконструкция пословичного концепта сопряжена и с определенными проблемами установления границы исследуемого понятия. В некоторых случаях встает вопрос о разграничении концептов. Архетипическое представление концепта положено в основу данного исследования, и оно не идет в разрез общепринятому пониманию концепта. Концепт является ментальной сущностью, которая шире по объему, чем значение слова, поэтому при изучении пословичного концепта мы посчитали целесообразным обратиться к когнитивной составляющей базовых концептов.

Исходя из выше изложенного, мы приходим к выводу о том, что ЯКМ отражает когнитивные, культурные, социальные особенности народа — носителей языка. Под ЯКМ понимается совокупность знаний о мире, которые отражены в языке, а так же способы получения и интерпретации новых знаний. При таком подходе язык может рассматриваться как определенная концептуальная система и как средство оформления концептуальной системы знаний о мире.

Концептуальная система, отраженная в виде ЯКМ, зависит от материального и культурного опыта, и непосредственно связана с ними. В концептуальной картине мира (ККМ) взаимодействует общечеловеческое (универсальное), национальное и личностная человеческая деятельность, включающая в качестве составной части и символическую составляющую. Эти её свойства определяют как своеобразие ЯКМ, так и её универсальность.

Паремиологическая картина мира понимается в данном исследовании как фрагмент наивно-языковой картины мира. ЯКМ в целом совпадает с отражением мира в сознании людей и представляет собой наиболее широкое понятие, она отражает «наивное» мировидение народа.

Карачаево-балкарская языковая картина мира, складывающаяся в рамках соответствующего этносознания, имеет свою специфику и отражает определенный способ восприятия и организации мира носителями языка. В ПКМ же дается оценка означаемым ситуациям, рекомендация действий в соответствии с менталитетом народа.

Примечания

- 1. Колесов В.В. Язык и ментальность. СПб.: Петербургское востоковедение, 2004. 240 с. С. 116.
- 2. Annoes A.K. Пословицы и поговорки как источник изучения культурно-языкового сознания // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. Нальчик, 2017. № 3 (34) С. 80.
- 3. *Аппоев А.К.* Особенности семантики карачаево-балкарских паремий // Проблемы современной кавказской и тюркской филологии и этнографии. Сборник научных статей. Нальчик: Издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2017. С. 24.
 - 4. Там же. С. 25.
 - 5. Колесов В.В. Указ. соч. С. 116.
- 6. *Кетенчиев М.Б.* Вербализация деятельности в карачаево-балкарском языке // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2010. № 12. С. 314.
- 7. *Аппоев А.К., Кетенчиев М.Б.* Полиаспектный анализ названий одежды в карачаевобалкарском языке // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 20. С. 12.
- 8. Карасик В.И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты. Архангельск, 1996. С. 3–16.
 - 9. Там же. С. 109-110.
- 10. *Кубрякова Е.С.* Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М., 2004. С. 90.
 - 11. Степанов Ю.С. Основы общего языкознания. М., 1975. С. 41.
- 12. *Красных В*. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. 374 с. С. 130.
 - 13. Степанов Ю.С. Указ. соч. С. 143.
- 14. Аппоев А.К. Пословицы и поговорки как источник изучения культурно-языкового сознания // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. Нальчик, 2017. № 3 (34) С. 80–83.
- 15. *Кетенчиев М.Б., Аппоев А.К.* Этнокультурная составляющая зоолексемы «лошадь» в карачаево-балкарском языке // Известия высших учебных заведений. Северо-Кав-казский регион. Серия: Общественные науки. 2011. № 2. С. 106–109.
- 16. *Телия В.Н.* Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1986. 150 с. С. 109.
 - 17. Там же. С. 110.

A.K. Appoev

LANGUAGE AND PAREMIOLOGICAL PICTURE OF THE WORLD IN KARACHAEVO-BALKARIAN LANGUAGE

The article deals with the correlation of linguistic and paremiological pictures of the world, which were formed within the framework of the corresponding ethno-consciousness, having its own peculiarity to reflect a certain way of perception and organization of the world by native speakers. It draws attention to the fact that the proverbial concept considers all knowledge about the object that can be obtained on the basis of an analysis of the proverbial content plan and that the JCM reflects the cognitive, cultural, and social characteristics of the people who are native speakers.

Keywords: paremiological picture of the world, concept, Karachay-Balkar language, language picture of the world, linguistic and cultural specifics.

А.М. Гутов

МОТИВ ПРЕДАТЕЛЬСТВА В ИСТОРИКО-ГЕРОИЧЕСКОМ ПОВЕСТВОВАНИИ

В статье исследуется явление, которое бывает затруднительно отнести к одной из двух основных групп эпических персонажей — героя и его противника. Отсутствие достаточной твердости духа приводит их из лагеря сторонников героя в стан противника и толкает на измену. За это они обречены расплачиваться всеобщим отчуждением и угрызениями совести. В то же время, как художественные образы персонажи рассматриваемого типа оказываются более сложными, нежели функционально однозначные центральные герои.

Ключевые слова: эпос, герой, мотив, предатель, антигерой, полифонический образ, психологическая мотивировка.

Предательство – явление, которое в любом человеческом обществе однозначно осуждалось и осуждается во все времена. Тем не менее, оно существует, пожалуй, с тех самых пор, как на планете появилось человечество. В эпическом творчестве разных народов данное явление получило отражение с достаточной выразительностью, поскольку у всех народов жанр эпоса относится к разряду идеологически заряженных и характеризуется высокой степенью морально-оценочного потенциала. Если обратиться к адыгскому фольклору, то одну из наиболее интересных разработок данная тема, как и образ самого предателя, получила в цикле об Андемиркане, пожалуй, наиболее популярном из многочисленных героев младшего эпоса. В частности, названный мотив устойчиво связан с сюжетом о гибели героя, представленном в нескольких десятках рукописных и опубликованных материалов, самые первые из которых датируются XIX¹, а наиболее поздние – концом XX – началом XXI веков². География записей охватывает практически всю территорию исторической Черкесии. Зафиксировано сказание иногда отдельно, но чаще в контаминации с сюжетами о происхождении героя, о его конфликте с верховным князем и др. За редким исключением все варианты предания совпадают в основной сюжетной линии. Главный антагонист героя, чаще всего это верховный князь Кабарды Беслан Тучный, предпринимает несколько безуспешных попыток погубить Андемиркана. Перепробовав разные способы, он, наконец, склоняет к предательству молодого князя Канибулата, самого близкого из друзей героя, а по некоторым вариантам даже его молочного брата. В вариантах иногда это не Канибулат, а сам воспитатель героя.

По одной версии, Беслан Тучный прямолинейно использует свое старшинство и власть и, не прибегая к каким-либо особым средствам убеждения, принуждает Канибулата к измене. Согласно другой — тот же Беслан и его единомышленники ультимативно предлагают своей фактической жертве выбор: или Канибулат выдает им своего побратима, или же сам лишается княжеского титула, как пособник бунтаря, после чего все другие князья непременно должны изгнать его из своей среды. Это — ситуация, из которой достойный выход может найти только сильная незаурядная личность. Канибулат, как всякий заурядный человек, не находит иного выхода, кроме предательства. Повинуясь требованию Беслана, он выбирает удачный момент, чтобы под предлогом охоты на мелкую дичь выманить героя в

местность, где устроена засада. Он делает вид, будто ничего неожиданного не предвидится, так как это всего лишь развлечение, а потому незачем вооружаться, словно на поединок. Таким образом, он предоставляет герою негодное оружие и соответствующего никчемного конягу. Андемиркан, прямодушный, какими по обыкновению бывают главные герои фольклорных произведений, не ожидает коварства со стороны испытанного товарища и без колебаний соглашается на предложение выехать из дому фактически беззащитным. Но далее рассказывается, как в пути Канибулат время от времени отстает от своего спутника, и герой замечает, как в это время его товарищ тайком вытирает слезы. Догадавшись о причине странного поведения своего спутника, Андемиркан отнюдь не торопится расправиться с предателем, хотя может это сделать. Оставляя изменника в живых, герой обрекает его на гораздо более изощренное наказание, чем сравнительно легкая смерть от руки выданного им друга. Поэтому для Канибулата переживания по поводу принятого им решения оказываются только началом многих душевных страданий, которые ему предстоит пережить, потому что, став на путь измены, он не сразу же утратил окончательно человеческие качества. Далее он всю оставшуюся жизнь принужден оставаться с раздвоенной душой.

В вариантах предания и песни в описываемом эпизоде часто фигурирует не сам Канибулат, а другой князь, Биту, такой же перебежчик, как и он. Суть повествования от этого не меняется. Напротив, как нам представляется, образ предателя обретает более обобщенные черты, становясь не единичным явлением, а типом. Андемиркан отсекает изменнику бороду и три пальца руки. Это, как поясняется и в песне и в предании, для того, чтобы тот каждый раз, когда будет совершать омовение, вспоминал о своем недостойном поступке. Затем он наносит зарубку на лице — очевидное для всех клеймо позора. Фрагмент этой своеобразной «гражданской казни» стал общим местом и представлен с некоторыми вариациями в подавляющем большинстве зафиксированных записей, начиная с дореволюционных:

ЗыкъыредзэкІьри Битум и жьакІьэр пигъэщщ, «Сыпщыгъупщэнщ» – жеІэри и Іэхъомбищ дегъакІо, «УзэхэзекІощ», – жеІэри нэкІум дамыгъэ тыредзэ³...

Разворачивается и у Биту бороду отсекает, «Ты меня забудешь», – сказав, три пальца туда же отправляет, «Ты много разъезжаешь», – сказав, на лице зарубку делает...

То же самое отмечено и в вариантах предания. После такого акта унижения Канибулат *обречен жить в позоре:* он и сам будет постоянно помнить о совершенном им низком поступке, и всякий встречный будет знать об этом. Один из главных императивов рыцарской этики гласит: «Напэм и пэ псэр ищ». Согласно таким представлениям, для Канибулата смерть несравнимо более предпочтительна, чем жизнь: лишь она может избавить и от угрызений совести, и от осознания всеобщего отчуждения.

Андемиркан не считает достойным для себя повернуть назад и сохранить свою жизнь бегством, хотя такая возможность у него имеется, в то время, как вероятность быть убитым очевидна. Он без колебаний идет навстречу верной гибели, и этим являет образец противоположности предателю, готовому пожертвовать жизнью боевого товарища ради спасения собственной. В этом заключена принципиальная разница между героем, который умеет стать выше любых неблагоприятных обстоятельств, и человеком заурядным, которому недостает духовных сил, чтобы подчинить обстоятельства своей воле.

Заслуживает особо быть отмеченным то обстоятельство, что, вопреки традиционной для эпоса однозначности образов, внимание акцентируется на том, как

все же непросто дается такой поступок Канибулату, это делает его образ непривычно сложным, что достигается благодаря отражению глубокой мотивированности каждого эпизода сказания. Строгие каноны эпического повествования не оставляют много места для психологических экскурсов и, тем более, для живописания эмоций. Но в большинстве вариантов данного сказания переживаниям отступника уделяется немалое внимание. По одной версии, после гибели Андемиркана Канибулата начинают мучить кошмары, он не может спокойно спать, его преследует страх мести со стороны настоящих друзей убитого⁴. Для успокоения Беслан Тучный дарит ему кольчугу необычайной прочности. Казалось бы, она до определенной поры надежно защищает своего хозяина. Однако это продлевает не столько жизнь предателя, сколько его душевные терзания, ибо существование со столь позорным пятном нельзя признать настоящей жизнью. В конце концов, чья-то метко пущенная стрела прерывает страдания Канибулата. Но даже трупу его не суждено упокоиться с миром: ночью, до того, как его успели похоронить, волк проникает в помещение и поедает тело. А поскольку зверю мешает кольчуга, он вгрызается в свою жертву постепенно, начиная с ног. Далее он углубляется настолько, что передними лапами попадает в рукава, голова же его вылезает через ворот кольчуги. В конце концов, зверь сам оказывается одетым в панцырь. Резонно видеть здесь не что иное, как реинкарнацию: не столько волк оказался волею случая в одежде человека, сколько неприкаянный дух предателя вселился в тело зверя, обозначив этим следующую ступень нравственного падения. Отныне зверь становится таким же неуязвимым, как и прежний хозяин кольчуги, и длительное время пользуется этим, нещадно и безнаказанно разоряя округу. Так продолжается до тех пор, пока не находится такой меткий лучник, стрела которого вошла в тело с задней ноги волка и вышла через глазное отверстие в черепе. Но и мертвому зверю, как и его предшественнику, не суждено иметь обычную судьбу: туша его не стала охотничьей добычей, подстреленный волк свалился в глубокий овраг и там его тело долго гнило, наполняя округу смрадом. У адыгов, как и у многих народов Евразии, волк – одно из тотемных животных. Но в данном случае его образ ассоциируется только со злом, неслучайно подчеркивается, что это одинокий волк. Примечательно резюме, которым сказитель заключает свое повествование: «Два волка носили кольчугу Беслана Тучного, и оба погибли волчьей смертью»5.

В 1972 г. мы записали оригинальный вариант предания о кольчуге и о судьбе самого предателя⁶. После гибели Андемиркана его оружие и доспехи стали трофеями и были поделены между участниками акции. Канибулату при этом отнюдь не случайно досталась кольчуга, причем сказитель подчеркивает ее необычайную прочность. Любопытно, что ни в одном из других сказаний цикла не упоминается, будто Андемиркана оберегала кольчуга с чудесными свойствами. Нет речи и о том, будто он сам был неуязвим, как характеризуются многие эпические герои. По сути, здесь налицо модификация древнего мотива неуязвимости, но в данном повествовании кольчуга имеет глубокое символическое значение: предателю достается не какое-нибудь наступательное оружие, а именно защитное. Смысл этого видится в следующем. Как известно, для достижения своей цели противники эпического или сказочного героя с легкостью пользуются услугами предателей. Но после того, как они выполнили свою неблаговидную роль, изменники оказываются никому не нужными и всеми презираемыми, включая и тех, которые склонили их к столь низменному поступку. Канибулат не может избежать общей участи всех предателей, о чем ему самому напоминает не только нанесенное Андемирканом увечье, но и всеобщее отчуждение. Все былые заслуги заслоняются одним этим актом, никакие личные достоинства не в состоянии возвратить прежнего отношения к нему со стороны общества: кто предал одного, тот предаст и другого, - таково всеобщее мнение. Он обречен не только жить, но, находясь среди людей, оставаться одиноким и презираемым, в том числе и прежним близким окружением. Отсюда и параллель с одиноким волком — сильным, трудноуязвимым, но для всех чужим. Вот почему для человека, воспитанного в духе рыцарских представлений о чести, но оказавшегося в такой ситуации, смерть оказывается желанной. Однако не всякий конец может стать избавлением от мук. Вернуть ему прежнее достоинство в этой жизни и покой в загробном мире в силах только гибель в сражении, с оружием в руках. Поэтому наш антигерой ищет гибели именно в бою. Но на пути к этому оказывается кольчуга, приросшая к телу и не дающая возможности легко пресечь позорное существование. В какие бы сражения ни вступал Канибулат, он остается невредимым, и душе его не суждено легко обрести покой достойным для воина образом. И когда после долгих душевных мучений наступает конец жизни Канибулата, смерть оказывается столь же «нерыцарской», каковым был его поступок по отношению к другу, которого он малодушно предал. Уместно вспомнить, что Андемиркана он выманил к месту засады фактически безоружного - без воинского снаряжения и без богатырского коня. В такой ситуации герой оказался выше обстоятельств и нашел в себе силы принять смерть как воин. В отличие от него, образ Канибулата лишен каких бы то ни было признаков героического. Не избавляет его от дурной славы ни чудесная кольчуга ни, вероятно, бывшее при нем полное вооружение. В губительное для себя положение он попадает самым обыденным образом. Идя по звериной тропке, Канибулат забредает в такие густые заросли колючей облепихи, из которых выбраться самостоятельно он уже не в состоянии, а друзей и спутников у него нет. Там он и погибает безвестно и бесславно.

Казалось бы, поставлена точка в описании истории предательства. Однако, как и в предыдущем варианте, сказание на этом не завершается. Тело его становится добычей *одинокого волка*, наткнувшегося на него в зарослях. Волк так же сначала отгрызает ноги мертвеца, затем, пожирая тело, он сам оказывается в кольчуге, в результате чего становится неуязвимым. Обретя это качество, зверь остается зверем, а осознав полную безнаказанность, распоясывается окончательно и бесчинствует до тех пор, пока однажды и его не настигает смертоносная стрела.

Поистине суровым приговором оказываются слова о «двух волках» которые носили кольчугу и « оба погибли волчьей смертью».

Наших беглых наблюдений над некоторыми мотивами достаточно, чтобы заметить, что к большинству событийных фрагментов, образующих данный сюжет, можно привести параллели из других произведений адыгского эпоса и даже из мирового фольклора. Оригинальным при этом оказывается то, в какую конкретную форму облекается мотив. Несомненно, это представляет научный интерес. Но в данном случае особого внимания заслуживает то обстоятельство, что в центре повествования, оказывается *«негерой»*, иначе говоря — отрицательный персонаж, хотя и не прямой противник героя.

Как известно, фольклорная память отбирает и сохраняет только то, что представляет интерес для всего общества или его значительной части. В данном случае это с очевидностью проявляемая неоднозначность образа предателя. Чуть ли не впервые в центр внимания выносится фигура не настоящего положительного героя, а личности далеко не идеальной. Разумеется, поступок Канибулата однозначно осуждается, но наряду с этим налицо и черты «очеловечения» персонажа: он не сразу соглашается на предложение Беслана, затем роняет слезы по идущему на смерть другу, после гибели Андемиркана мучается он угрызениями совести за содеянное, а не только от всеобщего презрения. Это становится началом проникновения в фольклорный жанр элементов индивидуальной характеристики, некоего спектрального анализа образов, при посредстве которого фольклорный герой перестает быть однозначно хорошим или однозначно плохим. Иными словами, типический образ становится не просто типом, но и личностью со своими слабостями и достоинствами. Это первые, пока еще робкие шаги в направлении

к созданию средствами словесного искусства полифонических образов, поступки которых мотивированы не только стандартами императивов поведения социума, а индивидуальными особенностями, ситуацией, психологическим состоянием.

Примечания

- 1. Айдемиркан. Ш.Б. Ногма. Филологические труды. Нальчик: Кабардинское книжное издательство, 1956. С. 111–117; Айдемиркан. ССКГ. Вып. VI. Тифлис, 1872. С. 50–79; Адемиркан. СМОМПК. Вып. VI. Тифлис, 1888. Отд. 2. С. 31–49.
- 2. НПИНА. Т. III. Ч. 1. С. 80. С. 80–103; Андемыкъан. Адыгэ лІыхъужь эпос. Зыгъэ-хьэзырар КъардэнгъущІ 3. (Андемиркан. Адыгский героический эпос. Подготовил к изданию 3. Кардангушев). 370 с. 9; СМОМПК. Вып. ХХУ. Тифлис, 1898. Отд. 3. С. 41–49.
 - 3. Там же. С. 45.
 - 4. Андемыркъан... С. 158–160.
 - 5. Там же. С. 160.
 - 6. Фонотека ИГИ КБНЦ РАН. Магн. касс. 69/5.

A.M. Gutov

THE MOTIVE OF BETRAYAL IN THE HISTORICAL – HEROIC NARRATION

The article explores a phenomenon that can be difficult to attribute to one of the main groups of epic characters – the hero and his opponent. The lack of firmness of spirit leads them out of the camp of the hero to the enemy and pushes for treason. They are doomed for that and pay with general alienation and regret. At the same time, as artistic images, the characters of the type in question are more complex than the functionally unambiguous central characters.

Keywords: epos, hero, motive, betrayer, anti-hero, polyphonic image, psychological motivation.

С.М. Алхасова

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В ЛИТЕРАТУРЕ

В статье исследуются основные тенденции возрождения национальной идеи и их отражение в национальной художественной литературе. Автор приходит к выводу, что при исследовании данного вопроса важен тип сознания в литературном процессе, а не его идеологическая составляющая.

Ключевые слова: художественная культура, литературный процесс, национальная идея, эпоха, возрождение, молодые писатели, современные течения.

В кабардино-черкесской литературе постсоветского времени наметились тенденции, связанные с особенностями эпохи. Не отрицая всего прошлого, мы рассматриваем особенности новой эпохи, не ограниченные строго временными рамками. Ясно обозначенные в постсоветском пространстве тенденции возрождения национальной идеи, так или иначе, отразились в культуре и литературном процессе. Речь идёт не о возрождении литературы, которая была достаточно развитой и в советское время: она была представлена талантливыми прозаиками, поэтами, драматургами и переводчиками. Речь идет о типе сознания в литературном процессе.

В произведениях современных писателей (более молодого поколения) социалистический реализм уступил место реализму с элементами постмодернизма, других модных течений искусства. Однако литература не стала ограничиваться только национальными рамками, она значительно их расширила. Таким образом, наступила эпоха, побудившая к возвращению к исконным адыгским духовным традициям, но на новом витке, с особенностями и спецификой начала XXI века. В кабардино-черкесской литературе появились имена талантливых писателей и поэтов, таких, как: Мухамед Емкужев, Амир Макоев, Джамбулат Кошубаев, Заур Канкулов, Ахмед Мизов, Нелли Лукожева, Муза Тлостанова, Асият Кармова, Зарина Канукова, Владимир Мамишев, Белла Аброкова, Люба Балагова, Нарзан Махотлов, Азамат Дзагаштов и другие. Однако выделение нами данного этапа развития кабардинской литературы на сегодня достаточно условно. Связано это с тем, что эволюционный подъем словесного искусства обусловлен не только изменениями в социально-общественной жизни, но и наличием традиций и художественного опыта. Ведь опыт А. Кешокова, З. Тхагазитова, Р. Ацканова, Х. Бештокова и других, на примере которых формировалось молодое поколение авторов, достаточно многогранен и совершенен.

Писатели и поэты, именами которых характеризуется данный этап развития национальной литературы, авторы, которые наследуют традиции представителей «предыдущего этапа», к настоящему времени еще не успели определиться в своей художественной зрелости. И процесс этот продолжается¹.

Каждый из этапов развития кабардино-черкесской литературы носит закономерный характер, и выражен достаточно рельефно (за исключением последнего этапа). Содержание каждого очередного периода определяется не только появлением нового творческого качества, но и грузом прежних нерешенных проблем, которые с точки зрения национально-духовного самовыражения и самоутверждения адыгской литературы и культуры, адыгского менталитета остаются еще открытыми. Но вопрос упирается в то, что национальная литература может достичь высокого результата, если будет исповедовать принцип следования корневым традициям, преемственности и диалектической связи между литературами разных времен и поколений. В этой хорошо сбалансированной «команде» писателей (молодых и старших) «юниорский состав» должен взаимодействовать с опытными литераторами. В противном случае не будет поступательного движения вперёд – прерывается связь поколений.

Таким образом, национальная литература, культура в целом, на фоне прошлых исторических потерь и неудач (Кавказская война, репрессии 30-х годов, противоречий XX в. и др.) в настоящее время переживает процесс возрождения и углубленного изучения своих корней, старины и дальнейшего развития. Современная кабардино-черкесская литература относится к числу полилингвальных литератур и занимает свою приличествующую ей нишу в межкультурной коммуникации XXI века. Свидетельство тому — многочисленные примеры литературы советского, позднесоветского и постсоветского периодов. Яркий пример — известная трилогия «Кавказ» адыгского писателя Мухадина Кандура, которую составляют исторические романы «Чеченские сабли», «Казбек из Кабарды», «Тройственный заговор», а также «Балканская история», последняя книга — «И в пустыне растут деревья» — написаны на английском языке. Впоследствии они переведены на кабардино-черкесский и русский языки.

В настоящее время тенденция возрождения адыгской культуры и литературы находится в стадии «материализации». Кабардино-черкесский язык в художественной культуре и литературе приобрёл твердо сложившиеся традиции. Текущее столетие придало национальной литературе определенное ускорение. На рубеже веков смена поколений в кабардино-черкесской литературе стала реальностью, которую невозможно игнорировать. Однако, на наш взгляд, народные истоки, фольклор, нартский эпос — это основа, на которой всегда должно будет стоять литературное творчество любого поколения. Иначе литература лишится своей глубины. Примером является появление художественных произведений, содержащих элементы постмодернизма. Литература «берёт» художественные картины из самой литературы, из «уже пройденного, отраженного в литературе», а не из действительности и из самой жизни.

В настоящее время в современной кабардино-черкесской литературе, как и в российской вообще, есть писатели-приверженцы двух направлений: современной и консервативной. Правда, в адыгской литературе эти явления присутствуют в латентной форме, но уже наметились тенденции в плане её историко-типологических свойств. Первая тенденция – появление возможности обращаться к некогда запретным темам, ставить вопрос о национальном возрождении не только литературы, но и культуры в целом. Возникла необходимость осмыслить все, что происходит сейчас в нашей жизни и найти адекватную форму его образного отражения. Вторая тенденция в большей степени присуща поэзии. Ведь именно в ней доминирует форма протеста против, например, глобализации, которая отрицательно скажется на культуре малых народов, в конечном итоге может обернуться потерей этнического лица и духовности.

XXI век привнес новые духовно-социальные проблемы в общество. Задача современной литературы — талантливо отразить их. Однако наша литература ещё не вполне «освоилась» с данными проблемами. На сегодняшний день существует мало произведений на подобные темы. По мнению некоторых авторов, бездуховность общества в скором будущем неминуема. С появлением демократии и свободы, «постсоветская» демократизация принесла социальную разобщенность. Потеряны многие ценности: коллективизм, романтизм, героизация. Новое поколение молодых авторов служит опровержением советского поколения писателей. Советских писателей принято сегодня называть «детьми потерянного поколения».

В 90-е годы молодым авторам уже не доставало романтики. И они требовали свободы. Общество в целом, как и сама литература, находилось ещё в пространстве полураспада советского времени. И в этом поле появлялись первые «ростки» творческой молодежи.

Как отмечают современные эксперты, в начале 90-х годов существовала жажда товарищества, однако не было того, что служило бы маяком, не было «Алых парусов». Здесь доминирует «обывательский» класс, для которого нравственные ориентиры потеряны. Люди закостенели в развитии и не заинтересованы в гражданском обществе. Наступил мировоззренческий ступор. Все эти явления, безусловно, сказывались и на литературе. Безразличие создает многие проблемы: утрачиваются общие критерии. Доминирует психология потребления. Отсутствие достойного культурного пространства — реальная проблема: выживут ли литература, наука, культура? Ситуация может измениться только со сменой позитивного культурного процесса, — такое мнение современных экспертов и культурологов имеет под собой почву и право на существование². Для национальных писателей, ученых, фольклористов, тенденции, связанные с понятиями народности, патриотизма, гражданственности означают научную и художественную ориентацию. В их работах и произведениях отразились тревога за судьбу и сохранение родного языка, за художественно-нравственные достоинства создаваемых произведений.

Примечания

- 1. Современная кабардино-черкесская литература. Фактологические, событийные материалы. Нальчик, КБИГИ, 2015. С. 14.
 - 2. Там же. С. 16.

S.M. Alhasova

TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF MODERN SOCIETY AND THEIR REFLECTION IN THE LITERATURE

Development trends of modern society and their reflection in the Kabardino-Cherkess literature. The article examines the main trends in the revival of national ideas and their reflection in the national culture and literature. The author comes to the conclusion that in the study of this question is important, first of all, the type of consciousness in the literary process, rather than its ideological component.

Keywords: art culture, literature, national idea, the era, the revival, young writers, and modern trends.

Х.И. Баков

ТИПОЛОГИЯ ПОЭТИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ В СЕВЕРОКАВКАЗСКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ ЛИРИКЕ

В статье рассматривается типология образов в северокавказской философской лирике на основе анализа стихов ведущих творческих индивидуальностей Р. Гамзатова, А. Кешокова и К. Кулиева, оказавших значительное влияние на литературный процесс региона. Особое внимание обращено на плодотворность поэтических символов камня, всадника, гор, кинжала, отражающих национальное своеобразие творчества данных поэтов.

Ключевые слова: типология, философия, образ, символ, поэзия, оригинал, характер, стихотворение, национальное своеобразие.

В лирике велико значение творческого «я» автора. В ней непосредственно передаются чувства и переживания лирического героя, минуя посредников. В свою очередь, она делится по тематике и содержанию на пейзажную, любовную или интимную, гражданскую, философскую лирику. Если первые из них доступны поэтам еще в раннем возрасте, то в философской лирике успешно выступают лишь авторы, имеющие жизненный опыт и богатый интеллектуал, склонность к философским обобщениям. Это подтверждает литературный процесс народов Северного Кавказа, в котором в довоенные десятилетия философская лирика находилась в зачаточном состоянии. Она получила настоящее развитие лишь в 60-е годы прошлого века, и это связано с творчеством Р. Гамзатова, А. Кешокова, К. Кулиева, которые оказали заметное влияние на литературы своих народов. Именно они вывели их на всесоюзную арену.

Все эти поэты обладают яркой творческой индивидуальностью, тем не менее в их художественной практике можно обнаружить и некоторые типологические черты в создании образов, которые становятся символами философской лирики. Они для выражения философских мыслей часто обращаются к простым предметам окружающей действительности. Это — камень, горы, конь, всадник, кинжал и т.д. Особое внимание уделено образу кинжала. Надо отметить, что иногда поэты развивают один из этих понятий, как бы дополняя друг друга неожиданными оттенками. Можно вспомнить, например, стихотворения «Памятник», созданные тремя поэтами: Гораций, Державин, Пушкин. Каждый из них опирался на предшественника, но вносил новое, оригинальное видение проблемы. Вполне естественно, что финалом прозвучали строки А.С. Пушкина, говоря его словами, к его памятнику до сих пор «не зарастает народная тропа».

«Поэтическое содружество» мы наблюдаем в изображении образа кинжала разными художниками слова. Мы в отдельной статье затронули эту тему и отметили вклад в ее разработку поэтов разных эпох: А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, А.П. Кешокова, К.Ш. Кулиева, Р.Г. Гамзатова¹. Общим для всех авторов является то, что лирический герой ведет разговор с этим грозным оружием, который со временем стал предметом искусства. Все сходятся в том, что кинжал является творением талантливых мастеров, теми, «кто оружейником родился» (А. Кешоков), «Ты, выкованный мастерами» (К. Кулиев), «Лемносский бог тебя ковал» (А. Пушкин), «задумчивый грузин ковал, на грозный бой точил черкес

свободный» (М. Лермонтов). Образ кинжала они связывают с кавказской темой кроме А.С. Пушкина. Это можно объяснить тем, что великий поэт создал свое стихотворение до своих поездок и знакомства с Кавказом (первое путешествие А.С. Пушкин совершил с семьей Раевских в 1820 г., оно завершилось на Кавказских Минеральных водах). Впоследствии Кавказ стал одной из важных тем творчества поэта.

Для М.Ю. Лермонтова образ кинжала становится как бы «пробным камнем» в освоении кавказской тематики. В первой строфе поэт утверждает:

Люблю тебя, булатный мой кинжал, Товарищ светлый и холодный. Задумчивый грузин на месть тебя ковал, На грозный бой точил черкес свободный².

Поэт прямо указывает национальность мастера и того, кто готовит кинжал для боя. Эпитет «черкес свободный» подобран им не случайно, он знал лично, как черкесы много веков боролись за свою свободу. Характерным для всех поэтов, о которых идет речь, является то, что лирический герой обращается к кинжалу, как бы вступая с ним в беседу. М. Лермонтов отмечает твердость характера и хочет уподобиться ему: «Да, я не изменюсь и буду тверд душой, как ты, мой друг железный».

М. Лермонтов пишет, что кинжал ему подарили «в знак памяти, в минуты расставанья», поэтому его чувства усиливаются и поводом, и подарком, что вылилось в две строки, заканчивающиеся прекрасным эпитетом:

И первый раз не кровь вдоль по тебе текла, Но светлая слеза – жемчужина страданья.

А.С. Пушкин и М.Ю. Лермонтов посетили Кавказ, они познакомились с бытом и нравом его жителей, а затем отразили свои впечатления и чувства изящным слогом. Для них Кавказ и жизнь его народов стали источником высокого вдохновения. Образ кинжала стал как бы «пробным» камнем и первой ласточкой в освоении темы.

Продолжая разговор об образе кинжала в лирике, перенесемся из XIX в XX век, когда творили такие выдающиеся северокавказские поэты, как Р. Гамзатов, А. Кешоков и К. Кулиев, у которых имеются одноименные стихотворения на эту тему. У К. Кулиева есть два стихотворения, посвященные этому образу. Одно называется «Клинок и роза», состоящее из двух четверостиший, второе – «Кинжал». Первое четверостишие гласит:

Где зелень пробивается сквозь камень И на плечи ложатся облака, Мне дорог розы красноватый пламень И лунный блеск холодного клинка.

Лирический герой исповедуется в том, что любит розу и клинок за «пламень» и «холод». Метафоричны эпитеты «красноватый пламень» и «лунный блеск холодного клинка». В отличие от других поэтов лирический герой здесь «обращается» не к оружию, а к родной земле, извиняясь за беспокойство:

<...> Не забудь, Когда умру, ты мне своей рукою Клинок и розу положи на грудь³. (Пер. Я. Козловского) В стихотворении «Кинжал» К. Кулиев, как и русские классики и современные ему коллеги по перу, непосредственно обращается к кинжалу:

Ты, выкованный мастерами, Добру служил и злу служил, За что в аулах матерями Благословен и проклят был.

Затем поэт «расшифровывает» два противоположных чувства, вызываемые кинжалом у лирического героя, который говорит: «Тебя вонзала храбрость в грудь, а трусость всаживала в спину». Ко всем делам кинжал непременно «причастен по рукоять». И в описании самого предмета К. Кулиев дает социальную характеристику «хозяев» кинжала:

Порой ты беден был, но страшен Своей чеканной простотой, Порой насечкой был украшен И рукоятью золотой.

В конце стихотворения поэт делает выводы, дает резюме, подчеркивающее диалектику данного образа:

Я к равнодушным не причислен, Иную славу я стяжал. Ты дорог мне и ненавистен, Кавказский кованый кинжал⁴.

По иному к образу кинжала подошел выдающийся лирик Расул Гамзатов. Он не ограничился одним стихотворением, а создал большой цикл коротких философских зарисовок – «Надписи». Это надписи на дверях, могильных камнях, столбах, кувшинах, изделиях кубачинских мастеров, колыбелях, скалах, книгах и т.д. Среди них достойное место заняли «Надписи на кинжалах». Надо отметить, что именно Р. Гамзатов первым на Северном Кавказе ввел в поэзию циклы философских стихотворений из двустиший и четверостиший. Алим Кешоков такие миниатюры назвал стихами-стрелами.

Цикл «Надписи на камнях» Р. Гамзатова открывается следующим наставлением:

Приняв кинжал, запомни для начала: Нет лучше ножен места для кинжала⁵.

В отличие от других поэтов, создававших образ кинжала, Р. Гамзатов не обращается прямо на «ты» к кинжалу, его лирический герой ведет разговор с читателем, иногда мысли передаются от лица самого кинжала: «Для дружеской руки – вот рукоять моя, для вражеской груди – сталь острия»; «Помедли миг пред тем, как брать меня за рукоять»; «Со мной поймешь ты наконец: иной труслив, другой действительно храбрец»; «Если я не быстр, не остер, ты, хозяин, виноват». В остальных надписях сосредоточена восточная мудрость в виде нравоучений и констатации жизненных наблюдений и философских обобщений, как, например, в следующем метафоричном стихотворении:

Хоть солнце будет жечь его огнем, Кровь никогда не высохнет на нем.

Содержательным и оригинальным резюме заканчиваются нравственные поиски поэта Расула Гамзатова. В этих двух строчках заключены мудрость народа и находки автора. Свой индивидуальный и оригинальный взгляд на образ кинжала, ставший в мировой поэзии символом диаметрально противоположных чувств человека есть у перечисленных авторов. Каждый внес свой вклад в обогащение поэтического образа. Не исключение и классик кабардинской поэзии Алим Кешоков, написавший еще в 60-е годы прошлого века прекрасное стихотворение «Кинжал». Анализ данного произведения дается по тексту-оригиналу и в переводе Я. Козловского. Сразу необходимо оговорить, что перевод сделан неплохо, хотя есть некоторые упущения. В двух строфах (второй и третьей) перевод не полностью адекватен оригиналу. Во втором четверостишии упущена мысль поэта о переживаниях оружейника: «Зыхуэгузавэр мынысашэ – абы и мащІэт гумызагьэр?» («Переживал он не для свадеб, разве мало поводов для этого у мастера?»). В третьей строфе также нет мысли: «Ерыщым къамэр щІильыкІами, лей зэрихьэнум хуэмылыд» («Если упорный точил кинжал, то он не для зла блестел»).

В начальной строфе, как в оригинале, так и в переводе, сразу же заявляет основную мысль о философской диалектике, вытекающей из жизни и опыта народа:

Два лезвия кинжала одного, Они спиной обращены друг к другу И меж собою делят оттого Один позор или одну заслугу.

Алим Кешоков, как и предыдущие поэты, обращает внимание на то, что ковать кинжал «получал права лишь тот, кто оружейником родился», кто знал тайну этого трудного ремесла. К этому поэт добавляет, что и у самого кинжала есть свои тайны. «Кинжалу дан характер не раба», и клятва его лезвий нерушима, «но кто заверит, что непогрешима в веках кинжала тайная судьба?». Независимо от сана владельца, раб он или царь, кинжал может отражать «душевное величие или низкое падение души». Автор не придает социальный характер образу. И в следующей строфе А. Кешоков развивает тему, углубляет мысль о диалектике образа:

Честь не двулика. И не раз бывало, Кинжал надежно защищал ее. Не потому ль два лезвия кинжала Единое сливает острие?

Лирику А. Кешокова отличает национальное своеобразие, которое включает особенности адыгского менталитета, выразительно-изобразительные средства, фразеологию языка. В данном стихотворении незримо присутствует адыгская пословица «Два брата, что два зуба (лезвия)». Она проходит через все произведение, а в последнем четверостишии мысль автора получает новое звучание и оригинальное выражение:

Мерцает сталь холодная сурово, И я желаю более всего, Чтобы сливались истина и слово, Как лезвия кинжала одного.

Последние две строки имеют глубокий философский смысл о назначении поэзии. Типическими понятиями, ставшими философскими образами-символами в творчестве северокавказских лириков являются простые слова, означающие названия предметов окружающей действительности: гора, горы, скала, вершина и т.д. Здесь важно добавить, что «осмысление Кавказской войны и махаджирства привнесло в адыгскую поэзию новые темы, мотивы, образы, символы. <...> Центральными образами-символами стали полумесяц, Коран, мечеть, минарет, крест, горсть земли, дерево, камень, море, атрибуты одежды противоборствовавших сторон — царские мундиры, кольчуга, чувяки и т.д.»⁶.

С помощью олицетворения «камень» стал основой нравственных исканий многих поэтов. Этот образ стал даже названиями отдельных книг и произведений. Это – «Раненый камень» К. Кулиева, «Согретые камни» А. Кешокова, «Камень Асият» А. Охтова и др.

Как правило, А. Кешоков, создавая образы-символы как бы «стартует» от фольклорной традиции, а затем расширяет границы философских раздумий, как в следующем стихотворении о камне:

Рожденному на камне, мне в наследство Был отдан камень волею судеб. Мужчиной будь, – мне говорили с детства, – Чтобы уметь из камня выжать хлеб. (Пер. Н. Гребнева)

Лирический герой вместо хлеба научился из камня выжимать слово. Сами понятия «выжать из камня хлеб», «выжать из камня слово» совершенно новые в нашей поэзии. В них отражена философия хлебороба и поэта через образное слово. Нравственные искания А. Кешокова можно продемонстрировать и на примере стихотворения «Горы молчат». Данный образ широко использован в поэзии северокавказских поэтов. А. Кешоков и здесь находит оригинальное решение. Он перечисляет все тяготы жизни гор, на них обрушиваются бури, снег, водопады, но «Горы молчат. Молчат: они выше этого». В последней строке прекрасно обыграно понятие высоты, поэт передает замечательное чувство собственного достоинства. В одной фразе аккумулируются такие нравственные постулаты, как степенность, скромность, столь высоко ценимые в национальном характере адыгов.

Весьма оригинальным надо считать эпитет, использованный Кайсыном Кулиевым в названии сборника стихов — «Раненый камень» (1968). Образ камня поэт отобразил в нескольких стихотворениях («Камень», «Я над раненым камнем...», «Ты камнем стал», «Тень горы» и др.). Но этот образ в той или иной мере встречается во многих его творениях, и это вполне естественно, ибо К. Кулиева с детства окружали камни, скалы, горы, и жизнь его народа тесно связана с этим явлением природы, о чем автор пишет в стихотворении «Камень»:

Много раз я писал о тебе... Издавна Были камнем богаты аулы нагорий. И народ мой оставил свои письмена В камне: мудрость свою, и надежду, и горе.

Лирический герой считает камни книгой истории своего народа, из камня дома, башни, камень сохраняет имена людей, у «камней глаза», они видят, слышат. Конец жизни людей тоже связан с камнем. Последняя строфа наполнена печалью и предвидением. Поэт обращается к камню:

Я уйду, ты же будешь веками храним. Нет без камня и дерева горской дороги. Так недавно ты грел мои детские ноги У огня... Скоро станешь надгробьем моим...

Поэт прекрасно воспел в своей лирике родину, горы, камень, превратив их в оригинальные образы-символы.

Перечисленные образы-символы плодотворно использованы Р. Гамзатовым, А. Кешоковым, К. Кулиевым. Эти символы заняли место и в коротких философских стихотворениях, состоящих из двух, четырех строк, введенных в северокавказскую поэзию этими выдающимися художниками слова. Этот жанр каждый из них называл по-своему: у А. Кешокова они – стихи-стрелы, у Гамзатова – надписи и т.д.

Философская лирика перечисленных поэтов интенсивно начала входить в северокавказскую поэзию с 60–80-х годов прошлого века. В их творчестве гармонично соединены типические объекты северокавказской действительности и оригинальные поэтические находки каждого автора в соответствии с индивидуальным взглядом на мир вещей, что является признаком настоящей поэзии.

Примечания

- 1. *Баков Х.И*. Стихотворение «Кинжал» в системе нравственных ценностей лирики А. Кешокова // Известия Кабардино-Балкарского центра РАН. Нальчик, 2011. № 4. С. 66–71.
 - 2. *Лермонтов М.Ю*. Собр. соч. в 2-х томах. М., 1974. Т. 1. С. 165.
 - 3. Кулиев К.Ш. Раненый камень. М., 1968. С. 150.
 - 4. Там же. С. 154–155.
 - Гамзатов Р.Г. Пять пальцев. Махачкала, 1987. С. 127–131.
- 6. *Хавжокова Л.Б.* Художественное осмысление темы Кавказской войны и махаджирства в адыгской поэзии. Нальчик: ООО «Печатный двор», 2016. С. 84–85.

Kh.I. Bakov

TYPOLOGY OF NATIONAL POETIC IMAGES IN THE NORTH CAUCASIAN PHILOSOPHICAL LYRICS

In the article the typology of images in the North Caucasian philosophical lyrics is considered on the basis of the analysis of the verses of the leading creative individuals of R. Gamzatov, A. Keshokov and K. Kuliev, that had a significant influence on the literary process of the region. Particular attention is paid to the fruitfulness of poetic symbols of stone, rider, mountains, dagger, reflecting the national originality of these poets.

Keywords: typology, philosophy, image, symbol, poetry, original, character, poem, national originality.

А.Д. Болатова (Атабиева)

ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ УНИВЕРСАЛИИ В СЕВЕРОКАВКАЗСКОЙ ЭПИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

В статье рассматриваются вопросы «вечных тем» и универсальных образов в литературе, а также принципов их отражения посредством устойчивой символики, составляющей культурно-историческую и этно-ментальную основу национального сознания северокавказских народов. В работе анализируется семантика отдельных произведений региональной прозы с точки зрения мифоэпической составляющей.

Ключевые слова: общечеловеческие универсалии, мифологическое мышление, художественный контекст, архетип-символ, знаковый образ, Нартский эпос, мифоэпические традиции, этническое сознание, антропоморфизм, мифотворчество, фольклорно-литературный синтез.

Общечеловеческие универсалии во все времена преломлялись в субъективном авторском восприятии и обретали специфичность в национальном художественном контексте. Они основаны на философских размышлениях человека о мире и его устройстве. К обозначенному категориальному понятию относится все то, без чего немыслимы жизнь и художественное творчество. Точно так же как для науки естественен круговорот воды в природе, а для человечества безусловна цикличность самой истории, так и повторяемость всего на свете понимается как норма бытия.

В сегменте общечеловеческой проблематики внимание писателей мировой литературы неизменно сосредотачивалось на возвышенных идеях духовного плана: познании, поиске истины и смысла жизни, теме любви, добра и зла, мотиве нравственного выбора, переосмыслении вопросов теософии, жизни и смерти, соотношении в человеке темного и светлого начал. Зачастую, для того чтобы охватить все обозначенные ипостаси человеческого бытия в художественных произведениях переплетаются три пласта – метафизический (фантастический), исторический и реальный.

«В любой отрасли человеческого знания присутствуют общие идеи, выраженные в понятиях (терминах). Традиционно выделяются: сфера онтологических универсалий, антропологические универсалии, сфера национально-ментальных универсалий, мифологические универсалии или универсалии, восходящие к архаике, ... социокультурные, языковые (лингвистические) универсалии...»¹. Эстетическая и философская значимость подобных идей и образов состоит в их последующей индивидуальной трактовке. Краеугольным камнем едва ли не каждого литературного произведения, безусловно, является человек и вопрос о том, каково его место в мире и в чем заключается смысл существования.

«Северокавказская литература – многополярная система национальных литератур, имеющих немало общих признаков и традиций, прежде всего связанных с историей и культурой народов Северного Кавказа»². Развитие национальной прозы происходило по единой схеме и в ее эволюции заметны общие для всех северокавказских литератур закономерности. Осваивая традиции, заложенные предшественниками, писатели Северного Кавказа привносят свое мировидение в интерпретацию универсальных тем и обрисовку архетипических

образов. Мифологическое, образно-художественное мышление национальных авторов оставляет отпечаток в семантике их произведений, усложняющейся по мере того, как в художественный текст внедряется архаическая фольклорная атрибутика. Этим в некоторой степени объясняется многослойность современной романной структуры.

«Национальная картина мира тяготеет к общечеловеческой модели – универсуму, являясь частью мироздания и представляющая единство мира духовного и материального»³. Высказанные наблюдения иллюстрируются на художественном материале прозы карачаевского автора М. Батчаева («Аул Кумыш»). Очевидно, что мифологическое мышление писателя формировалось на основе идей и образов нартских сказаний. Мифоэпические традиции Северного Кавказа во многом созвучны общечеловеческим нравственно-этическим постулатам. Таково отражение извечного противостояния добра и зла в произведении «Элия» того же автора. Загадки, подтексты, намеки, мифологические вкрапления свойственны романам 3. Толгурова («Голубой типчак», «Белое платье»).

С фольклорных образцов берут начало и социальные мотивы в литературе. «Темы, сюжеты, образы, формулы, архетипы, символы закономерно перетекали из фольклора в имплицированном виде в канву художественного произведения»⁴, усиливая философскую насыщенность текста. В качестве наглядного примера служит «Черный сундук» Х. Аппаева, в структурном оформлении которого использован фольклорно-литературный синтез, как доказательство того, что национальное мышление базируется на традициях устного народного творчества.

На материале национальной прозы можно проследить процесс усложнения мифологизма и метафоризации системы традиционных образов. Так архетипысимволы (воды, дерева, горы, камня, земли, очага, дороги), привычные для эпоса многих народов, получают новаторское воплощение в творчестве известных региональных авторов: Д. Кошубаева «Абраг», М.Н. Цагараева «Последняя ночь», М. Емкужа «Ночь Кадар», Х. Байрамуковой «Утренняя звезда», З. Толгурова «Большая медведица», А. Теппеева «Мост Сират», Х. Бештокова «Каменный век», М. Эльберда «Страшен путь на Ошхомахо». Общечеловеческое звучание и нравственно-этическая проблематика Нартского эпоса, полновесно отражены в указанных произведениях.

Важно подчеркнуть, что характерной особенностью этнического сознания северокавказских народов является наделение символических образов сакральным смыслом. «Символика гор используется в романах А. Шортанова «Горцы», Х. Байрамуковой «Утренняя звезда». Сакрализация гор связана с культом камня у горцев, мифологема камня становится символом исторической памяти» Присущий эпической традиции антропоморфизм, преподносится в современной прозе в философском ключе.

Со временем различные типы национальной духовности органически синтезировались в общую этническую память. А память о прошлом хранят эпические сказания и яркие фольклорные образцы. Герои указанных произведений декларируют нормы горской морали, мотивирующие все их последующие действия. Для эпической традиции характерна идеализация образов, в которых, по обыкновению, воплощались нравственно-этические нормы поведения. Художественная концепция национального характера строится именно на этих канонах. Ярким образцом такого мировоззрения является повесть 3. Толгурова «Алые травы». Фольклорные формы эпического мышления реализованы во многих произведениях региональной прозы. Примером фольклорно-литературного синтеза, показателем плодотворно развивающегося мифотворчества является проза Н. Куека («Черная гора»), М. Хакуашевой («Притча») и др.

В качестве одного из способов межкультурных взаимовлияний в отражении общечеловеческих идей следует обозначить билингвизм (русскоязычное творчество

национальных авторов). Афористичность и причудливость художественного слова, столь характерные для произведений фольклора, присущи и прозе постмодернистского толка (книга Б. Чипчикова «Мы жили рядышком с Граалем»). Стереоскопичность повествования, наслаивание смыслов, сложное сплетение сюжетных линий делают такие произведения незаурядными. Устойчивые архетипы, заимствованные из эпической традиции Северного Кавказа (дороги, дерева, реки) «являются важными фабулообразующими элементами повести Ю. Шидова «Давай улетим на облаке»⁶.

В мифоэпической традиции Северного Кавказа человек интерпретируется как нравственный идеал, а национальные образы мира во многом обусловлены обычаями, стереотипами мышления и особенностями менталитета. Анализируя материал эпической прозы карачаевцев, а в частности — первый исторический роман в национальной литературе («Ассы» О. Хубиева) исследователь Шаманова З.Б. указывает на основные содержательные, мировоззренческие аспекты произведения — соотнесение человека, времени и истории, сплетение национальных и общечеловеческих мотивов. «В этом романе писателю удалось слить воедино философские, общечеловеческие идеи и конфликты социальной действительности»⁷.

Таким образом, в контексте художественных произведений национальной прозы, так или иначе, преломляется общий для мировой литературы «универсум». В рамках данной статьи мы попытались вкратце охарактеризовать, каково же субъективное восприятие традиционного эпического материала и в чем заключается специфика авторского мировидения в подаче уже известных, повторяющихся образов и мотивов. Стремление писателей к постоянному поиску возможностей художественного отражения и воплощения общечеловеческих онтологических идей, тем и универсальных образов в индивидуальном творчестве заложило основы литературной традиции в том виде, в каком мы ее воспринимаем с позиций современной интерпретации.

Примечания

- 1. Старыгина Н.Н., Березина О.С. Универсальные ситуации как пример литературной универсалии (на материале романа Н.С. Лескова «На ножах») // Вестник Марийского государственного университета. № 5 (20). Йошкар-Ола: Марийский государственный университет, 2015. С. 88.
- 2. Мурнаева Л.И. Поэтика современной северокавказской русскоязычной прозы: дисс. к.ф.н. Электронный ресурс/elib.sfu-kras.ru/murnaeva. Poetika-sovremennoy-severokavkazskoy-russkoyazychnoi-prozy.pdf. Пятигорск, 2016 (дата обращения: 27.09.17).
- 3. *Боташева З.Ш.* Мифо-фольклорные истоки и литературные взаимодействия в карачаевской прозе второй половины XX века: автореф. дис. к.ф.н. Карачаевск, 2009. С. 14. Электронный ресурс / http://cheloveknauka.com/mifo-folklornye-istoki-i-literaturnye-vzaimodeystviya-v-karachaevskoy-proze-vtoroy-poloviny-xx-veka.
- 4. Джавадова Л.Д. Национально-художественные традиции в лезгинской литературе. Электронный ресурс /Psibook.com./literatura/natsionalno-hudozhestvennye-traditsii-v-lezgin-skoy-literature/html. 2012 (дата обращения: 29.09.17).
 - 5. Боташева З.Ш. Указ. соч. С. 12.
 - Мурнаева Л.И. Указ. соч. С. 2.
- 7. Шаманова З.Б. Проза Османа Хубиева в свете формирования эпических традиций карачаевской литературы: автореф. дис. к.ф.н. С. 18. Электронный ресурс/http://www.dissercat.com/content/proza-osmana-khubieva-v-svete-formirovaniya-epicheskikh-traditsii-karachaevskoi-literatury (дата обращения: 2.10.17).

A.D. Bolatova (Atabieva)

HUMAN UNIVERSALS IN THE NORTH CAUCASIAN EPIC

In the article the issues of "eternal themes" and universal images in the literature and the principles of their reflection through sustainable symbols, component of the cultural-historical and ethno-cultural basis of national consciousness of the North Caucasian peoples. This scientific study analyzes the semantics of individual works of regional fiction from the point of view mifoepical component.

Keywords: human universals, mythological thinking, artistic context and subjective perception of the world, an archetype-a symbol, an iconic image, the semantics of the text, Nart epos, mifoepical tradition, ethnic consciousness, anthropomorphism, myths, folk-literary synthesis.

Е.Н. Бетуганова

ЭВОЛЮЦИЯ ЖАНРА РАССКАЗА В КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПОСТСОВЕТСКОГО ПЕРИОДА: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Статья посвящена определению идейно-тематического и художественного своеобразия малых жанров, созданных в постсоветский период, установлению их художественно-стилевых особенностей, выявлению эволюционных изменений, произошедших в идейно-тематическом отношении, рассмотрению преемственной связи между представителями разных писательских поколений.

Ключевые слова: рассказ, постсоветский период, история, символика, образ.

Определенные жанры актуализируются в определенные фазы общественной жизни. Давно замечено, что расцвет малого жанра совпадает с так называемыми переходными эпохами в жизни наций. В XX веке в русской литературе эта тенденция проявляется необычайно ярко. После катаклизмов начала 90-х «новая» кабардиночеркесская литература начинается именно с рассказа. В переходные периоды, когда происходит переоценка ценностей, когда меняется мировоззренческая ориентация и новая концепция личности только угадывается, нащупывается, на авансцену литературного процесса выдвигается рассказ. Исследователи особо выделяют такие свойства рассказа, как оперативность и мобильность. Эти качества позволяют рассказу значительно быстрее других жанров сосредотачиваться на злободневной проблематике. Сказанное не означает, что в переходные периоды пишут только рассказы. В любые эпохи (в том числе и в переходные, особенно в последние полтора — два столетия) появляются произведения разных жанров. Но произведений определенных жанров заметно больше, а главное — они выделяются в художественном отношении. И этого не заметить нельзя.

Литература постсоветского периода возникала как реакция на общественную ситуацию в стране, на изменение политического строя, на реконструкцию государственного устройства. Образ постсоветской России в кабардино-черкесских рассказах неоднозначен: облик нового времени видится прозаикам через мотив дороги, ветра, пути, реки, наводнения. Д.С. Лихачев утверждал, что от эпохи к эпохе, по мере того как шире и глубже становятся представления об изменяемости мира образы времени обретают в литературе все большую значимость: писатели все яснее и напряженнее осознают, все полнее запечатлевают «многообразие форм движения», «овладевая миром в его временных измерениях»¹. Т. Камергоев в рассказе «Блынымрэ сыхьэтымрэ» («Стены и часы») запечатлевает начало постсоветского периода в образах стены, окна, часов. Огромную роль в создании художественных образов такой необычайной емкости и обобщающего значения играют символы. Стена в литературе оценивается, как «ограда», дающая человеку чувство защищенности, уверенности, безопасности. Ее разрушение позволяет автору тонко передать состояние человека постсоветской культуры, который оказался не готов к разрушению привычной картины мира, потере устойчивого социального статуса. Выражающий идею проникновения нового исторического периода образ окна очеловечен. Из уст главного персонажа и звучат основные мысли автора: «Мы лъэхъэнэщІэ зэфІащам, и нэгу хуиту уригъэплъэн сэ сщІэрэ, и щхъуабзэ утригъэплъэну пІэрэ?»² («Это так называемое новое время, не при том, что впустить, а вообще подпустит ли?»).

Проблемы, волнующие современное писателю общество, становится предметом размышления кабардино-черкесских авторов и воплощаются в тематике — выборе материала изображения. Время глобальных реформ, захлестнувших Россию «сломало» систему прежней «морали», существенно перевернув все нравственные ценности. Коммерциализация, ослабление государственного контроля, потеря идеалов, кризис системы нравственных ценностей — характерные черты для постсоветского времени, стали причиной коррупции, пронизывающей все слои общества и проявляющейся в разнообразных формах: мошенничество, злоупотребление должностными полномочиями, взяточничество. З. Канкулов выбрал оригинальный способ отражения неуправляемой коммерциализации, свойственной этому периоду.

В рассказе З. Канкулова «ПщыхьэпІэ» («Сон») рынок подчинил себе все, что пользуется спросом и может принести прибыль, так обычным рядовым товаром, точнее говоря, его гипертрофированным денежным эквивалентом становится совесть. Прозаическую ткань рассказа З. Канкулова организуют различные художественные элементы. Для более углубленного раскрытия темы автор вводит в свой рассказ такой внесюжетный элемент как сон, который выполняет важную функцию в качестве композиционного элемента: концентрация на небольшом участке текста основных смысловых нитей и мотивов; становится проекцией тех мыслей, которые не давали покоя самому писателю.

Муахиду, главному герою рассказа, снится сон: «МуІэхьид щащыху хужьыбзэ зытепхъуа Іэнэхэм еплъурэ хуэмурэ ирикІуэрт. Пхъэщхьэмыщхьи хадэхэкІи щащэркъым мы бэзэрым. Мес, лІы фафІэшхуэм цІыху напэ къабзэ дыдэ стІолым къытрилъхьащ...» («Муахид проходит мимо прилавков, накрытых белейшими покрывалами. На этом базаре не продают ни фрукты, ни овощи. Вот, представительный мужчина кладет на стол чистейшую совесть...»). Возникает вопрос, почему автор связывает белый цвет и продажу совести, ведь белый цвет рассматривается в символике, как цвет — святости, достоинства и означает все хорошие и наилучшие качества. Однако этот цвет используется также в ритуальной церемонии — умершего заворачивают в белый саван. В этом и кроется основная причина, почему автор расположил совесть на белейшем покрывале — это своего рода похороны человеческой совести. Использования подобного художественного приема позволил автору отразить, происходившие в 90-е годы перемены, которые деформировали нравственность и социальную ориентацию людей.

Многие рассказы современных авторов обращены в историческое прошлое. Художественное сознание стремится к воспроизведению соотношений: история и человек, время и человек; осмыслению исторического пути, пройденного народом. Рассказ «Псэ зэрышх» («Терзания души») Н. Лукожевой – не просто рассказ, это своеобразная хроника времени – хроника, увиденная сквозь призму восприятия автора. В постсоветский период поиск новых способов воплощения идей и замыслов продолжается. «И вполне естественно, что для писателей актуальными стали мифы, ритуалы, древние символы»⁴. Так в рассказе символом Гражданской войны 1918–1920 годов – одного из самого трагичного периодов в истории России стал образ кровавой реки. Большое значение автор придает цветовой символике: главные цвета, используемые автором, - красный и черный. Цвет доминанта - красный, он символизировал кровь рабочих и крестьян, пролитую в борьбе за советскую власть. Далее автор пишет: «НэгъуэщІ щІыпІэхэм деж фІыцІэу ипцІыхыжат» («В других местах кровь была запекшаяся»). Исторически, черный цвет принято считать цветом запекшейся крови. Черный цвет олицетворял анархизм - политическую философию, ликвидацию любого принудительного управления и власти человека над человеком. Название

многих анархистских групп содержит слово «чёрный». Также существует масса анархистских периодических изданий под названием «Чёрный флаг»⁶. В адыгской прозе заявил о себе исторический рассказ новой жанровой модификации. Это был рассказ об историческом прошлом с ярко выраженным мифоэпическим началом. «Весьма характерно, что адыгская литература, обращаясь к мифу, старается как можно глубже зачерпнуть из мифа, как из неиссякаемого кладезя народной мудрости, новых образов, способов и приемов для более самобытного выражения национального духа и мироощущения»⁷.

В повествовательной канве рассказа, его образной системе присутствуют мифологические божества. Рассказ апеллирует к таким мифологическим божествам как МэзылІ-Мазитль — мифическое существо, проживающее в лесу, Псыхъуэгуащэ-Псыхуогуаша — богиня рек . Мазитль и лес, из которого леший выглядывает символизирует — «третью силу», именуемую зеленая. Так же как и мифическое божество, зеленые прятались в лесах (отсюда название). В Гражданской войне воевали не только «красные» и «белые». Была и третья сила «зеленые». «По словам кандидата исторических наук Руслана Гагкуева, в тех сражениях не было побежденных, а были только уничтоженные. Именно поэтому сельские люди целыми деревнями, а то и волостями стремились любой ценой защитить островки своего мирка от внешней смертоносной угрозы, тем более что у них был опыт крестьянских войн. Это явилось главной причиной появления третьей силы в 1917—1923 годах — «зеленых повстанцев»⁸.

Образ Псыхогуаши олицетворяет падение монархии и начало гражданской войны. Символизм включил в себя иные явления культуры – философию, религию, мифологию. «Псыхъуэгуащэ къыздыхэкІыу щытам деж шейтІанхэм хъийм икІауэ джэгу щащІт» (Там, где Псыхогуаша вышла из реки, шейтаны устроили бешеные танцы») », – пишет автор. Подобное устойчивое сочетание «ШейтІан джэгу» («Пляс шейтанов»), автор использует неслучайно: в нем скрыто авторское понимание гражданской войны и её оценка. «Шайтаны – персонажи низшей мифологии, вредящие человеку и животным. Заимствовано из мусульманской традиции. В узун-яйлинском нарративе распространен инвариантный сюжет о шейтІан джэгу шайтанских плясках, куда героя вовлекают обманом», вводят его в заблуждение» 10. Авторское отношение к изображаемому не находит отражение в прямых оценках, анализ семантики и символических смыслов, присущих мифическим божествам дает возможность рассмотреть специфику авторской модели мира 11.

Сложный и противоречивый период нашей истории изображали многие писатели. Разные точки зрения и политические позиции этих писателей сегодня особенно интересны нам, потому что дают объемную, всестороннюю картину событий прошлого. Внесла свои штрихи в общую картину и Н. Лукожева.

В годы войны художественные произведения выполняли свою основную функцию: отвечали идейному запросу эпохи. Произведениям о Великой Отечественной войне советского периода свойственна соотнесенность человека и эпохи. Личность нисколько не стиралась, не нивелировалась, но ситуация требовала того, чтобы она отодвинула индивидуальное ради торжества интересов, общих для многих людей. Мысли и чувства главных героев проверялись общенародным делом, в котором они участвуют. Конкретный человек с личными чаяниями, интересами отходил на второй план. При этом внимание писателей к душевным переживаниям персонажей, к раскрытию характеров в их индивидуальной сути подчинялось данным принципам типизации. На путях поиска и воплощения правды войны кабардино-черкесские писатели достигают новой глубины, их произведения приобретают философское значение. Справедливы наблюдения Г. Ломидзе над процессами, происходящими в военной литературе: «Говорить правду о войне, ничего не приукрашивая, не сглаживая остроты и трагичности —

это не улучшение истории, не привнесение опыта современности в опыт прошлого, это новое открытие существовавшего, возвращение без ограничений, без усечения правды истории» 12.

Биберд Журтов показал, к каким тяжелым последствиям привела война. В рассказе «Пощтым» («На почте») вся ответственность легла на плечи вдовы, которой неоткуда было ждать помощи – вся семья надеялась на ее скромный доход. А потому получать пенсию отца она отправляет сына. Рассказывая о существовавшей в послевоенное десятилетие системе социальной защиты детей-сирот, автор затрагивает в рассказе важную проблему: голод, охвативший всю страну в первые годы после войны, способствовал росту преступности: обезумевшие люди ради собственного спасения и своих близких шли на воровство. Кругом голод и разруха. У каждого человека была своя трагедия. Сердца людей ожесточались, черствели и оставались равнодушными к чужой боли. Так почтальон обманным путем, якобы он отдал положенную пенсию ребенку, который так и не смог дойти до почты, испугавшись гусей, присваивает деньги себе, тем самым убивая мечту ребенка, воплощенную в образе синего мяча. Тем самым автор опровергает распространенную мысль о неестественном взрослении детей в годы войны, при этом подчеркивая, что природные качества детства всетаки берут свое.

Современная эпоха, как известно, характеризуется двумя главными чертами: с одной стороны, небывалым, невообразимым научно-техническим прогрессом в области коммуникации и, с другой стороны, стремительно ускоряющимся процессом глобализации как важнейшим результатом этого научно-технического прорыва. Повышенный интерес литературы к проблеме национальной идентичности — это реакция на глобализацию. Именно поэтому столь актуальны стали во всем мире вопросы: что такое национальная идентичность и национальный характер, как их защитить от нивелирующих все и вся глобальных процессов, где их корни и источники. Адыгская литература стала одним из главных инструментов сохранения национальной и культурной идентичности. Традиции и обычаи созданы творческим гением народа, близки и дороги ему, веками служили и служат людям. Каждый народ имеет свои исторически сложившиеся традиции и обычаи, разные по уровню и глубине своего идейного содержания в зависимости от исторических судеб народа. К ним люди привыкли, веками почитают их.

Кабардинские и черкесские авторы в современной прозе поднимают проблему преодоления негативного в традиционных представлениях людей, пытаются выяснить, что прогрессивно, а что устарело. В рассказе «Бабыцэ сымэ» Борис Гаунов рассуждает о негативном характере некоторых брачно-свадебных платежей и чрезмерных тратах, представляет дарообмен в процессе свадебных обрядов пережитками прошлого, с которыми нужно бороться. Большие, зачастую непомерные затраты на свадебное взаимоодаривание и угощение в прошлом практиковались только в верхушечных слоях общества, которым одним они были под силу и которые таким образом поддерживали и повышали свой социальный престиж. Однако автор указывает на то, что в современном мире под влиянием обывательского общественного мнения так приходится поступать и тем, кому это не по средствам, а недовольство "обделенной" подарками родни приводит к конфликтами в молодых семьях и даже к разводам.

Как и случилось в рассказе «Бабыцэ сымэ». Свекровь составила невесте список подарков, которые она должна была привезти с первой послесвадебной поездки к своим родителям. В своих мечтах она представляла, как будет показывать соседкам дорогие подарки, привезенные невестой. Поскольку сокровенным мечтам свекрови не суждено было сбыться, невесту в скором времени вернули в отчий дом, несмотря на то, что к подаркам прилагался бык. Но, к сожалению, и бык, не стал залогом долгой семейной жизни.

В литературе постсоветского периода так же можно проследить ее возвращение к религиозным мотивам. Авторами рассматриваются особенности религии как способа отношения к миру и ее влияние на развитие кабардино-черкесской литературы. Так, например, в рассказе Атнатолия Камергоева «Зымрэ нолымрэ» («Один и ноль») числа выступают, как символы. Они всегда притягивали своим скрытым смыслом, художественной активностью. В наибольшей мере автор отдает предпочтение цифрам один, четыре, пять, ноль. Единица, уставшая от одиночества, решила найти себе спутника. Первым, кто встретился на пути, стал ноль, который с радостью согласился скрасить одиночество независимой единицы, но получил отказ, отдав предпочтение четверке или пятерке, ведь ноль в сознании ассоциируется с нечто не существующим, не представляющим ценность. А. Камергоев своеобразен в своем творчестве тем, что искания правды, Бога, души, смысла жизни он совершал, исследуя не возвышенные проявления человеческого духа, а нравственные слабости, конкретнее – меркантильность.

Цифровая символика – важное и одновременно очень сложное средство раскрытия авторской позиции. Единица - начало, первичное единство (первопричина), создатель (Бог). В старинном алхимическом трактате читаем: «Один есть всё – и всё от него...». Исходя из этого, единица символизирует рождение новой жизни, а спутник, которого единица хочет найти – смысл его существования. То, что единица поначалу отдает предпочтение четыре и пять, говорит о том, что в первую очередь для него важны стабильность и здоровье. Число четыре – символ максимальной устойчивости, универсальной стабильности, порядка, надежности, прочности. А пять у греков была священным символом света, здоровья и жизнеспособности. Подобным образом автор противопоставляет материальное начало духовному – возвышенному, приближенному к сакральному. Только столкновение с вором-девяткой, дает возможность осознать единице, что спасение в ноле, показавшейся ей пустым. В исламской религии — ноль символ Сущности Божества. А.П. Чехов писал: «Только вера, истинная вера, которая подвергается серьезному испытанию, может уберечь человека от безысходности и уныния – но иначе и не обнаружить истинности самой веры»¹³. Главная мысль рассказа – вера, та самая могучая сила, которая готова противостоять вселенскому злу. Автор хочет подчеркнуть, что тот духовный уровень, на котором утверждается вера, неизменно выше уровня рассудочных, логических доводов, на которых пребывает безверие. Духовный мир становится идеальным образцом для мира земного и в то же время целью, по направлению к которой должно двигаться человеческое сообщество. Музыка, искусство и литература трактуются как призванные транслировать сконструированные религией ценности, сделать их максимально доступными для восприятия, сохраняя определенное канонами содержание.

Таким образом, постсоветский период изменил расстановку писательских сил, обеспечил значительно большую свободу творческого самовыражения. Врезультате в произведениях молодых авторов прослеживается личность прозаика, его субъективное ощущение, индивидуальное восприятие жизни.

Примечания

- 1. Время и пространство художественного произведения [Электронный ресурс]. URL: (https://studwood.ru/1345035/literatura/vremya_prostranstvo (дата обращения: 10.09.2017).
 - 2. КІэмыргуей Т. Сэщхьыркъэпс. Новеллэхэр. Рассказхэр. Налшык: Эльбрус, 2007. 96 с.
 - 3. Къанкъул 3. Къалэм дэгъуэщыхьа. Повесть. Рассказхэр. Налшык: Эльбрус, 2004. 96 с.
- 4. *Паранук К*. Мифопоэтика и художественный образ мира в современном адыгском романе. Майкоп: Адыг. Респуб. кн. изд-во, 2012. 352 с.
 - 5. Лыкъуэжь Н. Щхыщхь макь. Эссе. Рассказхэр. Налшык: Эльбрус, 1998. 144 с.
- 6. Анархистская символика [Электронный ресурс]. URL:https://ru.wikipedia.org/wiki (дата обращения: 03.05.2017).

- 7. Паранук К. Мифопоэтика и художественный образ мира в современном адыгском романе. Майкоп: Адыг. Респуб. кн. изд-во, 2012. 352 с.
- 8. «Зеленые» в гражданской войне: третья сила [Электронный ресурс]. URL: http://russian7.ru/post/zelenye-v-grazhdanskojj-vojjne-tretya/ (дата обращения: 03.05.2017).
 - 9. Лыкъуэжь Н. Щхыщхы макъ. Эссе. Рассказхэр. Налшык: Эльбрус, 1998. 144 с.
- 10. Мифологический нарратив в черкесской диаспоре: сохранность, семантико-прагматический аспект [Электронный ресурс]. URL:http://oaji.net/articles/2016/2675-1455145265.pdf (дата обращения: 03.05.2017).
 - 11 Там же
 - 12. Ломидзе Г. Нравственные истоки подвига. Москва: Советский писатель, 1985. 337 с.
- 13. Проблема человека и веры в произведениях писателей [Электронный ресурс]. URL:http://www.rlspace.com/problema-cheloveka-i-very-v-proizvedeniyax-pisatelej-raquo-sochinenie-literatura-knigi-russkie-knigi-russkaya-literatura-voennye-sochineniya-na-svobodnuyu-temu-sochinenie-o-zime-sochinenie/ (дата обращения: 03.05.2017).

E.N. Betuganova

EVOLUTION OF THE STORY GENRE IN KABARDINO-CIRCASSIAN LITERATURE OF POST-SOVIET TIME: DEVELOPMENT TRENDS

The article is devoted to the identification of ideological, thematic and art specialty of the small genres created in post-Soviet time. There are brought out their art and style features. Evolution changes, which took place in ideological and thematic attitude, are detected. Successive relations between writers of different generation are considered.

Keywords: story, post-Soviet time, history, symbolism, image.

Л.С. Гергокова

НЕКОТОРЫЕ ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ АНЕКДОТА И ЕГО МЕСТО В ФОЛЬКЛОРНОМ НАСЛЕДИИ КАРАЧАЕВЦЕВ И БАЛКАРЦЕВ

Данная статья посвящена изучению некоторых жанровых особенностей анекдота и его роли в фольклорном наследии карачаевцев и балкарцев. В карачаево-балкарской фольклористике, как и в других языках, должного внимания изучению данного вопроса не было уделено. В работе особый акцент делается на истории о приключениях излюбленного героя бесчисленных анекдотов многих народов — Ходжи Насреддина, а также уделяется внимание истории создания анекдотов из бытовых сказок, различию стилей между этими жанрами.

Ключевые слова: устное народное творчество; анекдот; сатирические, юмористические рассказы; несказочная проза; фольклорный жанр; Ходжа Насреддин.

Во всех жанрах фольклора выражается самобытность, колорит, богатство слова, нравственность каждого народа, но наиболее отчетливо критическое отношение к действительности, можно сказать, проявляется в сатирических, юмористических рассказах, которые называются анекдотами. Уже с древних времен в устном народном творчестве разных народов широко бытуют эти рассказы, хотя ученые и не считают их особо ценным жанром.

Разные ученые дают свое определение анекдотам: «Анекдот – это повествовательное произведение эпического характера с острой ситуацией, лежащей в его основе, и неожиданностью развязки. В анекдоте нашли своеобразное воплощение общечеловеческие темы и идеи, определенные социальные отношения, показан быт народов домашняя жизнь, морально-эпические и нравственные понятия»¹.

Гусев В.Е. отметил, что: «Анекдот мы называем эпическое, сатирическое или юмористическое произведение, построенное на одном эпизоде с резко выраженной кульминацией и неожиданной концовкой. Анекдоты охватывают все богатство и разнообразие жизненных явлений, отклоняющихся от социально-бытовых норм народной жизни»² и т.д.

В карачаево-балкарской фольклористике, как и в других языках должного внимания, изучению данного вопроса не было уделено. Исследователи по разному выделяют анекдоты: одни *«чамла»*, относящиеся к сказкам и юмористические рассказы *«чам, масхара хапарла»* причисляемые к несказочной прозе.

«Бытующие в среде карачаевцев и балкарцев анекдоты в специфической форме отражают жизнь народа, его морально-этические и эстетические понятия и нормы, раскрывают своеобразие его менталитета»³.

Эти произведения возникают в процессе жизнедеятельности людей, являясь жанром несказочной прозы, основываются на достоверных фактах, при этом воспринимаются как вымысел. В некоторых из них встречается элементы фантастики, но, несмотря на это, анекдот воспринимается как действительное. Недостатки общества и его отношение к окружающему миру, художественное отображение действительности воплощаются в этих сатирических рассказах.

«Действительно, анекдоты становятся узнаваемыми благодаря относительно постоянным наборам возможных персонажей, имеющих стабильные речевые и поведенческие характеристики и потому не нуждающиеся в представлении»⁴.

Бытуя в устном народном творчестве с давних времен, их распространенность является причиной появления устойчивых формульных признаков и типичных образов. «По своей идейно-тематической направленности, художественно-эстетическому воздействию, общественной функции и бытовому назначению анекдоты обнаруживают наибольшее сходство с бытовыми сказками. Различие же преимущественно проявляется в художественном вымысле»⁵.

В своей основе анекдот имеет элемент сатиры и один анекдотический эпизод, завязку, развитие действия и кульминация, что приводит к неожиданной концовке, а бытовые сказки состоят из нескольких эпизодов и имеют зачин, завязку, развитие действия, кульминацию и развязку. «То есть, структурные признаки анекдота, составляющие его жанровое ядро, специфически связаны с композиционной кульминацией анекдота. Само повествование может иметь любую вербальную структуру. Однако реализуется она как остроумная игра в, казалось бы, неподходящих для игры условиях»⁶.

Между сказкой и анекдотом имеются различия в стиле. В анекдоте используется разговорный язык, но исполнитель подбирает наиболее красноречивые слова, тем самым приближая его к литературному стилю. Сказки же отличаются наличием средств художественной изобразительности.

В устном народном творчестве карачаевцев и балкарцев очень много таких сатирических, юмористических рассказов, но мы остановимся на историях о приключениях излюбленного героя бесчисленных анекдотов многих народов Ходжи Насреддина. «У разных народов существуют свои имена для этого популярного героя анекдотов. Собственно «Ходжой Насреддином» его называют у узбеков, таджиков, а также у турок (у последних для этого персонажа еще есть имя Бу Адам), у азербайджанцев это Молла Насреддин, у иранцев – Мулла Насреддин, у афганцев – Насреддин Афанди и др.»⁷.

Эти рассказы носят преимущественно социально-бытовой характер. Насреддин Ходжа был человеком острым на язык, с особой смекалкой, выступал на стороне бедных и обездоленных, всегда одерживал победу над врагами, благодаря мудрым поступкам и словам. Основным оружием Ходжи Насреддина постоянно является его хитрость, хорошо подвешенный язык, чувство юмора и смекалка.

Например, в рассказе «Ты возьмешь тот рубль» «Ол сомну сен алырса» Ходжа проходил по дороге, и кто-то сзади подбежал и ударил его по шее. Когда Насреддин Ходжа обернулся, то увидел совершенно незнакомого человека. Тот извинился, признал, что не хотел его бить, обознался. Это Ходжу не успокоило. Он подал на него в суд.

Так как судья оказался другом того человека, то не дал должного внимания жалобам Ходжи. Присудил, чтобы обидчик выплатил Ходже один рубль. Судья и Ходжа стояли и ждали того человека, который должен был принести деньги. Не довольный действиями судьи Ходжа не стал ждать. Размахнулся, ударил кулаком в ухо судью и сказал: «У меня больше нет времени ждать. Принесет рубль, возьмешь ты», – и ушел» (Здесь и далее перевод автора).

Подобных анекдотов с комической концовкой о дворянах, судьях, муллах очень много, они ставят их в глупые ситуации. «Их недостойное поведение, хамство, наглость, бесстыдство всегда или почти всегда разоблачает представитель народных масс. Тем самым народ приходит к выводу: ему будет лучше без правящей верхушки, он сам в состоянии распоряжаться своей судьбой. Настоящий вершитель своей судьбы и защитник Родины — это народ, симпатии и антипатии которого предельно ясны и четки. Слушателю сатирического хабара не надо делать пространные выводы, что-то домысливать, чтобы понять отношение народа к правящим слоям общества» 9.

Мстителем, вершителем правосудия в таких анекдотах является народ в образе Ходжи Насреддина. Хитрого и остроумного человека, кажущегося ненормальным и эксцентричным, что на самом деле являются только маской, чтобы отвлечь внимание.

Подобные анекдоты удовлетворяли эстетические требования народов северного Кавказа, с принятием ислама в народе все больше становилось людей, владеющих арабским, персидским и тюркским языками. Все это стало толчком к тому, что короткое время у карачаевцев и балкарцев распространилось огромное количество анекдотов с участием муллы. В это же время обрели широкою популярность анекдоты про Ходжу Насреддина и муллу.

Например, в произведении «Ответ муллы» «Эфендини жууабы», люди пытаются подшутить над Ходжей Насредином и спрашивают:

– Как ты думаешь, мертвый человек может ожить.

Насреддин, долго не думая, указывая пальцем на муллу, ответил:

— Об этом спросите у него, муллы. Он сумеет ответить вам, как ему удобно»¹⁰. Во все века люди осмеивали явления действительности, которые противостояли суждениям народной морали и справедливости, поэтому анекдотов, посвященных этой теме, очень много. Они вторгаются во все сферы жизни и деятельности людей, пропагандируя правду и справедливость. Правы те исследователи, которые считают, что цель анекдотов «...борьба с косностью, ложью и лицемерием, в каких бы формах они не проявлялись. Никакие догмы для анекдота не существуют, он свободен от политических и иных установок, никак не зависит от конъюнктуры. Анекдот обнажает и подвергает беспощадному осмеянию как пороки общества в целом, так и недостатки отдельных конкретных людей»¹¹.

Следовательно, анекдот, являясь жанром несказочной прозы, в основном достоверен и воспринимается как реальное происшествие, тогда как основу бытовой сказки составляет вымысел и воспринимается как нечто фантастическое. Эти рассказы являются частью устного народного творчества карачаевцев и балкарцев. Они являются богатством народа, переходящим из уст в уста, при этом обретая свое бессмертие. Пока жив народ, его устное словесное искусство не увянет и не исчезнет.

Анекдоты существуют в двух формах: как и все произведения устного народного творчества в устной форме, а также в письменной. У карачаевцев и балкарцев анекдоты в устной форме выступает вместе с шутками, передразниваниями, сказами, быличками, приветствиями, а в письменной форме они зафиксированы в разных журналах, сборниках, в газетах, а также на сайтах Интернета.

Фольклор постоянно соприкасается с литературой, так как последняя и складывается на основе устного поэтического творчества. В процессе развития, передаваясь из уст в уста, фольклор испытывает на себе влияние литературы, поскольку они не существуют обособленно, а развиваются, постоянно соприкасаются.

Таким образом, карачаево-балкарские анекдоты, оставаясь долгое время вне поля зрения фольклористов, на сегодняшний день как традиционный жанр фольклора развиваются и распространяются весьма активно. Исходя из всего вышесказанного, правомерно сделать вывод, что анекдоты, берут начало из бытовых сказок, и в настоящее время отделились от них и стали самостоятельным популярнейшим фольклорным жанром широко бытующим в народе. Фольклористами собрано достаточно интересного материала, для того чтобы подробно исследовать данный жанр, переходя от частных характеристик к исследованию поэтики, что является поводом для более подробного изучения данного жанра.

Примечания

- 1. Традиционный фольклор народов Дагестана. М.: Наука, 1991. 496 с. С. 347.
- Гусев В.Е. Эстетика фолоклора. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1967. 319 с. С. 127.
- 3. *Гулиева Ф.Х*. Карачаево-балкарская несказочная проза и ее традиции в балкарской литературе. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2015. 152 с. С. 55.

- 4. *Абильдинова Ж.Б.* Жанровая специфика анекдота. // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 21 (202). Вып. 45. С. 5.
- 5. *Чуякова Н.М.* Некоторые жанровые особенности анекдота и его место в устно-поэтическом творчестве адыгов // Культурная жизнь Юга России. № 3. С. 92–93. С. 92.
 - 6. Руднев В.П. Прагматика анекдота // «Даугава». Рига, 1990. 100 с. С. 5.
 - 7. Интернет pecypc. http://mar4586.narod.ru/trickster/nasreddin.html
 - 8. Ол сомну сен алырса // Ходжа. Изд-во: Эльбрус. Нальчик, 1990. 223 с. C. 77.
- 9. Чуякова Н.М. Некоторые жанровые особенности анекдота и его место в устно-поэтическом творчестве адыгов // Культурная жизнь Юга России. № 3. С. 92–93. С. 92.
 - 10. Эфендини жууабы // Ходжа. Изд-во: Эльбрус. Нальчик, 1990. 223 с. С. 45.
- 11. *Чуякова Н.М.* Некоторые жанровые особенности анекдота и его место в устно-поэтическом творчестве адыгов // Культурная жизнь Юга России. № 3. С. 92–93. С. 92.

L.S. Gergokova

SOME GENERIC FEATURES OF THE JOKE AND ITS PLACE IN THE FOLKLORE HERITAGE OF KARACHAEVS AND BALKARS

This article is devoted to the study of some genre features of the anecdote and its role in the folklore heritage of Karachais and Balkarians. In Karachai-Balkarian folklore, as in other languages, due attention, the study of this issue was not given. In the work, special emphasis is placed on the story of the adventures of the favorite hero of innumerable anecdotes of many peoples – Khoja Nasreddin, as well as attention to the history of the creation of anecdotes from everyday fairy tales, the difference in styles between these genres.

Keywords: oral folk art; joke; satirical, humorous stories; unsophisticated prose; folklore genre; Hodja Nasreddin.

Л.Х. Сабанчиева

ОБРАЗЫ РОДИТЕЛЕЙ В СОВРЕМЕННОЙ АДЫГСКОЙ И КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В статье рассматриваются репрезентации образов матери и отца в современной адыгской и карачаево-балкарской литературе. Отмечаются наиболее актуальные проблемы, затрагиваемые авторами в ракурсе взаимодействия традиционных ценностей и гуманистических инноваций в функционировании институтов материнства и отцовства.

Ключевые слова: позитивный и негативный образы отца и матери, традиционные ценности материнства и отцовства, современная литература.

Образы матери и отца являются непременными атрибутами картины жизни человека, сопровождая его в течение всей жизни. Родительский образ имеет не только субъективную, но и объективную ценность. Поскольку личность формируется в семье, значение изучения инструментов влияния на формирование тех или иных поведенческих паттернов повышается. Несомненно, особо значимым инструментом влияния, формирования образа является слово. Образы матери и отца в устном народном творчестве адыгов и карачаево-балкарцев был представлен в предыдущих наших работах¹.

Продолжая исследовать литературный феномен материнства и отцовства, мы обнаружили множество свидетельств его востребованности у современных поэтов и писателей. Зачастую в нарративе отцы и матери предстают не только в позитивном, но и в самом неприглядном образе, что свидетельствует об объективном отображении реального мира авторами художественных произведений. В статье рассматриваются в основном произведения малой формы, что касается эпических произведений, то они требуют отдельных исследований. Прозаические и поэтические тексты писателей и поэтов отобраны по признакам наибольшей презентативности и типологической иллюстративности.

Негативное отношение к матери, бросившей детей ради личного счастья, видно и из рассказа Л.Ш. Абазовой «Анэхэм пцІы яупсыркъым» («Матери не лгут»)². Героиня рассказа Зара после смерти мужа своего единственного малолетнего сына бросила на попечение немощного сына. Сложная нравственно-этическая проблема брошенных родителем детей, в данном случае — отцом, находит воплощение и в другом рассказе Л. Абазовой «Адэхэр щымыжейм деж» («Когда отцы не спят»)³.

Образ современной эгоистичной матери создан писателем *Султаном Кушховым* в рассказе «*Анэ*» («Мать»)⁴. В небольшом по объему рассказе писателю удалось показать полную моральную деградацию матери по имени Ануся. Этот путь был коротким. Начался он с желания Ануси ради сохранения фигуры поскорее избавиться от кормления грудью своего сына Заура, а закончился желанием матери в целях обустройства личной жизни сдать помеху-ребенка в детский дом. Но от этой немилой участи Заура избавляет Салима — няня мальчика, которая полюбила воспитанника по-матерински. Она усыновляет мальчика. В необходимости такого шага она убедила и своего жениха Исмагила. Проявленные невестой нравственная чистота, самоотверженность, милосердие, любовь и привязанность к ребенку покорили Исмагила. Рассказ заканчивается на оптимистической ноте — трое едут

на самосвале по дороге. По дороге Жизни, ведущей троих к счастью.

Значительное место исследуемая проблема занимает в творчестве Π . *М. Хауп-шевой*. В своем творчестве она воздает дань уважения, любви и признательности своей матери. Ей посвящено несколько произведений. Недаром одну из своих сборников она назвала «Aнэм и zуaиJэ» («Материнская сила»):

Къызэптащ уэ гъащІэ, Сипсыхьащ уи гуащІэм.

Дала (ты) жизнь мне, Закалил, утвердил (меня) твой труд. (Перевод подстрочный. – Л.С.)

В другом своем стихотворении «Анэр уи гум зэик иумыгъэху» («Никогда не забывай свою мать») образно и в то же время вполне практично представляя нам всю картину материнского труда (девятимесячное вынашивание своего плоть от плоти ребенка — роды на грани жизни и смерти — грудное вскармливание — бессонные ночи возле колыбели — тревоги, связанные с первыми шагами ребенка — и, наконец, — взросление), призывает юношей никогда не забывать все это.

Те же чувства, которые Л. Хаупшева испытывает к матери, мы обнаруживаем и в стихах, посвященных отцу. Ее отец, судя по тексту, прожил тяжелую, полную лишений и истинного аскетизма жизнь мирного колхозного пастуха, и большую часть времени проводил на пастбищах вдали от родного очага. В целях возвышения образа отца поэтесса сравнивает его с воином, традиционно высоко котирующимся у адыгов, как наиболее достойным для мужчины занятием:

Уэ, си адэ, зауэл Хъыжьэу Къущхьэхъу постым уГутащ.

Ты, мой отец, храбро В Къущхьэхъу⁶ на посту стоял. (Перевод подстрочный. – Л.С.)

Л. Хаупшева полагает, что она, хотя и одета в женское платье, во многом впитала в себя именно отцовские черты характера, особенно в части, касающейся трудолюбия и умения переносить трудности:

Цыхубз фащэ сщыгьми нобэ, Уи хьэл-щэнкІэ гур псыхьащ, Си пщІэнтІэпсыр уиш тхъурымбэу, Нобэм къэс си гъашІэр схьаш.

Хотя в женское платье я одета сегодня, Твоим характером я вся пропитана, Мой пот, что твоего коня пена, До сегодня свою жизнь прожила. (Перевод подстрочный. – Л.С.)

Л. Хаупшева сознательно и целенаправленно в своей жизни руководствуется теми нравственными ценностями, которые, как она понимает, были характерны для ее родителей. И она этим гордится. При этом для Л. Хаупшевой не имеет значения, что эти ценности по своей направленности могут быть традиционно фемининными или маскулинными, ибо они навеяны самыми референтными и равноценными для нее людьми – матерью и отцом.

Примечательной стороной творчества Л. Хаупшевой является ее осознанное понимание внутреннего мира, то есть проявления эмпатии к вдовам войны. Чтобы

прийти к такой степени понимания эмоционального состояния вдов, поэтесса сделала подворный обход женщин — землячек, потерявших на войне своих мужей. Впоследствии они стали прообразами поэмы « Φ ызабэ нэпсхэр гъущакъым» («Не высохли слезы вдов»)⁷.

Оборотной стороной материнства является его искусственное прерывание. Освещая тему материнства невозможно не затронуть и художественное воплощение этой проблемы. В традиционной культуре адыгов и карачаево-балкарцев аборты не приветствовались. Наоборот, все усилия направлялись на повышение репродуктивности женщины. Тем интереснее наблюдать интерпретацию этой проблемы в современной литературе. В этом смысле наше внимание привлекла новелла молодой писательницы 3. Шомаховой «Анэ» («Мать»)8.

Главными действующими лицами новеллы являются несостоявшаяся мать, ее не родившийся на земле ребенок и старик-волшебник. Действие происходит в некоем неземном чистилище, где все вокруг имеет ослепительно белый цвет, из-за того что здесь обитают люди с чистой незамутненной душой. В чистилище ничего не скрывают и не лицемерят. В этом прекрасном месте происходит встреча ребенка, который по земным меркам оказался вполне развитым человечком, и старика. Оба они внешне безупречны. Малыш сидел на обрыве и горько плакал. На расспросы старика он ответил: «Я никому, никому не нужен!». «Никому не нужных нет», – успокаивает старик. Малыш рассказал о том, как его мама не дала ему возможности появиться на долгожданный свет. И тут старик сравнивает мир, в котором должен был родиться малыш, и тот, где он сейчас находится. Старик пытается убедить ребенка в том, что он не смог бы в том мире, полном убийств, жадности, лицемерия и других пороков, в который он так стремится, не замараться, не почернеть, и вернуться белым и светлым в этот мир, в котором он очутился после его «убийства» матерью. Но железные аргументы старика падают один за другим – они ничего не значат для ребенка, страстно мечтающего найти и увидеть свою мать. «Все горести забываешь на фоне ласкового щебетания матери», – убежден не рожденный матерью малыш. В рассказе ребенка отчетливо просматривается инверсия детско-материнских отношений. Не мать заботилась о будущем малыше, а малыш о матери, еще будучи в ее утробе. Он ни в чем не винит свою мать. Всему находит оправдание. Он готов простить ей все грехи. На новом месте мать часто снилась ребенку. Малышу более всего нравилась и радовала родинка на лице матери. А беспокоила ее постепенно чернеющая материнская душа.

Ребенка терзала мысль о том, что ему не пришлось сказать заветное слово «Мама», услышать колыбельную и полежать на коленях у матери. Под влиянием этих горьких дум малыш внезапно срывается с обрыва, пытаясь покончить с собой. Но старик-волшебник дает ему крылья и спасает его. В ответ на очевидные терзания ребенка старик хотел наказать несостоявшуюся мать, но малыш категорически отверг это предложение.

С тех пор крылатый ребенок периодически прилетал с того света и тайно следил на земле за людьми, особенно за матерями. Он очень хотел найти среди них свою маму. Добрый старик показал ему ее. Малыш не узнал в старой почерневшей женщине ту молодую и красивую маму, которую часто видел во сне. Несмотря на свои сомнения, малыш готов был простить мать и остаться с ней. Но старик покарал несостоявшуюся мать, лишив ребенка крыльев, чтобы он больше никогда не смог вернуться к ней. «Она должна смыть свои грехи на том и на этом свете», — отрезал старик.

Но не так уж безнадежен наш мир. Новелла заканчивается ровно так, как мечтал малыш: Мать с родинкой на щеках ласкает своего ребенка, а малыш еще плотнее прижимается к ее груди, словно хочет забрать все долги у матери...

Таким образом, религиозно-мистическая новелла 3. Шомаховой затрагивает весьма актуальную и болезненную проблему современного общества — духовнонравственную ответственность женщины за тех, чье появление на земле зависит от понимания ею ценности человеческой жизни. В данном же случае автор, опятьтаки, старательно обходит роль и место мужчины и общества в ситуации выбора. И З. Шомахова явно не на стороне несостоявшейся матери: совершенно явственно видно негативное отношение автора не только к конкретному поступку героини новеллы, но и к данному социальному явлению в целом. Более того, она рукой «доброго» волшебника сурово наказывает оступившуюся женщину.

В лирическом стихотворении поэта и прозаика Ж.Ж. Залиханова «Отец» нашлось отражение тесной связи поколений и сыновнего поклонения отцу. Автор создает позитивный, живой и правдивый образ отца... Поэт как бы принимает из рук отца дело его жизни:

Трудился ты самозабвенно. О, если б ты взглянул вокруг На тех, кто встал тебе на смену! Пусть умер ты, но жив твой труд, Обогативший землю эту, И мне его передают, Твои друзья как эстафету⁹.

У карачаевских писателей и поэтов часто родители становятся объектами их внимания. Так, *Магомет Байчоров* в небольшом стихотворении «Отцу» обращается к уже ушедшему из жизни отцу с запоздалым признанием своей вины перед ним:

Всю жизнь, отец, ты думал обо мне, Я о тебе, признаться, очень мало. Свою вину я осознал вполне, когда отцом стал. Но тебя не стало¹⁰.

Благодарность отцу за его мудрые наставления и заветы отчетливо звучат в стихотворении «Отцовское слово» другого карачаевского поэта *Хусея Джаубаева*:

Завет отца – кровь сердца, говорят, Он, как Эльбрус, высок, недосягаем. В нем мир и труд, Любовь и честь царят. Мы с ним себя всей жизнью постигаем.

Для сына наставления отца становятся философией жизни:

Слова отца – сыновней жизни суть.

Живи, чтоб в море мысли бросить мысль,
Живи, чтоб в поле жизни бросить семя!

11

И для *Исмаила Алиева* духовное наследие отцов, в том числе методы социализации детей – не пустые слова:

Чтобы сына воспитать, припомни предков путь: Ты для него слугой лет до пяти побудь, Лет до пятнадцати — держи его слугою, А дальше — наравне, как с лучшим другом будь¹².

Как видно из нашего исследования, объективация отцовства и материнства – довольно распространенное явление в современной адыгской и карачаево-балкарской литературе, при этом образы родителей могут иметь как позитивный, так и негативный характер.

Примечания

- 1. Сабанчиева Л.Х. Образы матери и отца в устной народной традиции народов Северного Кавказа: сказочный текст как источник этнолого-антропологических исследований/Вопросы кавказской филологии. Нальчик, 2014. № 10. С. 124–131; Ее же. Символы материнства, воплощенные в фольклорно-обрядовых сюжетах народов Северо-западного Кавказа// Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2015. № 3 (65). С. 227–232; Ее же. Реализация концепта «материнство» в мифах и ритуалах адыгов и карачаево-балкарцев //ХІ Конгресс антропологов и этнологов России Сборник материалов. 2015. С. 324–325; Ее же. Архетип материнства в эпосе «Нарты» // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 4–1 (66). С. 154–158.
- 2. *Абазэ Любэ*. Анэхэм пцІы яупсыркъым (*Абазова Люба*. Матери не лгут) // Іуащхьэмахуэ.1987. № 2. Н.Н. 30–34. (Эльбрус, 1987. № 2. С. 30–34).
- 3. Абазэ Любэ. Адэхэр щымыжейм деж (Когда отцы не спят) // Іуащхьэмахуэ. 1990. № 1. Н.Н. 37–46. (Эльбрус, 1990. № 1. С. 37–46).
- 4. *Къущхьэ СультПан*. Анэ (Кушхов Султан. Мать) // Іуащхьэмахуэ. 2010. № 4. Н.Н. 94–106. (Эльбрус, 2010. № 4. С. 94–106).
- 5. *Хьэ Іупщы Лолэ*. Анэр уи гум зэикІ иумыгъэху (*Хаупшева Леля*. Всегда помни свою мать) // Іуащхьэмахуэ. 2009. № 3. Н.Н. 98–99. (Эльбрус, 2009. № 3. С. 98–99).
 - 6. Название летнего пастбища в Кабардино-Балкарской Республике.
- 7 Писатели Кабардино-Балкарии (XIX конец 80-х гг. XX в.). Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2003. С. 375.
- 8 *Щомахуэ Залинэ*. Анэ (Мать) // Іуащхьэмахуэ. 2014. № 6. Н.Н. 154–157. (Эльбрус, 2014. № 6. С. 154–157).
- 9. *Кулиева Ж*. Залиханов Жанакаит Жунусович // Писатели Кабардино-Балкарии (XIX конец 80-х гг. XX в.). Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2003. С. 176.
- 10. *Байчоров Магомет*. Отцу // Антология литературы народов Северного Кавказа. В 5 т. Том I «Поэзия». Часть первая / сост. А.М. Казиева. Пятигорск: Издательство ПГЛУ, 2003. 1120 с.: с ил. С. 716.
- 11. Джаубаев Хусей. Отцовское слово // Антология литературы народов Северного Кавказа. В 5 т. Т. I «Поэзия». Часть первая / сост. А.М. Казиева. Пятигорск: Издательство ПГЛУ, 2003. 1120 с.: с ил. С. 723–724.
- 12. *Алиев Исмаил*. Чтобы сына воспитать... // Антология литературы народов Северного Кавказа. В 5 т. Т. І. «Поэзия». Часть первая / сост. А.М. Казиева. Пятигорск: Издательство ПГЛУ, 2003. 1120 с.: с ил. С. 743.

L.H. Sabanchieva

IMAGES OF PARENTS IN MODERN ADYGHE AND KARACHAEVO-BALKAR LITERATURE

In article representations of images of mother and the father in modern Adyghe and Karachaevo – the Balkar literature are considered. The most current problems touched by authors in a perspective of interaction of traditional values and humanistic innovations in functioning of institutes of motherhood and paternity are noted.

Keywords: positive and negative images of the father and mother, the traditional values of motherhood and fatherhood, modern literature.

Ж.Г. Тхамокова

ОТРАЖЕНИЕ РУССКО-АДЫГСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ФОЛЬКЛОРЕ

Ввиду того, что сказка – самый «проницаемый» из фольклорных жанров, в формировании сказочного сюжетного фонда любого народа, наряду с сюжетами, возникшими на национальной почве, значительное место занимают заимствованные у других народов. Правда, их не всегда просто идентифицировать, так как сказители их «перевоплощают в национальные формы» (В.М. Жирмунский). Тем не менее, сюжетные связи адыгских сказок со сказками других народов – вопрос исторический, и он представляет научный интерес. В статье автор ставит проблему взаимоотношения сюжетного репертуара адыгских бытовых сказок с восточно-славянскими, исходя из исторических контактов этих народов, уходящих в глубокую древность. Ставить такую научную проблему автору дает возможность существование сюжетных указателей – по восточно-славянским сказкам и адыгским, составленным самим автором. В результате наблюдений автор приходит к выводу, что контакты с восточно-славянскими народами, и особенно украинцами и русскими, сыграли важную роль в формировании сюжетного состава адыгских бытовых сказок. Это свидетельство творческого взаимодействия разных народов.

Ключевые слова: указатель, сказка, восточно-славянская, адыгская, заимствования, взаимодействия.

В исследовании истории формирования и развития сюжетного состава адыгских бытовых сказок значительный интерес представляет выявление соотношения адыгского и восточно-славянского сказочных репертуаров.

Многосторонние связи адыгов с восточными славянами имеют давнюю историю. По историко-археологическим сведениям, экономические и культурные связи Северного Кавказа с восточно-славянским миром восходят к III тысячелетию до н.э. Л.И. Лавров отмечает ряд общих черт в материальной и духовной культуре восточных славян и адыгов, трактуемых им как следы их культурных взаимовлияний в IV–IX вв. В частности, в восточно-славянских языках автор находит адыгские слова, отмечает схожесть жилища рассматриваемых народов². В XI в. в состав дружины черниговско-тмутараканского князя Мстислава входили косоги (адыги)³.

С 1557 г. (после добровольного присоединения Кабарды к России) между ними устанавливаются более стабильные экономические, политические и культурные связи⁴. С XVI в. начинается формирование русского казачества на Северном Кавказе⁵. В конце XIX — начале XX в. произошло массовое переселение русских и украинских крестьян на территорию Кабардино-Балкарии. Появилось много сел и хуторов⁶. По статистическим данным, только в Кабарде к 1889 г. насчитывалось 48 населенных пунктов, образованных восточно-славянскими переселенцами⁷. Естественно, что они и адыги интересовались друг другом, общались, дружили, а это сопровождалось взаимовлиянием во всех сферах жизни, в том числе и в фольклоре. В экспедиции 1982 г. в Терском районе от сказителя Сокурова (сел. Арик) мы, в частности, записали предание о том, как казаки надели адыгскую черкеску. Здесь повествуется о том, что кабардинец подарил своему другу — казаку, гостившему у него, черкеску, которая понравилась казакам, таких сшили и стали носить⁸. Это соответствует и выводу, к которому пришла и И.Х. Тхамокова, исследуя историю и культуру русского и украинского населения Кабардино-Балкарии:

«На традиционную культуру русского и украинского населения Кабардино-Балкарии оказала влияние и культура народов Кавказа. Наиболее сильным это влияние было во всем, что касалось военного быта. Военная форма казачества, его вооружение, конская упряжь и т.п. создавались по образцу кавказских»⁹.

Различие языка не могло быть непреодолимым барьером для обмена культурными ценностями. По итогам переписи населения 1970 г., в Кабардино-Балкарской АССР, Адыгейской и Карачаево-Черкесской автономных областях проживало 657 574 русских, а вместе с украинцами и белорусами — 686 972¹⁰. Это в полтора раза больше, чем адыгов, проживавших в тех же регионах (адыги составили 419 568 человек)¹¹.

Из этого количества восточно-славянского населения, проживавшего в трех национальных областях, по данным переписи того же года, 1379 человек свободно владели кабардино-черкесским и адыгейским языками. А из указанного количества адыгов свыше половины свободно владело русским языком¹².

Наиболее интенсивными и широкими были взаимосвязи и взаимовлияния между адыгами и восточно-славянским населением в советское время, когда адыги совместно проживали в населенных пунктах, основанных русскими и украинцами.

Изложенным объясняется научный интерес к выявлению того, как эти контакты отразились на фольклоре адыгов, в частности, на сюжетном репертуаре бытовых сказок. В. Миллер первым указал, что проводником русских фольклорных сюжетов на Кавказ и наоборот было казачество¹³. Впоследствии на это указывали многие исследователи¹⁴.

Сравнительно-сопоставительное изучение сюжетных репертуаров этих народов значительно облегчается существованием национальных указателей – восточно-славянского 15 и адыгского 16 .

Из 231 типа адыгских бытовых сказок – новеллистических и анекдотических, включенных в адыгский национальный указатель, 89 типов имеют сюжетные параллели в репертуаре восточно-славянских сказок. Из них 20 типов по частотности записи занимают примерно одинаковое положение у обоих народов – каждый тип зафиксирован свыше 6 раз. Это следующие типы по Международному указателю¹⁷: 875 «Мудрая крестьянская дочь», 882А «Спор о верности жены», 883А «Оклеветанная девушка», 901 «Укрощение строптивой», 901В* «Кто не работает, тот не ест», 910В «Купленные советы», 921 «Умные ответы», 930 «Сказки о судьбе», 950 «Ловкий вор», 981 «Почему перестали убивать стариков», 1384 «Муж ищет глупее жены», 1415 «Убыточная мена», 1525Д «Ловкий вор», 1525В «Вор и его ученик», 1539 «Шут», 1540 «С того света выходец», 1542II «Шутки дома оставил», 1640 «Мнимый богатырь», 1641 «Знахарь», 1730 «Любовник-неудачник».

На этом материале — одинаково популярном у обоих народов, трудно проследить факты взаимодействия сказочных репертуаров соседствующих народов. Тем не менее, и по этой группе сказок можно отметить некоторые факты, дающие возможность предположить связь ряда адыгских сказок с восточно-славянскими, в частности, по типам 875, 882A, 883A: в вариантах этих сказок есть версии или мотивы, не характерные для адыгского фольклора. Из 16 вариантов адыгских сказок типа 875 «Мудрая дочь бедняка» только в одном (черкесский вариант) встречается так называемая задача «обусловленного прихода». Князь, убедившись, что дочь бедного старика мудра, велит ей прийти ни пешей, ни конной, ни по дороге, ни по бездорожью, ни голой, ни одетой, ни с подарком, ни без подарка.

Взаимопроникновения мотивов более характерны для однородных сказок. Указанный мотив мы не встречаем ни в одной другой адыгской сказке тематического цикла «Умные ответы», столь богато представленного в национальном фольклоре. Не встречался нам пока этот мотив и в сказках других народов Северного Кавказа. М.И. Колесницкая, исследовавшая цикл подобных русских сказок, отмечает характерность этого мотива в русской сказке¹⁹, откуда он мог проникнуть в адыгскую.

Сличение вариантов сказки типа 883A «Оклеветанная девушка» показало, что из 31 варианта, зафиксированного среди трех адыгских народов (кабардинцев, адыгейцев, черкесов), в 5 вариантах уезжающий отец оставляет дочь на попечение попа — христианского богослужителя, что, конечно, не характерен для адыгов. Мусульманская религия, пришедшая на Северный Кавказ, в частности к адыгам, на смену христианству, в течение столетий вытравляла все связанное с этой религией, в том числе и название христианского богослужителя. Поп вполне мог быть персонажем вариантов моздокских кабардинцев*, сохранивших христианскую веру, но мы пока такими вариантами не располагаем.

По одному из 20 адыгских вариантов типа 882A (представлен соединением однородных сюжетов: 883A + 882A + 881)²⁰ оклеветанная жена, переодевшись, вступает в войско мужа, становится генералом и только тогда изобличает клеветников. Сам ход событий разоблачения клеветников (обычно, переодевшись, она преследует клеветников и хитростью изобличает их) и тем более, возведение ее в генералы, конечно, не имело места в дореволюционном социально-историческом быту адыгов. Подобный сюжет анализируется в монографии Э.В. Померанцевой и назван ею «ярким образцом русской авантюрной сказки»²¹, откуда он и мог прийти к адыгам. Заметим, что вариант адыгской сказки типа 882A, на котором мы остановились, записан в кабардинском селе, граничащем с русской станицей и входящем в один из административных районов КБР с основным восточно-славянским населением – в Прохладненском районе.

Подобные факты, возможно, могут быть обнаружены и при анализе вариантов адыгских сказок этой группы, т.е. равно популярных у обоих народов. Пока, исходя из рассмотренных, можно предположить, что восточно-славянские сказки, которые в адыгском сказочном репертуаре имеют типологические сюжетные соответствия, растворились в нем, или сказки иноэтнического происхождения «пришлись по сердцу» и обрели популярность у адыгов.

В свою очередь, надо думать, что кавказские, в том числе адыгские сказки могли оказать влияние на восточно-славянские, в частности сказки восточно-славянского населения Кавказа, что также можно было установить сличением восточно-славянских вариантов отдельных сказок. Это, к примеру, могло быть установлено по тем же типам сказок (883A, 882A) с мотивом «перемена пола», столь характерным не только для адыгов, но и других народов Кавказа²² – родины амазонок²³.

Предваряя сборник адыгских сказок, Т. Керашев писал: «...Особо следует отметить один сказочный мотив, упорно державшийся в адыгских сказках ... – о переодетой в мужскую одежду женщине, совершающей подвиги» 24 .

Бытовой основой таких сюжетов могло быть то, что «традиции матриархата оказались у адыгов весьма устойчивыми»²⁵. По свидетельству Б.Х. Бгажнокова, «женщины даже отправлялись в наезд с джигитами»²⁶. Мы располагаем полевыми материалами, подтверждающими мнение ученого о девушках-наездницах. В 1979 г., в ходе фольклорной экспедиции КБНИИ, сказительница Зоя Ахохова (Дымова), желая оказать гостеприимство, показывала нам семейные фотографии. Среди них оказалось фото девушки в традиционной национальной одежде. Из рассказа сказительницы мы узнали, что это Дымова Салима Гузеровна – ее родственница двумя поколениями старше, была прекрасной наездницей и отважным человеком. Будучи единственной сестрой семи братьев, опасаясь за их жизнь, она не позволяла братьям ночевать в коше с семейным скотом (табуном), сторожила его сама, переодетая в мужскую одежду. То, что переодетые в юношу девушки отправлялись в наезд с джигитами, нашло художественное отражение в адыгской новеллистической сказке типа 884В* «Девушка-наездница» следующего содержания: старик, имеющий только дочерей, загрустил, увидев отправляющихся в

^{*} В дореволюционное время, когда в Кабарде «огнем и мечом» внедрялось мусульманство (Ш. Ногмов), часть кабардинцев переселилась в Моздок (административный район современной Северо-Осетинской Республики Алания).

наездничество всадников, среди которых и князь; одна из дочерей вызывается поехать с ними; выдерживает испытание отца на смелость только младшая; переодевается в юношу, неузнанной пребывает в наездничестве, проявляя мужество; один из сопровождающих князя обращает его внимание на то, что этот «юноша» девушка; попытки испытания пола кончаются неудачей, пока в конце наездничества она сама не открывается, поражая князя: отказавшись от доли трофеев, берет только гармошку; ускакав от них, по пути домой, аккомпанируя на гармошке, причитает, как провела попутчиков; князь преследует ее, женится*²⁷.



Дымова Салима Гузеровна

Исходя из критерия частотности, вопрос о заимствовании правомернее ставить по отношению к сюжетам, зафиксированным в единичных вариантах. Из 94 типов адыго-восточно-славянских общих сюжетов в адыгском репертуаре такими оказались 19 типов: 860*, 884В*, 901, 921А, 921В, 921Е*, 922, 923, 931, АА 937=АТ 763, 938В, 1358А, 1365А, 1408, 1457, 1534, 1537, 1561, 1600, 1643, 1725. Не исключая, что причиной единичности фиксации ряда из них могла быть неполнота сбора адыгского сказочного материала, полагаем, что часть из них могла войти в адыгский репертуар из восточно-славянского. При этом исходим из следующих наблюдений: большинство из них записано лишь у одного-двух других народов Кавказа или вообще не зафиксировано. Если последние и могут быть характерными для этого региона, то другие типы, например, 1365А «Упрямая жена» и 1408 «Муж выполняет работу жены», не характерны для Кавказа. При этом все типы, вошедшие в эту группу, пользуются популярностью у восточных славян; более того, по отношению одних из них (860В* «Украденная жена», 884В* «Девушка-наездница») Международный указатель дает только восточно-славянские источники.

Популярность большинства из них в западном направлении подтверждается показателями латышского сюжетного указателя²⁸: 15 типов из 19 не только пред-

 $^{^*}$ Наша запись в ходе фольклорной экспедиции 1979 г. в КБР (с. Кахун Урв. р-на) от 100-летней сказительницы Аминат Мамуховой.

ставлены здесь, но и сопровождаются внушительным количеством библиографических источников. И, наоборот, большинство из них (12 из 19) по данным международного и турецкого²⁹ указателей, не характерны для фольклора народов Востока, откуда они могли прийти к адыгам, в частности типы: 1365A «Упрямая жена», 1408 «Муж выполняет работу жены».

Интересно отметить и факт, когда те или иные сказочные сюжеты, отсутствующие в международном указателе, зафиксированы у адыгов и русских. Таков, в частности тип -875В* «Мудрая жена»*: князь женится на мудрой девушке; уезжая в поход надолго, наказывает ей, чтобы по возвращении его встретил сын, чтобы кобыла ожеребилась, чтобы борзая сука ощенилась (сам уезжает на жеребце в сопровождении борзого кобеля); переодетая в мужскую одежду, жена следует за ним, выполняет его наказы. Причем данный тип не выявлен нами ни у других народов Кавказа ни на Востоке.

Иногда прямо прослеживается путь проникновения в репертуар адыгских сказок русской. В нашей собирательской практике мы столкнулись с такими случаями. В частности, в 1980 г., в сел. Каменномостском, примыкающем к Ставропольскому краю с основным восточно-славянским населением, 70-летний сказитель Г. Шериев рассказал нам сказку «Солдат и царь», соответствующую в первом эпизоде типу 922 «Беспечальный монастырь»; русской сказке «Гуси с Руси» $(921F^*)^{30}$ во втором эпизоде – о совместных действиях царя и солдата для наказания придворных царя. Персонажи «царь», «солдат» не были характерны для социально-классовой структуры адыгского дореволюционного общества и тем более – ее содержание о совместных действиях. На наш вопрос, от кого он слышал эту сказку, сказитель ответил, что ему рассказал русский старик в Ставропольском крае, у которого останавливался на ночь. Сюжет лишь единожды записан у адыгов, что уже дает в известной степени основание для отнесения сказки к инонациональной среде. К тому же он не характерен для других народов Кавказа. Пример Г. Шериева далеко не единичен. На русских сказителей как источник ряда произведений своего репертуара указывали также сказители Х. Пшеунов, Б. Хупсергенов.

Знакомство адыгов с восточно-славянским фольклором и литературой могло быть и книжным путем — через дореволюционных адыгских писателей и просветителей, получивших образование в русских учебных заведениях. О том, как это могло происходить, даст хорошее представление следующее высказывание Ф. Юхотникова — одного из учителей Ставропольской гимназии: «Один из горцев, воспитывавшийся в (русской — Φ .H.) гимназии, раз, отправляясь на каникулы в родной аул, взял с собой несколько книг и в том числе басни Крылова. За чтением последних его застала толпа горцев, жители того же аула. На вопрос, что у него за книга, он решился передать им в переводе некоторые из лучших басен. Сначала с недоумением слушали горцы подвиги зверей как разумных существ..., но когда им переведено было нравоучение, они приходили в восторг, прибавляя: «Вот оно зачем было записано!» И рассыпали при этом похвалу русскому уму и хитрости. После этого случая ему не было прохода от желающих слушать чтение Крылова» 31 .

Обобщая изложенное, можно заключить, что адыгский репертуар бытовых сказок обнаружил значительное количество общих сюжетов с соответствующим разделом восточно-славянских сказок: они составляют более половины типов, введенных в указатель адыгских национальных сказок. Безусловно, нельзя полностью отнести эту общность за счет типологических схождений, т.е. признать их возникшими самостоятельно у того и другого народа на основе одинаковых социально-экономических условий. Сравнительный анализ распределения одних и тех же типов сказок в исследуемых репертуарах, а также полученные нами от сказителей информации об источниках сказок, которых они нам рассказали в ходе собирательской

^{*} Типу мы присвоили, тот же номер, как введен в СУС (-875*).

практики, показывает, что адыгский сказочный репертуар обогащался сюжетами из восточно-славянского фольклора. Эти связи имеют историческую основу.

Кроме того, проведенное исследование подтвердило следующее наблюдение Э.В. Померанцевой и К.В. Чистова: «То, что традиционная фольклористика обозначала термином «заимствование», при более пристальном изучении, как правило, оказывается составной частью процесса взаимодействия и взаимообмена контактирующихся этнических традиций»³².

Примечания

- 1. История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до наших дней. В 2-х т. Т. І. М.: Наука, 1967. 482 с. С. 27–28.
- 2. *Лавров Л.Й*. Взаимоотношения адыгов с Русью и соседними народами (IV–XII вв.) // История КБАССР. Т. І. С. 67–71. С. 70.
- 3. *Мавродин В.В.* Славяно-русское население Нижнего Дона и Северного Кавказа в X–XIV вв. // УЗЛГПИ. Вып. XI. Л., 1938. С. 231–273. С. 232–233.
- 4. Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв. В 2-х т., М., 1957, Т. І. 478 с., Т. ІІ. 424 с. С. 9; Вилинбахов В.Б. Александр Черкасский сподвижник Петра І. Нальчик, 1966. 55 с.; Вилинбахов В.Б. Из истории русско-кабардинского боевого содружества. Нальчик, 1982. 254 с.; Крикунова Е.О., Павлова И.М. К истории взаимоотношений между Кабардою и другими народами Кавказа в XVII в. // УЗКБПИ. Нальчик, 1957. Вып. 13 С. 77–112; Кумыков Т.Х. Присоединение Кабарды к России и его прогрессивные последствия. Нальчик, 1957. 136 с.; Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. М., 1963. 272 с.
- 5. Роль Темрюка Идарова в возникновении первых русских поселений на Тереке в 60-х гг. XVI в. // *Карданов Ч.Э.* У истоков дружбы. Нальчик, 1982. 144 с. С. 95–103.
- 6. *Тхамокова И.Х.* Русское и украинское население Кабардино-Балкарии. Нальчик: Изд. центр «Эль-Фа», 2000. 240 с. С. 235.
- 7. Статистические таблицы населенных пунктов Терской области. Владикавказ, 1890. Т. II. С. 6–67. С. 6–67.
 - 8. Фонотека КБИГИ. Кол. 642. Кас. 5. Т. 2.
 - 9. *Тхамокова И.Х.* Указ. соч. С. 236.
- 10. Итоги переписи населения СССР 1970 г. Т. 4. Национальный состав населения СССР. М.: Статистика, 1973. 648 с. С. 64, 75, 135.
 - 11. Там же.
 - 12. Там же.
- 13. *Миллер В.Ф.* Кавказско-русские параллели // Этнографическое обозрение. 1891. № 3. С. 166–187.
- 14. *Киреева Л.С.* Народная поэзия терских казаков в ее связях с фольклором Дагестана и Чечено-Ингушетии: автореф. дис. на соиск. уч. степ. канд. филол. наук. Воронеж, 1974. 16 с. 14; *Тресков И.В.* Фольклорные связи Северного Кавказа. Нальчик, 1963. 343 с.
- 15. Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / сост.: Л.Г. Бараг, И.П. Березовский, К.П. Кабашников, Н.В. Новиков. Л.: Наука, 1979, 438 с. (Далее: СУС).
- 16. *Тхамокова Ж.Г.* Сравнительный указатель сюжетов адыгских (кабардинских, черкесских, адыгейских) бытовых сказок по системе Аарне-Томпсона. В моногр.: Ж.Г. Тхамокова. Адыгская бытовая сказка. Нальчик, 2014. 222 с. (Далее: УАС). С. 175–220.
- 17. The Types of the Folktale. A classification and Billiography. Antti Aarne's Verreichnis der Marchentypen (FFC № 3). Translated and Enlarged by S. Thomson Helsinki 1961. (= FFC№ 184).
- 18. Къру-къру, къаз-къаз (Гуси-лебеди) / сост.: Л. Бекизова, М. Мижаев. Черкесск, 1991. 150 с. С. 128–132.
 - 19. Колесницкая М.И. Загадка в сказке // УЗЛГУ. Вып. 12 (№ 81), Л., 1941, С. 98–142. С. 127.
 - 20. Фоноархив КБИГИ. П. № 7а. Т. 3.
 - 21. Померанцева Э.В. Русская народная сказка. М., 1963. 128 с. С. 89–90.
 - 22. Далгат У.Б. Героический эпос чеченцев и ингушей. М., 1972. 467 с. С. 320.
- 23. *Услар П.К.* Древнейшие сказания о Кавказе. Сочинения барона П.К. Услара. Тифлис, 1881. 581 с. С. 509.
 - 24. Адыгейские сказания и сказки. Ростов н/Д., 1937. 417 с. С. 11.
 - Бгажноков Б.Х. Адыгский этикет. Нальчик, 1978. 159 с. С. 51.

- 26. Там же. С. 53.
- 27. Фонотека КБИГИ. Кол. 562. Кас. 9. Т. 4.
- 28. Arajs K. Latviesu pasaku tipu raditajs / K. Arajs, A. Medne. Riga: Zinatne, 1977. 527 p.
- 29. Typen turkischer Volksmarchen von Wolfram Elerhard and Perter Naili Boratar, Wiesladen, 1953. 506 c.
 - 30. Фонотека КБИГИ. Кол. 2287. Кас. 13. Т. 4.
 - 31. *Юхотников* Ф.В. Письма с Кавказа. Русское слово. СПб., 1861. Кн. 4. Отд. 3. С. 1–18. С. 5.
- 32. *Померанцева Э.В., Чистов К.В.* Русская фольклорная проза и межэтнические процессы // Отражение межэтнических процессов в устной народной прозе. М.: Наука, 1979. 174 с. С. 4.

J.G. Thamokova

REFLECTION OF RUSSIAN-ADYGHE RELATIONS IN FOLKLORE

Since the tale is the «permeable» of folklore genres, fairy-tale plot in shaping the fund of any nation, along with the stories that emerged on a national basis, occupy a significant place borrowed from other nations. However, they are not always easy to identify, as the narrators of «reincarnate into national form» (VM Zhirmunsky). However, due adyghe story tales with tales of other nations – historical question, and it is of scientific interest. The author raises the problem of the relationship plot repertoire adyghe home with tales of Eastern Slavic, based on historical contacts of these people, going back to antiquity. Putting a scientific problem the author allows the existence of pointers scene – on the East Slavic fairy tales and Circassian, compiled by the author. As a result of observations of the author concludes that the contacts with the East Slavic peoples, and especially the Ukrainians and Russian have played an important role in forming the composition of the plot adyghe household tales. This is evidence of the creative interaction between different nations.

Keywords: pointer, fairy tale, Eastern Slavic, Circassian, borrowing interaction.

Хьэвжокъуэ Л.Б., Жэмыхъуэ Р.А.

ТХЫДЭ КЪЭХЪУГЪЭХЭР КЪЭБЭРДЕЙ-ШЭРДЖЭС УСЫГЪЭМ КЪЫЗЭРЫХЭЩЫР

Статьяр зытеухуар лъэпкъ тхыдэм къыщыхъуа Іуэхугъуэхэр къэбэрдей-шэрджэс усыгъэм къызэрыщыгъэлъэгъуэжарщ. Къэхутэныгъэм лъабжьэ хуэхъуар XVIII–XIX лІэщІыгъуэхэм адыгэ лъэпкъыр зыхэта зауэшхуэрщ, абы кърикІуахэрщ, ахэр художественнэ дуней лъагъукІэм зэрыщІэгъэкІарщ. Лэжьыгъэм наІуэ щыхъуащ Кавказ зауэм ехьэлІа темэм къэбэрдей-шэрджэс усыгъэм щІыпІэ ин зэрыщиубыдыр.

Зэрыгъуэзэн псалъэхэр: къэбэрдей-шэрджэс усыгъэ, тхыдэ, поэтикэ, Кавказ зауэ, ИстамбылакІуэ, художественнэ дуней лъагъукІэ.

Литературэр зэманым и гъуджэщ, абы и фІыгъэкІэ лІэщІыгъуэ бжыгъэхэр зи зэхуаку дэлъ лъэхъэнэ зэхуэмыдэхэр зэпыщІа мэхъу. Къапщтэмэ, XIX лІэщІыгъуэу бгырыс лъэпкъхэм гузэвэгъуэшхуэ къащытепсыхамрэ ди нобэрей гъащІэмрэ я зэпыщІэныгъэм ущрохьэлІэ адыгэ литературэм и жанр зэхуэмыдэхэм. Абыхэм ящыщу Кавказ зауэмрэ ИстамбылакІуэмрэ нэхъ куууэ икІи зыубгъуауэ къыщыгъэлъэгъуэжащ къэбэрдей-шэрджэс усыгъэм.

Лъэпкъ литературэми, усыгъэр хэхауэ къапщтэми, увып ни дыдэ щаубыд Истамбылак ум ехьэл а гупсысэхэм; тхак уэ, усак уэ къэс а Гуэхугъуэм хуа геплъык юн зэтехуэркъым. Истамбылак умрэ адыгэм и тхыдэмрэ иригумэщ у щытащ шэрджэс усак уэ Дыгъужь Къурмэн. Абы и щыхьэт на уэщ а усак уэм и Гэдакъэщ он «Тенджыз Ф юнц ом едзыр джэш», «Мэжджытым тетщ шыблэ Гуш», «К юндлън хъузим», «Тыркум шыпсэу адыгэм и гупшысэхэр», «Тенджыз Ф юнц ор», «Сыфлън хъузиш» усэх р, нэгъуэщ хэри. «Мэжджытым тетш шыблэ Гуш» усэм мэжджытыр насыпыншагъэм и гъуоуэ къышыхощ, усак уэм а образым нэшэнэ (символ) мыхьэнэ щ гэххээ. Абы зыхуигъазэу Дыгъужь Къу. етх:

Хъурмей жыг жьауэм μ Іэбгъэсыну Уэ си адыгэр бгъэгугъат, Тырку жэнэт лъапІэр лъыбгъэсыну, Уэ си адыгэр бгъэгугъат!.

Ауэ, литературэм имызакъуэу, тхыдэри щыхьэт зэрытехъуэщи, апхуэдэ гугъэ нэпцІхэм лъэпкъым лІэщІыгъуэ бжыгъэкІэрэ мыгъущыжын дыркъуэ кърадзащ. Аращ Дыгъужь Къурмэни мыпхуэдэу щІитхыр: «Иджы пэжыпІэр псоми дощІэ: / ПцІы ІэфІу мащІэ уэ бупса? / Дзэ узым хуэдэу зыхызощІэ, / Си лъэпкъым гуауэу ennəcap!»².

УсакІуэ къэс и дуней иІэжщ, зыми емыщхьу. ИщхьэкІи къызэрыхэдгьэщащи, усакІуэ зэхуэмыдэхэм зы Іуэхугьуэм хуаІэ бгъэдыхьэкІэр, еплъыкІэр зэтехуэркъым. ИстамбылакІуэр къатщтэмэ, языныкъуэхэм яфІэпсэкІуэдщ хамэщІ щыпсэу ди лъэпкъэгъухэр, адрейхэми ахэр зыхэхуа бэлыхьхэмкІэ къуаншагъэ псори езы хэхэсхэм я деж щалъагъу, ещанэхэми насыпыншагъэр зэманым и нэпкъыжьэу е урыс пащтыхьымрэ абы и дзэ къанлыхэмрэ я зэрану къалъытэ. Абы и лъэныкъуэкІэ гъэщІэгъуэнщ ди усакІуэ нэхъыжьхэм ящыщ *Тхьэгъэзит Зубер* и еплъыкІэр. Абы и «Хэхэс» усэм и пэщІэдзэм къыщыхощ мухьэжырхэм хамэщІым щрахьэкІ гъащІэ гугъапІэншэр:

Псэр зыгьэщту къыхущІедзыр Хэку етІуанэ хъун фІэщІар, Щысщ щІибжыкІыу щыгъэ хьэдзэу Махуэ мыгъуэу къыхуэнар.

МэкІэкуакуэ и псэ махэр, – Сыт хэхэсым и дуней: Къыхуеижкъым щалъхуа лъахэр, Зыщыпсэури – къыхуэмей³.

АдэкІэ апхуэдэ гъащІэ хьэлъэр къэзышар авторым къегъэлъагъуэ усэм и кІзух сатыритІым щІэлъ щІагъыбзэ куумкІэ: «Зи щІыр зи псэу зымылъагъур Езы гъащІэми къеужэгъу»⁴. Ауэ мыбдежым зы упщІэ къоув: гуІэ нэпсхэр щІагъэкІыурэ зи хэкур лъэщыгъэкІэ зрагъэбгына адыгэхэм я псэм пащІу фІыуэ ялъагъуу щымытауэ ара къызэранэкІ адэжь лъахэр? — Аракъым! Дэ дызэреплъымкІэ, дунейм зы лъэпкъи тету къыщІэкІынукъым адыгэм хуэдэу зи хэкум, абы щызэрахьэ хабзэхэм, нэмысым, лІыгъэм хуэпэжу къэгъуэгурыкІуа. Абы къыхэкІкІи «Хэхэс» усэм и иужърей сатыритІыр лъэпкъым и цІыху псоми ехьэлІэгъуейщ.

Тхьэгъэзит Зубер и «Хэхэс» усэм мыхьэнэкІэ, зы Іуэхугъуэм усакІуитІым хуаІэ бгъэдыхьэкІэмкІэ пэщІэбгъэувэ хъунущ шэрджэс усакІуэ *АбытІэ Владимир* и «Хэхэс уэрэдыр». Мыбы къызэрыхэщымкІэ, адыгэр дэнэкІэ щымыІэми, хэкумрэ къызыхэкІа и лъэпкъымрэ гурэ псэкІэ хуэпэжщ:

Хэт жызыГэр маржэ, Жьыбгъэм уанэ телъу Зи щГыгу имысыжхэм Я хэку ямыщГэжу? <...>

Дэ ди гъуэгу нэхъыщхьэр Xэкум йокIуэлIэж, XаnIэм йоуэлIэж 5 .

УсакІуэм къызэрильытэмкІэ, адыгэхэр я щІынальэм икІыжыныр сыт и лъэныкъуэкІи зи зэраныр абы и щІынальэм къизэрыгуа бийрщ.

Лъэпкъ тхылъеджэхэм сытым дежи тхыгъэ гъэщІэгъуэн, щІэщыгъуэ гуэрхэмкІэ яхуэупсэу псэуа тхакІуэ шэджащэ, драматург Іэзэ, усакІуэ *ІумІыж Бориси* къыпекІуэкІыфакъым ИстамбылакІуэм и Ізужь бзаджэхэр и творчествэм къыщимыгъэлъэгъуэжу. Ауэ адрей усакІуэхэм къащхьэщыкІыу, зи гугъу тщІы Іуэхугъуэр ІутІыжым къызэриІуэтэжар сонеткІэщ. Абы къыхэщыркъым авторым е пащтыхьыдзэхэм, Урысей къэралыгъуэм е Тырку щІыналъэм гужьгъэжь гуэрхэр яхуиІэу. НэгъуэщІу жыпІэмэ, уэлбанэ блэкІам щІакІуэ кІэлъищтэжыркъым абы, атІэ ди «дыгъуасэ» лъыпскІэ иІам дерс къыхэтхыжу къэкІуэну дахэ зэрыдухуэнум дыхущІэкъуну, псэху димыІэу дытелэжьэну дыкъыхуреджэ:

 Φ Іыкъым тхыдэтегьэр, ауэ нэгу щ1эк1ахэм \mathcal{L} ерс хэзымых лъэпкъыр — к1уэурэ мэк1уэд... 6

Сонетым и купщІэр, и гупсысэ нэхьыщхьэр зыхэль иужьрей сатыритІым ІутІыжым къыщегъэльагъуэ къарукІэ, льэщыгъэкІэ къыумызэуфынур акъылрэ ІущыгъэкІэ къызэрыпхьыфынур:

Маржэ хъужыххэнхэ, зыхэвгъэлъ ди лIыгъэp! Ауэ лIыгъэм япэ ирыpещ Iущыгъэp!⁷

Стопаитху нэхърэ нэхъыбэ хъу усыгъэм мащІэ дыдэрэщ ди лъэпкъ литературэм узэрыщрихьэлІэр. Абы и лъэныкъуэкІэ мы сонетым гъэщІэгъуэнагъ хэлъщ: ар стопаих хъу хорейм и жыпхъэм йозагъэ.

ИстамбылакІуэм щІыпІэ ин щеубыд шэрджэс усыгъэми, литературэр зэрыщыту къапштэми. Дэтхэнэ усакІуэ псэ къабзэми хуэдэу *Бемырзэ Мухьэдини* гухэщІ къриту щытащ адыгэм и тхыдэм. Абы фІыуэ илъагъурт адыгэу дунеишхуэм щикъухьахэр, псэкІэ зэщІигъэхьэн лъэкІырт ахэр щыпсэу щІыналъэ псори, икІи щІэхъуэпсырт и лъэпкъэгъухэм я хэгъуэгухэм къагъэзэжыну. А щІыналъэхэм я адыгэцІэхэр ноби къызэтенащ, хы ФІыцІэ лъащІэм щІэкІуэда ди лъэпкъэгъухэм я фэеплъу, «хэхэс» цІэ жагъуэм и бжьым щІэт адыгэхэм я хъуэпсапІэу, Бемырзэм хуэдэ цІыху псэ пІащІэхэм, адыгэлъ зи лъынтхуэм щызежэхэм я гупсысапІэу. Ар къыхощыж усакІуэм и «Мейкъуапэ щыщІэдзауэ Адлер нэсу…» усэм.

Зыщыпсэу къэралхэм я унэцІэ къудеи щызэрахьэжыну, я бзэкІэ щызэпсэльэну хуитыныгъэ зимыІэ, хыщІыб гъащІэ гугъур натІэ зыхуэхъуа адыгэхэр Бемырзэм ирегъапщэ «яубэрэжьауэ ямыгъагъыж сабийм». «Тыркум щыпсэу адыгэм и тхьэусыхэ» усэм ІупщІу уи нэгу къыщІегъэувэ апхуэдэ гъащІэм и щІыІагъыр, дыджагъыр. «Тыркум щыпсэу адыгэм и тхьэусыхэ» усэм абы щетх:

Жыдмы Гэщи — дымыгъуэщ, жыдо Гэри — дыгъуамэщ. Ар хъунут уи гур мыгъумэ е уи гу къуэпсхэр гъуамэ, Ар хъунут зы цГыху закъуэм и гуауэу щытыгъамэ Е лъэпкъым и гукъеуэм хэкГыпГэ иГэгъамэ⁸.

Хэкур зрагъэбгынахэм я закъуэкъым апхуэдэ гукъеуэ зиІэр. Зи адэжь лъахэм щыпсэуну е къэзыгъэзэжу лъапсэ щызыухуэжыну зи насып къикІахэри хуощыгъуэ адыгэр нобэкІэ зэрызэкъуэхуам. «Лъэпкъ гукъеуэ» зыфІища и усэм Бемырзэм щетх: «Узгъейуэрэ си нэпсри гъущыжащ, / Псынащхьи здэщымыІэ къум пшахъуэщІу, / УгуІэурэ уил къабзэр щыщыжащ / ЖэнэткІэ зэджэ хэхэс хэку жагъуэжьхэм»⁹.

«Хэхэсым и гъыбзэ» усэми Бемырзэм щІилъхьэ гупсысэ нэхъыщхьэр зэхьэлІар ищхьэкІи къыхэдгъэща уІэгъэ мыкІыжырщ – ИстамбылакІуэрщ. Адыгэ усакІуэ, тхакІуэ псори мащІэ-куэдми льэІэсащ а Іуэхугъуэм, ауэ Мухьэдин образ щІэщыгъуэкІэ къигъэлъэгъуэн хузэфІэкІащ зи хэкур зи хъуэпсапІэ жыжьэ, Іуащхьэмахуэ зэ Іуплъэжыным зи гугъэр хэзыхыжа ди лъэпкъэгъухэм ягу щыщІэр: «Щхьэр фІэчу пхъэкум къыхэна гъущІ Іунэу / Ди гушІэм укъинащ, уэ, адыгэщІ!» 10.

Адыгэм и блэкІам сыт щыгъуи игъэпІейтейуэ, и къэкІуэнум тегузэвыхьу, льэпкъым и гуфІэгъуи и гуауи гурэ псэкІэ зыхэзыщІэу дунейм тета шэрджэс усакІуэщ *Нэхущ Мухьэмэд*. Дауи, апхуэдэ зэхэщІыкІ зиІэ усакІуэр блэкІыфынкІэ Іэмал иІакъым ди лэжьыгъэр зытедгъэпсыхьа Іуэхугъуэ шынагъуэм — псыикІыж гуауэшхуэм. Абы и гузэвэгъуэ псори наІуэу къыхощыж «Лъэпкъым», «Маржэ, адыгэхэ!» усэхэм. Психологизм лъэщ хэлъу мы усэхэм къыщыгъэлъэгъуэжащ Кавказ зауэжьым и гуащІэгъуэри, абы и ужь кърихъуа лъэпкъ хьэдагъэшхуэри, хэхэс гъащІэм и дыджагъри. «Лъэпкъым» усэм усакІуэм щыщІихъумэркъым апхуэдэ гуауэшхуэр зи Іэужьхэри:

Уи ней, уи губжь, уи гыбзэ узыукІахэм Уэ ябдзу уи Хы Анэм уиІэпхъукІт. Романовхэ хуэхъуауэ хуит уи Лъахэм Шы бадзэу уи лъы къабзэр къыщІафыкІт¹¹.

«Маржэ, адыгэхэ!» усэм уэрэд гъэпсыкІэ иІэщ, строфикэ и лъэныкъуэкІэ уеплъми, усакІуэм абы «уей-жи!», «маржэ-жи!» междометиехэр къызэригъэсэбэпри Іуэхум къыхэплъытэми. Усэм и пэщІэдзэм къыхощ тхыдэм хэлъа гуауэр: « $\mathcal{A}u$ менджыз Φ ІьщІэм сыIухьэмэ, / Xьэдагъэ макъыр егъэIу» 12 , — щетх абы усакІуэм. Усэр гур зэщІэзыІэтэ ритмикэ шэщІакІэ, лъэпкъ зэкъуэувэжын, зэлъэІэсыжын гугъапІэ-хъуэпсапІэ дахэхэмкІэ еух, усакІуэри фІым хуохъуахъуэ.

Адыгэ лъэпкъым къытепсыха насыпыншагъэр къыщыгъэлъэгъуэжащ *Бещ- токъуэ Хьэбас* и усэ зыбжанэми. Апхуэдэхэщ «Къэбэрдей», «Адыгэм ди гъыбзэ»,

«Адыгэ къэралыгъуэ», «Тенджыз», н. Мыбыхэм къыщыІуэтащ адыгэхэм я блэкІар гуІэ нэпскІэ зыгъэнщІа Іуэхугъуэхэр, ахэр къызыхэкІар, абыхэм къадэкІуа тхьэмыщкІагъэхэр. Псалъэм папщІэ, Бещтокъуэм «Адыгэм ди гъыбзэ» зыфІища усэм щетх:

Дихьыпащ пащтыхьым и топышэм, Мухьэжырхэм хым адрыщ дахьащ. Мащэм ущепльыхк эгр зэлымп у, Мащэ куум к ыф ыгьэ тк ийр и ныпу Тхыдэм дэ ди Іуэху щызэ ыхьащ 3.

А насыпыншагъэр зи зэрану усакІуэм къигъэлъагъуэр мыращ:

Думычыхмэ – пщІыгъуми уемызэгъ. Дачыхакъым, зэкъуэувэфакъым, Мис ар тхьэхэм къытхуагъэгъуфакъым, КъэзыщІар аращ ди гъащІэр зэв¹⁴.

Зауэр иухыу лІэщІыгъуэ псо дэкІыжа нэужь дунейм къытехьа цІыхум а лъыгъажэ гущІэгъуншэр къэхъеинкІэ щІэхъуар нэсу и акъыл къимытІэсэныр, ІупщІу и нэгу къыщІимыгъэувэфыныр зыхуэІуа щыІэкъым. Абы и лъэныкъуэкІэ арэзы укъэзымыщІ сатырхэм ущрохьэлІэ мы усэм. Пэжуи къыщІэкІынут адыгэхэр куэд зэрыхъур, ауэ паштыхым и дзэ бжыгъэншэхэм еплъыт нэужькІэ, ахэр мащІэ дыдэу къыщІидзыжырт. Мыри щІыгъужыпхъэщ: усакІуэм ди лъэпкъым и цІыхухэм къемэщІэкІауэ жыхуиІэ акъылымкІэ адыгэр сыт хуэдэ зэмани цІэрыІуэу къекІуэкІащ. Бещтокъуэм и усэми, нэгъуэщІ тхыгъэ куэдми хуэдэу, ди лъэпкъым и цІыхухэм къатехьа леймкІэ къуаншагъэ гуэрхэр ябгъэдэлъу къыхощыж диным и лэжьакІуэхэр:

ТеплъэкъукІат ди Іуэхум Тхьэшхуэ, Махьсымэм тІэкІу тегушхуэІуат... Хэт – чэфщ, хэт – фэндщ, модрейри хьэшхуэщ, Къит уазми «куэду» щІэльщ къэуат¹⁵.

КъыкІэльыкІуэ щхьэусыгъуэу Бещтокъуэм къегъэлъагъуэ адыгэхэм къешынэуэжа пагагъэр, арауи къелъытэ лъэпкъгъэкІуэдыр къытхуэзыгъэкІуар: «Пагагъэ нэр къыщхьэрызыпхъуэрщ / ЗыщІар адыгэр лъэпкъгъэкІуэд»¹⁶, — щыжеІэ абы и усэм.

Уи нэкІэ плъэгъуам хуэдэ щыІэкъым. Хэхэс гъащІэм и дыджагьыр и нэгу щІэкІащ Бицу Анатолэ, ар лІыкІуэ гупышхуэм хэту Тырку щІыналъэм щыщыІам. Бицум и дуней еплыкІэм зиужыным, и гупсысэм зиукъуэдииным сэбэп хуэхъугъащ тхьэмыщкІагъэу хамэщІ щыпсэу цІыхухэм ядилъэгъуар, ар игу худэмыгъахуэуи «Тырку щІыналъэ» псалъащхьэм щІэт и усэхэм къаІуэтащ. Бицум и усэ гупым къагъэлъагъуэр мылъкур щытепщэ къэралым и дунейрщ. Мыр идеологиекІэ псыхьа усэщ: щитха зэманым къезэгъыу щытагъэнущ, ауэ нобэкІэ щыІэ тхыгъэхэм ебгъапщэмэ, фагъуэ щІохъукІ. Апхуэдэу щытми, усакІуэм шабзэшэу и гум пхокІ къыдалъхуа и къуэшхэм бэлыхьрэ хьэзабу хамэщІым щашэчыр. ГъэщІэгъуэнщ Тырку щІыналъэм зэрынэсу Бицум япэу гу зыльитар – ар «плІэкІэ дуней псор зезыхьэ» хьэльэзехьэхэу кхъухь тедзапІэм зыщыхуэзахэрщ. УсакІуэм щхьэусыгъуэншэу гу лъитакъым абы: а хьэлъэзехьэхэрщ ЩоджэнцІыкІу Алий дежкІэ хамэщІым анэ Іэ щабэу щыщытар. Абы къыхэкІкІэ Бицум къыфІощІ зи Іэр пхъашэ лэжьакІуэбэм иджыпсту хьэлъэ щызэблах кхъухьтедзапІэр и нэІуасэу, фІы дыдэу ицІыху хуэдэу. Къулыкъури, нэмысри, напэри, щІыхьри ахъшэкІэ къыщащуху къэралым мэжджыт льагэхэмрэ дыщэкІэ зэщІэбла къулеижьхэмрэкІэ хущІ уфэнукъым гугъуехьак Гуэм ятель къулейсызыгъэр. А псор къызыгуры Гуэ усакІуэм мы псалъэхэмкІэ захуегъазэ а къэралыгъуэм и къалащхьэ Истамбыл:

Исщ уи льахэм, яльэмыкІыу, ахэр. Къэхъужыфкъым хуити – я гур мэгъу... Истамбыл, уэ уи мэжджыт Іэтахэр Іуащхьэмахуэ ахэм яхуэмыхъу!¹⁷

Бицум къызэриІуэтэжымкІэ, зы псалъэ закъуэщ ар а щІыналъэм зышар, икІи а псалъэ закъуэм и щІыІагъымрэ и дыджагъымрэ лъабжьэ яхуэхъуащ хамэщІым триухуа усэхэм.

«Хэхэс» псальэ жагьуэм кьикІри ЗыхэсщІарэ згьэву псэкІэ ЕсхьэкІащ жэщ куэд иужькІи, Нэпсхэр усэм зыщІафыху.

Псалъэ закъуэ жысІэм куэдри Сэ слъэгъуащ и щІыб къыдэтыр. КъызжьэдэмыкІ сэ ар дапщэщи Си псэр хэмыту мафІэс...¹⁸

«Тырку щІыналъэ» циклым хэтщ и купщІэкІи и зэхэлъыкІэкІи усэ гъэщІэгъуэн, гумрэ псэмрэ дыхьэ псалъэхэмкІэ къулейуэ. Ар «Истамбыл» жыхуиІэрщ. Мы усэр псом хуэмыдэу гукъинэж пщызыщІыр абы екІуу къыщыгъэсэбэпа къэгъэпсэуныгъэ Іэмалырщ. Ар хыболъагъуэ авторым Истамбыл къалэ упщІэ хьэлэмэткІэ, риторическэ упщІэкІэ зыщыхуигъазэкІэ:

Истамбыл, сэ нобэ сурихьэщІэщ, Ауэ къысхуэпщІахэр сэ бысым УэркІэ зэрыхьэщІэр ильэсипщІу Іэджэ хъуауэ пщІэжрэ уэ езым? 19

Зи гугъу тщы усэм, ищхьэк і къэдгъэлъэгъуахэми ещхьу, гупсысэ нэхъыщхьэу хэухуэнащ дунейм ф іыгъуэу телъым нэхърэ нэхъ лъап і эр ущалъхуа хэкур арауэ зэрыщытыр, абы пэхъун зэрыщымы і эр: «Дунейм тетыр пхъуэж мыхъуну зык іи Хэкуу зэрыщытыр си ф і эщ хъуащ» 20, — же і э Бицум хэхэс гъащ і зурыф іыгъуэншэр и нэгу щ і эк і а нэужь.

УсакІуэ куэдым ятхахэм къащхьэщыкІыу, ИстамбылакІуэр къызыхэщыжу Уэрэзей Афлик и ІэдакъэщІэкІ усэхэм къыщыгъэлъэгъуакъым бгырыс лъэпкъхэм къалъыкъуэкІа гузэвэгъуэр къызыхэкІар, ар къэзыша щхьэусыгъуэхэр. НэгъуэщІу жыпІэмэ, Уэрэзейм къалэну зыхуигъэувыжыркъым хеймрэ мысэмрэ зэхэгъэкІыныр, атІэ абы и усэхэм къыхэщыр ди хэкуэгъу, ди лъэпкъэгъухэм я щхьэ кърикІуа насыпыншагъэм езы усакІуэм кърит гурыгъурщ, абыхэм псэкІэ ящІыгъуу игъэв бэлыхьырщ. Псалъэм папщІэ, мыпхуэдэ сатырхэм дыкъыщоджэ Уэрэзейм и «Уэрэдыжь» усэм.

> Адыгэм сыкъеджэжынути, Си макъыр дэнэкІэ згъэзэну? Адыгэр къэслъыхъуэжынути, ДэнэкІэ къыщыщІэздзэну?²¹

Усэм щІэль гупсысэ куур нэхь гущІыхьэ пщещІ ар уэрэдым ещхьу зэрыгьэпсам, абы и кІуэцІкІэ узыщрихьэлІэ междометиехэу *«сэрмахуэ», «уей»* жыхуиІэхэм:

> Льыгьажэм ухуэГэижьмэ, **уей**, Уи гьуэгур нэпс-льыпс зэхэлькъэ, **Сэрмахуэ**, мы дунеижьмэ, **уей**, И набжьэм зыгуэрхэр щГэлькъэ²².

Ди кІэлъыплъыныгъэхэм къызэрагъэлъэгъуащи, къэбэрдей-шэрджэс усыгъэм ИстамбылакІуэм ехьэлІауэ хэт щапхъэхэр бжыгъэншэщ, зы лэжыыгъэм и кІуэцІкІи къыпхузэщІэкъуэнукъым. Ди усакІуэ нэхъыжьхэми нобэкІэ лъэпкъ литературэм япэ лъэбакъуэхэр щызыч усакІуэ ныбжьыщІэхэми зэхуэмыдэу, лъэныкъуэ куэдкІз зэщхьэщыкІыу я творчествэм къыщагъэлъэгъуащ хамэщІым и щІыІагъыр, хэхэсым и дуней хьэлъэр. Абыхэм я усэхэм халъхьа художественнэ Іззагъыр, хаухуэна гупсысэхэр, а усэхэр зэраухуа щІыкІэр куэдкІэ зэтехуэркъым. Ауэ нэхъыщхьэр зыщ: абыхэм къагъэлъэгъуэжыр нобэр къыздэсым лъэпкъ псом къефыкІ узщ, езы зэманми хуэмыгъэхъуж уІэгъэ мыгъущыжщ.

ЕІуэлІапхъэхэр

- 1. *Дыгъужь Къу.Б.* Тхьэрыкъуэхэм я къафэ. Черкесск: Ставрополь тхылъ тедзапІэ. Къэрэшей-Черкес отеленэ, 1989. Н. 27.
 - 2. Ар дыдэм.
 - 3. *Тхьэгьэзит 3.М.* Усыгьэхэр. Налшык: Эльбрус, 2005. H. 140.
 - 4. Ар дыдэм.
- 5. *АбымІэ В.Къ*. Уанэ махуэ. Черкесск: Ставрополь тхылъ тедзапІэ. Къэрэшей-Черкес отеленэ, 1981. Н. 17.
 - 6. ІутІыж Б.Къу. Къудамэхэр. Налшык: Эльбрус, 2005. Н. 119.
 - Ар дыдэм.
- 8. *Хьэвжокъуэ Л.Б.* Бемырзэ Мухьэдин и усыгъэ дунейр. Налшык: КъБЩІКъИ-м и тхылъ тедзап19, 2014. Н. 78.
 - 9. Ар дыдэм.
 - 10. Ар дыдэм. Н. 84.
 - 11. Нэхүш М.Дж. Адыгэ нэпсхэр. Черкесск: «Аджьпа» тхылъ тедзап Э, 1995. Н. 8.
 - 12. Ар дыдэм. Н. 10.
 - 13. Бещтокъуэ Хь.Къ. Дуней телъыджэ. Налшык: Эльбрус, 2003. Н. 410.
 - 14. Ар дыдэм.
 - 15. Ар дыдэм. Н. 411.
 - 16. Ар дыдэм. Н. 412.
 - 17. Бицу А.М. Усыгъэхэр. Налшык: Эльбрус, 1997. Н. 131.
 - 18. Ар дыдэм.
 - 19. Ар дыдэм.
 - 20. Ар дыдэм.
 - 21. Уэрэзей А.П. Кхъужьей къудамэ. Налшык: Эльбрус, 2004. Н. 8.
 - 22. Ар дыдэм. Н. 7.

Л.Б. Хавжокова, Р.А. Жемухова

ОТРАЖЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ФАКТОВ И СОБЫТИЙ В КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОЙ ПОЭЗИИ

Статья посвящена исследованию основных способов и форм художественного осмысления и воспроизведения исторических фактов и событий в кабардино-черкесской поэзии. Исследование базируется на событиях XVIII–XIX вв. в истории адыгов, их последствиях. В статье выявлено, что тема Кавказской войны и махаджирства занимает значительное место в кабардино-черкесской поэзии.

Ключевые слова: кабардино-черкесская поэзия, история, поэтика, Кавказская война, переселение (исход, изгнание) в Стамбул, художественное мировидение.

L.B. Havzhokova, R.A. Zhemuhova

REFLECTION OF HISTORICAL FACTS AND EVENTS IN KABARDINO-CIRCASSIAN POETRY

The article is devoted to the study of the main ways and forms of artistic comprehension and reproduction of historical facts and events in Kabardian-Circassian poetry. The study is based on the events of the 18th-19th centuries. in the history of the Circassians, their consequences. The article reveals that the theme of the Caucasian War and emigration occupies a significant place in the Kabardian-Circassian poetry.

Keywords: Kabardino-Circassian poetry, history, poetics, Caucasian war, resettlement (exodus, expulsion) to Istanbul, artistic worldview.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Кожев Заурбек Анзорович, к.и.н., зав. сектором средневековой и новой истории ИГИ КБНЦ РАН

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Тел. +7-903-497-11-69 E-mail: kbigi@mail.ru

Прасолов Дмитрий Николаевич, к.и.н., зав. сектором этнологии и этнографии ИГИ КБНЦ РАН

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Тел. +7-928-720-32-76

E-mail: dmprasolov@gmail.com

Хотко Самир Хамидович, к.и.н., ведущий научный сотрудник отдела этнологии Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований имени Т.М. Керашева

385000, г. Майкоп, ул. Краснооктябрьская 13

Тел. 8 (8772) 52-16-23 E-mail: inalast@mail.ru

Кармов Амерби Хазретович, к.и.н., старший научный сотрудник сектора новейшей истории ИГИ КБНЦ РАН

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Тел. +7-928-078-68-98 E-mail: kdigi@mail.ru

Дзуганов Тимур Аликович, к.и.н., старший научный сотрудник сектора средневековой и новой истории ИГИ КБНЦ РАН

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Тел. +79887200983

E-mail: dzughanov@mail.ru

Вислова Аминат Даняловна, д.психол.н., ведущий научный сотрудник проблемной группы по изучению современного развития общества ИГИ КБНЦ РАН

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Тел. 8 (8662) 42-20-92 E-mail: kbigi@mail.ru

Такова Александра Николаевна, к.и.н., старший научный сотрудник проблемной группы по изучению современного развития общества ИГИ КБНЦ РАН

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Тел. +7-928-706-45-34 E-mail: kbigi@mail.ru

Кочесоков Роберт Хажисмелович, д.филос.н., профессор, зав. кафедрой философии Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 29, кв. 52

Тел. +7-928-694-21-78

E-mail: robertkochesokov@yandex.ru

Дзуганова Рита Хабаловна, д.ф.н., ведущий научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка ИГИ КБНЦ РАН

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Тел. 8 (8662) 42-47-75 E-mail: dzug.rita@yandex.ru

Аппоев Алим Каншауович, к.ф.н., доцент, старший научный сотрудник сектора карачаево-балкарского языка ИГИ КБНЦ РАН

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Тел. +7-928-719-15-97 E-mail: appoev74@mail.ru

Гутов Адам Мухамедович, д.ф.н., профессор, заведующий сектором адыгского фольклора ИГИ КБНЦ РАН

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Тел. 8 (8662) 42-38-52 E-mail: adam.gut@mail.ru

Алхасова Светлана Михайловна, д.ф.н., ведущий научный сотрудник сектора кабардино-черкесской литературы ИГИ КБНЦ РАН

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Тел. +7-928-707-49-15 E-mail: alkhas55@mail.ru

Баков Хангери Ильясович, д.ф.н., профессор, главный научный сотрудник сектора кабардинской литературы ИГИ КБНЦ РАН

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Тел. 8 (8662) 42-52-75 E-mail: kbigi@mail.ru

Болатова (Атабиева) Асият Даутовна, к.ф.н., старший научный сотрудник сектора балкарской литературы ИГИ КБНЦ РАН

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Тел. +7-962-652-11-62

E-mail: bolatovaatabieva@mail.ru

Бетуганова Елена Нартшаовна, к.ф.н., научный сотрудник сектора кабардино-черкесской литературы ИГИ КБНЦ РАН

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Тел. +7-928-692-09-78

E-mail: alena.betuganova@yandex.ru

Гергокова Лейла Созакбайовна, к.ф.н., научный сотрудник сектора карачаево-балкарского языка ИГИ КБНЦ РАН

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, д. 18

Тел. 8 (8662) 42-20-54

E-mail: leylagergokova79@mail.ru

Сабанчиева Любовь Хабижевна, к.и.н., доцент, старший научный сотрудник сектора этнологии и этнографии ИГИ КБНЦ РАН

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Тел. 8 (8662) 42-48-91 E-mail: sablyu@mail.ru

Тхамокова Женя Галимовна, к.ф.н., старший научный сотрудник сектора адыгского фольклора ИГИ КБНЦ РАН

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Тел. +7-928-721-31-01 E-mail: zt1017@mail.ru **Хавжокова Людмила Борисовна**, к.ф.н., старший научный сотрудник сектора кабардино-черкесской литературы ИГИ КБНЦ РАН

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Тел. +7-909-487-65-86

E-mail: lyudmila-havzhokova.86@mail.ru

Жемухова Радима Ахъедовна, магистр 2 года обучения направления «Филология» Института истории, филологии и СМИ КБГУ

360000, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173

Тел. 8-963-166-15-75

E-mail: lyudmila-havzhokova.86@mail.ru

THE AUTHORS OF THIS ISSUE

Kozhev Zaurbek Anzorovich, Candidate of History, Head of the Sector of Middle Ages and Modern History of the IHR KBSC RAS

18 Pushkin Street Nalchik 360000 Ph. +7-903-497-11-69 E-mail: kbigi@mail.ru

Prasolov Dmitry Nikolaevich, Candidate of History, Head of the Ethnology and Ethnography Sector of the IHR KBSC RAS

18 Pushkin Street Nalchik 360000, Ph. +7-928-720-32-76

E-mail: dmprasolov@gmail.com

Khotko Samir Khamidovich, Candidate of History, Leading Researcher of the Ethnology Department, the Adyghe Republican Institute of Humanitarian Researches

13, Krasnooktyabrskaya Street

Maykop 385000 Ph. 8 (8772) 52-16-23 E-mail: inalast@mail.ru

Karmov Amerbi Khazretovich, Candidate of History, Senior Researcher of the Contemporary History Sector of the IHR KBSC RAS

18 Pushkin Street Nalchik 360000 Ph. +7-928-078-68-98 E-mail: kbigi@mail.ru

Dzuganov Timur Alikovich, Candidate of History, Senior Researcher of the Sector of Middle Ages and Modern History of the IHR KBSC RAS

18 Pushkin Street Nalchik 360000, Ph. +7-988-720-09-83 E-mail: dzughanov@mail.ru

Vislova Aminat Danjalovna, Doctor of Psychology, Leading Researcher of the Group for the Study of the Modern Development of the Society of the IHR KBSC RAS

18 Pushkin Street Nalchik 360000 Ph. 8 (8662) 42-20-92 E-mail: kbigi@mail.ru

Takova Alexandra Nikolaevna, Candidate of History, Senior Researcher of the Group for the Study of the Modern Development of the Society of the IHR KBSC RAS

18 Pushkin Street Nalchik 360000 Ph. +7-928-706-45-34 E-mail: kbigi@mail.ru **Kochesokov Robert Hazhismelovich**, Doctor of Philosophy, Professor, Head of Philosophy Department at the Kabardian-Balkarian State University named by Kh.M. Berbekov

29 Pushkin Street, app. 52

Nalchik 360000

Ph. 8 (8662) 42-24-62

E-mail: robertkochesokov@yandex.ru

Dzuganova Rita Habalovna, Doctor of Philology, Leading Researcher of the Kabardian-Circassian Language Sector of the IHR KBSC RAS

18 Pushkin Street

Nalchik 360000

Ph. 8 (8662) 42-47-75

E-mail: dzug.rita@yandex.ru

Appoev Alim Kanshauovich, Candidate of Philology, Associate Professor, Senior Researcher of the Karachay-Balkarian Language Sector of the IHR KBSC RAS

18 Pushkin Street

Nalchik 360000

Ph. +7-928-719-15-97

E-mail: appoev74@mail.ru

Gutov Adam Muhamedovich, Doctor of Philology, Professor, Head of the Adyghe Folklore Sector of the IHR KBSC RAS

18 Pushkin Street

Nalchik 360000

Ph. 8 (8662) 42-38-52

E-mail: adam.gut@mail.ru

Alhasova Svetlana Mihaylovna, Doctor of Philology, Leading Researcher of the Kabardian-Circassian Literature Sector of the IHR KBSC RAS

18 Pushkin Street

Nalchik 360000

Ph. +7-928-707-49-15

E-mail: alkhas55@mail.ru

Bakov Hangeri Ilyasovich, Doctor of Philology, Professor, Leading Researcher of the Kabardian-Circassian Literature Sector of the IHR KBSC RAS

18 Pushkin Street

Nalchik 360000

Ph. 8 (8662) 42-52-75

E-mail: kbigi@mail.ru

Bolatova (Atabieva) Asiat Dautovna, Candidate of Philology, Senior Researcher of the Balkarian Literature Sector of the IHR KBSC RAS

18 Pushkin Street

Nalchik 360000

Ph. +7-962-652-11-62

E-mail: bolatovaatabieva@mail.ru

Betuganova Elena Nartshaovna, Candidate of Philology, Researcher of the Kabardian-Circassian Literature Sector of the IHR KBSC RAS

18 Pushkin Street

Nalchik 360000

Ph. +7-928-692-09-78

E-mail: alena.betuganova@yandex.ru

Gergokova Leyla Sozakbayovna, Candidate of Philology, Researcher of the Karachay-Balkarian Folklore Sector of the IHR KBSC RAS

18 Pushkin Street Nalchik 360000 Ph. 8 (8662) 42-20-54

E-mail: leylagergokova79@mail.ru

Sabanchieva Lyubov Habizhevna, Candidate of History, Associate Professor, Senior Researcher of the Ethnology and Ethnography Sector of the IHR KBSC RAS

Nalchik 360000 Ph.: 8 (8662) 42-48-91 E-mail: sablyu@mail.ru

18 Pushkin Street

Thamokova Zhenya Galimovna, Candidate of Philology, Senior Researcher of the Adyghe Folklore Sector of the IHR KBSC RAS

18 Pushkin Street Nalchik 360000 Ph. +7-928-721-31-01 E-mail: zt1017@mail.ru

Havzhokova Lyudmila Borisovna, Candidate of Philology, Senior Researcher of the Kabardian-Circassian Literature Sector of the IHR KBSC RAS

18 Pushkin Street Nalchik 360000 Ph. +7-909-487-65-86

E-mail: lyudmila-havzhokova.86@mail.ru

Zhemuhova Radima Ahyedovna, Graduate Student of the Institute of History, Philology and Media of Kabardian-Balkarian State University

173 Chernyshevsky Street Nalchik 360000

Ph. +7-963-166-15-75

E-mail: lyudmila-havzhokova.86@mail.ru

Информация для авторов журнала «ВЕСТНИК КБИГИ»

Журнал принимает к рассмотрению работы, которые не публиковались прежде и не находятся в процессе подготовки к публикации в других изданиях.

- 1. Редакция журнала принимает для публикации статьи по следующим направлениям:
 - история;
 - филология;
 - проблемы развития современного общества;
 - культурология.
- 2. Объем материалов. Рекомендуемый объем для статьи до 15 с. (с учетом требований п.п. 4 и 5), включая текст, таблицы, примечания, иллюстрации.
 - 3. Статьи должны иметь:
 - 3.1. Направление организации, в которой работает автор;
 - 3.2. Акт экспертизы;
 - 3.3. Справку из отдела аспирантуры (для аспирантов и соискателей);
 - 3.4. УДК (индекс статьи по универсальной десятичной классификации);
 - 3.5. Фамилию и инициалы автора на русском языке;
 - 3.6. Название статьи на русском языке;
 - 3.7. Аннотации (не более 7–10 строк) и ключевые слова на русском языке;
- 3.8. Сведения об авторе на русском языке (место работы и должность, ученая степень и звание, контактный телефон, почтовый и электронный адреса);
- 3.9. В конце текста статьи после примечаний приводятся данные (пп. 3.5.–3.8.) на английском языке, в том числе Ф.И.О. автора (авторов) полностью;
 - 3.10. Первая страница статьи подписывается автором.
- 4. Авторы представляют в журнал один распечатанный экземпляр работы и файл (MS Word, формат DOC или RTF). Текст работы должен быть набран в формате бумаги А4 шрифтом Times New Roman 14 через полуторный интервал; страницы должны быть автоматически пронумерованы. При использовании в статье аббревиатур и сокращенных названий необходимо давать их расшифровку в конце статьи после списка примечаний. Иллюстрации должны быть хорошего качества и представлены дополнительно в виде графических файлов (в формате TIFF или JPEG).
- 5. Примечания помещаются в конце статьи (затекстовая ссылка) и вносятся автоматически; нумерация сквозная, например:
 - 1) Фотометрия и радиометрия оптического излучения. М.: Наука, 2002. Кн. 5. С. 24.
- 2) Археология: история и перспективы: сб. ст. I межрегиональной конференции. Ярославль, 2003. С. 156.

Нумерация в основном тексте должна полностью соответствовать нумерации и тексту ссылки.

В выходных данных книг следует указывать фамилию и инициалы автора, полное название книги, место издания, издательство, год издания, том или выпуск, общее количество страниц. А в выходных данных статьи – фамилию и инициалы автора, название статьи, название журнала, год издания, том, номер, первую и последнюю страницы статьи.

<u>Внимание</u>: Вся информация на электронном носителе должна полностью соответствовать бумажному и представлять собой окончательный вариант научного труда.

Рукописи и электронные носители авторам не возвращаются.

Решение о публикации или отклонении статей принимается редакционной коллегией.

Усл. печ. л. 11,6 Формат $70x108^{\ 1/}_{\ 16}$ Цена свободная

Гарнитура Times Заказ 200

Учредитель: Институт гуманитарных исследований КБНЦ РАН (ИГИ КБНЦ РАН) 360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Отпечатано в Издательском отделе ИГИ КБНЦ РАН: 360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18. Тел. 8 (8662) 42-50-94

Зав. издательским отделом К.М. Шомахова Компьютерная верстка А.В. Гергоковой Техническое редактирование А.В. Гергоковой